

Наталья БОГАЧЁВА

Ветер Ямала долетел до Турции

В декабре прошедшего года в России прошло знаковое событие – международный Медиаконгресс – «Arctic Media World». Впервые в международной практике в России собрались около 200 журналистов из 24 стран, чтобы познакомиться с российской частью самого холодного региона мира – Арктикой. Местом для встречи был выбран полуостров Ямал.

Были в Сабетте рядом и не встретились

– Сынок, я улетаю в командировку, – сказала я сыну и тут же подумала: только бы не спросил «куда», пути не будет.

– Далекое? – спросил сын. Слава богу, не «кудыкнул».

– На Север, – ответила я, суверенно не назвав конечную точку своей командировки.

– А я тоже лечу на Север. В Сабетту, – спокойно сказал он.

– Что ты говоришь, и я в Сабетту...

Затем выяснилось, что мы летим в один и тот же день, но разными рейсами. Он – по одним делам, я – по другим. Я летела на Международный Арктический медиаконгресс, который должен был состояться на Ямале.

Первую посадку самолёт сделал в Сабетте. Цель – рассказать и показать двумстам журнали-

стам из 24 стран мира, какой уникальный завод, посёлок, морпорт и аэропорт выросли за считанные годы на вечной мерзлоте у южного берега Северного Ледовитого океана – на побережье Карского моря – в Обской губе.

...После трёх с лишним часов полёта мы увидели среди бескрайней заснеженной тундры тысячи огней. Фантастическая картина! Это светился международный арктический комплекс по производству сжиженного газа «Ямал-СПГ».

Его начали строить в июле 2012 года. Всего год с небольшим назад – 5 декабря 2017 года завод «Ямал-СПГ» начал производить природный сжиженный газ на своей первой технологической линии проектной мощностью 5,5 млн тонн в год. А 8 декабря сюда прилетел Путин и дал старт загрузке первого в мире ледокольного танкера-газовоза.

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использованы
иллюстрации Ольги Пеленковой

Подписано в печать
12 февраля 2019 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ФГУП «Издательство «Наука»,
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.

Заказ 92к

СОДЕРЖАНИЕ

- Регион под микроскопом
Наталья БОГАЧЁВА.
Ветер Ямала долетел до Турции..... **1**
- Севером овеянные судьбы
Олег ХИМАНЫЧ.
Тополя Северодвинска: время умирать..... **10**
- Загадочные фигуры XX века
Вячеслав ОГРЫЗКО.
*Менял шкуру, как змея, семь раз, или Кто продвинул Юрия Андропова в
большую власть.....* **15**
- Между небом и землёй
Владимир ОБРАЗЦОВ.
Плавание топора, или Робинзонада по-нелькобински..... **24**
- Рассказ
Варвара КОРЯКИНА.
Забытая легенда..... **35**
- Живут сказанья
Сергей СУЩАНСКИЙ.
Вельботы уходят в море..... **38**
- Наш дом – Арктика
Хабир ХАРИСОВ.
Красный Чум Таймыра..... **45**
- Драма
Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ.
По следам таёжных каннибалов..... **59**
- Версия
Николай ЮРЛОВ.
Синдром пленительной звезды..... **62**
- Год театра
Борис САВЧЕНКО.
Ренессанс под конвоем..... **64**

Его назвали «Кристоф де Маржери» в честь главы французской компании TOTAL, который погиб в аэропорту Внуково при катастрофе самолёта Falcon. К слову сказать, при имянаречении судна его «крёстной матерью» стала Валентина Матвиенко. Она по традиции разбила о борт танкера бутылку шампанского и пожелала экипажу и всем морякам семь футов под килем. Это судно – первый из пятнадцати ледокольных танкеров-газовозов «Совкомфлота». Они строятся специально для Сабетты. Судно способно работать при температуре до минус 52 градусов по цельсию среди постоянно дрейфующих льдов. Преодолевая ледяные торосы, может идти кормой вперёд. Танкер обслуживают 29 человек. 13 из них – штатные офицеры. А в конце декабря, через день после нашего визита сюда прилетит премьер Медведев, чтобы дать старт третьей технологической линии.

...Сабетта не похожа ни на один из северных посёлков. Около 14 тысяч вахтовиков живут здесь бесплатно и работают вахтовым методом по 35 суток, затем их сменяют другие. Профессии разные, но требующие необходимых навыков в строительстве и эксплуатации завода. Самые востребованные для мужчин и женщин – водитель, техник, механик, сварщик, монтажник, электромонтёр, повар.

Здесь многого нет и многое запрещено. По округе не раздаётся собачий лай и не мяукают кошки, потому что их здесь просто нет – запрещено. Зато под обещаниями, построенными на сваях, забитых в вечную мерзлоту, бегают наглые песцы. Иногда в посёлок заходят белые медведи, не понимая, что происходит с местами их традиционного обитания.

Здесь категорически запрещено спиртное и нет мест для курения. Не так давно здесь появилось необычное строение – деревянный сруб на сваях – Свято-Троицкий храм. Освящать его прилетал сам Патриарх Кирилл. Из развлечений – один спортивный зал. Есть магазин, где продают не очень дешёвые товары, зато в столовой кормят бесплатно, сытно и вкусно. Один рабочий сказал, что, когда бывает дома, ждёт, не дожждётся своей вахты: котлеты жены не идут ни в какое сравнение со здешними.

Средняя зарплата вахтовиков – около 100 000 рублей в месяц. Много это или мало, учитывая экстремальные условия Крайнего Севера, Арктики, где восемь месяцев зима и лишь полтора – лето? Местные жители говорят, что не так уж и много. Но чтобы попасть сюда на работу, надо, во-первых, иметь профессию, во-вторых, пройти очень строгий отбор по состоянию здоровья. Работают в основном специалисты из

городов и населённых пунктов средней полосы России, где нет ни работы, ни зарплаты.

Международный проект «Ямал-СПГ» родился и приобретает жизнь за Полярным кругом на базе Южно-Тамбейского месторождения. Стоимость его – 27 миллиардов долларов. Его реализуют ПАО «НОВАТЭК», концерн TOTAL, Китайская Национальная Нефте-Газовая Корпорация и Фонд Шёлкового пути. Благодаря этому проекту у

Средняя зарплата вахтовиков – около 100 000 рублей в месяц. Много это или мало, учитывая экстремальные условия Крайнего Севера, Арктики, где восемь месяцев зима и лишь полтора – лето?

России теперь есть возможность поставлять круглогодично природный сжиженный газ через Севморпуть на рынки Европы, Северной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона.

За шесть лет на месте национального поселения, где жили всего несколько человек, построили мощный производственный комплекс и посёлок газовиков. В первое время здесь жили и работали до 30 тысяч специалистов, включая строителей. Сегодня – около 14,5 тысяч. При строительстве завода «Ямал-СПГ» мощностью 16,5 млн тонн используют модульный принцип монтажа. Это сокращает затраты в условиях Арктики. В декабре 2018 года премьер Дмитрий Медведев дал старт третьей технологической линии.

Выгодно само положение завода. При низких температурах здесь требуется меньше затрат на сжижение природного газа, а отсюда – более высокие объёмы производства СПГ.

Понятие «Сабетта» довольно широкое. Кроме производственного комплекса – завода «Ямал-СПГ» здесь построены и международный аэропорт и арктический морской порт – ворота

Севморпути.

Северный морской путь – это кратчайший водный путь из европейской части России на Дальний Восток. Около 25 лет назад китайцы разработали проект «Нового шёлкового пути», и семь вариантов его коридоров. Два из них проходят по территории России. Это – Арктический Севморпуть и Транссибирская железнодорожная магистраль. О коротком пути для перевозки грузов по арктическим морям мечтали ещё наши предки, начиная с Михаила Ломоносова. Северный широтный ход – это 707 километров «рельс и шпал» – железнодорожный коридор от станции Обская до Надыма. Эта ветка соединит Северную и Свердловскую железные дороги в единую систему и позволит доставить грузы из любого уголка России и мира до побережья Ледовитого океана, чтобы затем отправить их по Севморпути в разные концы земного шара. Сабетта в будущем – главная точка транспортного проекта «Северный широтный ход». По железнодорожной трассе российские регионы смогут выйти в Мировой океан через Севморпуть. Вот такая перспектива. Ключевой объект в этом проекте – мост через сибирскую реку Обь. 11 мая 2018 года в Салехарде заложили капсулу в честь начала строительства этого моста между городами Салехард и Лабытнанги. Строить мост приехали из Керчи на Ямал

высококласные специалисты – те самые, что за короткий срок возвели Крымский мост.

...Когда самолёт приземлился на бетонную взлётно-посадочную полосу, постоенную на вечной мерзлоте, встречавшие нас «сабетчане» (позволю себе придумать такой термин) встретили нас очень гостеприимно, рассадили по комфортабельным автобусам и повезли показывать уникальный завод. Издали он кажется огромным, ярким, иллюминированным городом с многоэтажными

домами. Но дома такие не увидишь ни в одном месте на земле. Поэтому, вначале показалось, что мы находимся совсем на другой планете, предположим, на Марсе.

Нас предупредили, чтобы не курили – это категорически запрещено, чтобы в целях своей безопасности отключили мобильные телефоны. Журналисты – такой народ: не всегда и не всех слушаются. Некоторые через стекло автобуса делали фото. Конечно, это будут уникальные кадры. Сабетта – территория закрытая, летают туда только спецрейсы, и просто по желанию вы туда авиабилет не купите. Мы стали редкими счастливыми.

Маршрут автобуса выстроен так, что он движется по тому же пути, по которому идёт природный газ по гигантскому трубопроводу от того места, где он рождается и до того места, где он становится окончательным продуктом. Трубы изгибаются вверх и вниз, выстраиваются в гигантские ломаные линии, освещённые яркими прожекторами. Казалось бы – промышленный объект, но так фантастически красиво выглядит – просто образ для художественного творчества. Я думаю, появится ещё не одна картина с изображением этого уникального места.

По пути нам рассказывают об особенностях технологических линий, о том, как получается сжиженный газ, какой при этом вырабатывается побочный продукт, как он используется. Всё это тут же забывается, потому что мозг не может переварить одновременно зрительный ряд и сложную техническую информацию. Каждому своё. Рядом со мной сидит переводчица. У неё очень красивый профессиональный английский. Оказалось, приехала работать в дни медиа-конгресса из Санкт-Петербурга.

Конечный пункт нашего пути по заводу «Ямал-СПГ» – побережье Карского моря. Здесь оборудована специальная площадка, откуда с левой стороны открывается вид на завод, а с правой – на Морпорт. В глаза сразу бросается огромный резервуар, расписанный в бело-голубых тонах. Мы видим громадную банку сгу-

щёнки, на которой написано «сжиженный природный ГАЗ». «Ямал-СПГ» объявлял международный конкурс на лучший проект по оформлению резервуаров для хранения газа. В нём победила россиянка Таисия Спирина. Её работа стала самым крупным в мире арт-объектом в Арктике. Мы все, конечно, сфотографировались на память на фоне этой огромной многотонной «банки».

Справа у причала стоял огромный танкер – первый ледоколотанкер «Кристоф де Маржери». 9 декабря 2018 года. Завтра должен сюда прибыть премьер Медведев, чтобы дать старт третьей технологической линии и очередной отгрузке.

...Когда нам разрешили включить телефоны, пришло сообщение, что сын звонил мне. Тут же стала перезванивать. Связи не было. Знала: он где-то тут, в нескольких метрах от меня, но мы так и не встретились.

Самолёт увёз журналистов в Салехард. Здесь пройдут основные мероприятия Международного циркумполярного Медиаконгресса «Arctic media world», на который съехались представители СМИ России, Канады, Финляндии, Норвегии, Исландии и других стран циркумполярного региона. Совсем неожиданно для организаторов в Конгрессе примут участие журналисты из Франции, Испании, Египта, Турции – стран, не имеющих отношения к Арктике. На

Конгрессе будут награждены победители Международного конкурса арктических СМИ «Живём на Севере» в номинациях «Экология в Арктике», «Экономическое сотрудничество регионов и стран Арктической зоны», «Сохранение традиций коренных малочисленных народов Севера». Будут заседать секции этой же тематики.

В эти же дни Ямало-Ненецкий округ будет праздновать своё 88-летие. С концертной программой перед журналистами из разных стран выступят артисты ансамблей «Сыра-Сэв» и «Сёётэй Ямал», прекрасная ямальская певица Елена Лаптандер. Здесь же будут развёрнуты фотовыставки об

истории и жителях Ямала, о народах Арктики.

Известные медийные лица выступят перед нами.

Совсем не мал этот Ямал

...Только в Салехарде я смогла дозвониться сыну, сожалея, что так и не встретила с ним в Сабетте.

– Ты где? – спросил он.

– Я уже в Салехарде.

– А тут, в Сабетте, по-моему, твой бывший шеф – Виктор Петрович Орлов.

– ?

– Да, точно, это он, в очках, высокий.

– Ну подойди, передай привет, – сказала я.

Это точно был Орлов – Президент Российского геологического общества (РосГео), политический деятель, в прошлом Министр природных ресурсов РФ, сенатор, геолог, учёный, доктор наук, автор сотен публикаций и книг, Лауреат Государственной премии в области науки и техники. В январе наступившего года внеочередное общее собрание акционеров ПАО «НОВАТЭК» избрало его в состав Совета директоров компании.

Удивительные вещи происходят в этом мире! В один и тот же день три человека, связанные – кто кровными узами, кто – по службе, побывали в одном и том же месте Арктики – у ямальского берега Ледовитого океана. Находились в 15–20 метрах друг от друга и не встретились! Видимо, так захотелось Сабетте, этому фантастическому космическому месту на планете.

В Салехарде нас первым делом повезли на место бывше-

Температура зимой здесь может опуститься до -57 градусов, зима длится восемь месяцев в году, лето – полтора. На вечной мерзлоте по тундре под полярным сиянием кочуют стада ямальских оленей – самые многочисленные в мире

го казачьего острога – в Обдорск. Сегодня это древнее место восстановлено как историко-архитектурный комплекс. Обдорский Острог стоит на высоком берегу, там, где сливаются воды рек Обь и Полууй. Здесь нам от имени Хранителя острога Обдорушки были вручены Грамоты как дорогим гостям в подтверждение того, что мы посетили славный город Салехард и побывали там, откуда зарождалась Земля Обдорская.

На ярмарке глаза разбегались. Товары настолько экзотичны и неповторимы, что хотелось купить всё сразу. Это при том, что я много раз бывала в разных местах Крайнего Севера. Друзья заказали к Новому году рыбу – нельму или муксун. Рыбы не нашлось, поскольку на её вылов здесь пока установлен запрет: численность ямальского муксуна за последние два года снизилась в 30 раз. Вместо рыбы купила оленину в четырёх видах: мясо, фарш, шашлык, консервы. Дома порадовать родных и друзей. Жаль, они даже не поняли, что

это за мясо. Пришлось объяснять, что – это деликатес, мясо диетическое, богатое витаминами и аминокислотами, улучшает кровь и восстанавливает силы. Ведь олень питается только растительной пищей, употребляя мох-ягель и грибы.

С Обдорской ярмарки нас повезли к стеле «Полярный круг». Известно, что Салехард – единственный город на планете, который стоит на Полярном круге. На 66-й параллели мы услышали бубен шамана, что пророчил нам долгую и счастливую жизнь. В память о пересечении Полярного круга всем гостям была дарована Обдорская грамота от губернатора ЯНАО Д. Артюхова.

В эти дни в Салехарде было по северным меркам тепло – минус 12 градусов. Но дул промозглый, обжигающий ветер, напоминая, что мы не где-то в Подмосковье, а в Арктике. Как не почувствовать себя путешественником!

Ямал последние годы становится одним из самых популярных мест в России для проведения всевозможных международных встреч.

ЯНАО, расположенный в центре российского Крайнего Севера это, вместе с тем, и один из круп-

нейших по территории субъектов страны за Полярным кругом. Его площадь 770 тыс. кв. км. Только подумать, всего в 800 км от Северного Полярного круга находится крайняя точка этой древней обитаемой части Земли. Вполне оправданно коренные жители полуострова – ненцы – назвали его – Ямал – Край земли.

Температура зимой здесь может опуститься до -57 градусов, зима длится восемь месяцев в году, лето – полтора. На вечной мерзлоте по тундре под полярным сиянием кочуют стада ямальских оленей – самые многочисленные в мире (возможно, уступают лишь стадам Королевы Английской Елизаветы II). Здесь легко увидеть песца, волка, зайца, горностая и, конечно, белого полярного медведя. Великая река Обь несёт свои воды в Карское море и кормит обитателей Ямала редкой рыбой – нельмой, муксуном, ряпушкой, хариусом. С берега Край земли можно увидеть нерпу и белуху.

В Ямальский автономный округ входят крупнейшие нефтяные города страны – Новый Уренгой, Ноябрьск, Надым. Столица Ямала – древний Салехард (до 1933 года – Обдорск, основанный в 1595 году казаками). Более 540 тысяч человек живут на Ямале. Но титульным народом здесь были и есть – ненцы – коренные жители Севера. Ненцы сумели сохранить свой уникальный уклад жизни в первозданном виде. Они – кочевники. Вместе со своими оленями ненецкие семьи тысячелетиями кочуют по этой земле. Их стада насчитывают около 700 тысяч голов.

Но мировую известность этой территории принесли огромные запасы природных ресурсов. Начальные суммарные ресурсы региона – 147 трлн кубометров газа и порядка 19 млрд тонн нефти, а также 9,8 млрд тонн конденсата. Сейчас Ямал обеспечивает добычу 10% всех жидких углеводородов и 80% всего природного газа России.

Теперь понятно, почему две трети вложений в развитие Российской Арктики приходится на ямальские проекты. Только за пять лет здесь введены в эксплуатацию – Бованенковское нефтегазоконденсатное месторождение, Восточно-Мессояхское, Пяяхинское, арктический морской нефтеналивной терминал «Ворота Арктики», магистральный трубопровод Бованенко-Ухта, магистральный нефтепровод Заполярье-Пурпе-Самотлор.

И конечно же – один из самых новых и самых современных проектов «Ямал СПГ» – в Сабетте.

Журналисты многих стран объединились!

Arctic Media World – так назвали первую в истории международную арктическую встречу журналистов. Один из инициаторов её – председатель Ямало-Ненецкого регионального отделения «Союза журналистов России» Алексей Снегирёв. В интервью он сказал о цели этого Конгресса: *«Ямал стремится быть открытым миру, мы хотим наладить партнёрские и даже дружеские отношения с коллегами из других северных регионов России и стран Арктики».*

На практике оказалось, что дружеский мост был перекинут через многие страны, не входящие в арктическую зону. В сало-

не самолёта со мной рядом оказался теле-радио журналист, политический обозреватель турецкого международного новостного канала «TRT World» Эшреф Ялинкилишли. Очень образованный, начитанный, разбирающийся в политике и много знающий о России. В Арктике он ходил без головного

убора, фотографировал, записывал интервью, катался на оленьей упряжке и ни разу не сказал, что замёрз. Думаю, ему даже некогда было подумать об этом.

На конференции мы постоянно встречались с журналистом Атле Столесеном – основателем и главным редактором The Independent Barents Observer – газеты, рассказывающей о событиях в регионах Баренцева моря и Арктики. Он, кстати, был в числе призёров объявленного задолго до Конгресса конкурса арктических СМИ.

Ещё в аэропорту я познакомилась с некоторыми участниками Конгресса, и эти люди всегда встречались мне в гостинице, в микроавтобусе, на мероприятиях. Познакомились, со многими обменялись адресами, поскольку Север – тема, которой все мы верны много лет, объединяла нас. Среди этих людей было мало случайных. К примеру, Рагнар Аксельссон сегодня, пожалуй, самый известный фотограф Исландии. Его стихия – Арктика, Крайний Север. Он

более 30 лет посвятил путешествиям по Исландии, Гренландии, Сибири и фоторассказам о жизни обитателей самых отдалённых мест, основал своё Агентство Raх, назвав его именем любимой собаки.

Но среди множества знакомств и встреч, самое неожиданное и приятное было увидеться со старыми друзьями и знакомыми. Первыми были известные кинодокументалисты Анастасия Лапсуй и Пекко Лехмускалио. Северные люди раскрываются не сию минуту, поэтому сразу трудно понять, рад тебе человек или нет, хочет с тобой общаться или нет. И только в конце, при расставании узнаёшь, что встреча эта на

ямальской земле через 20 с лишним лет, конечно, историческая.

Когда объявили имя хантыйского поэта и философа Леонтия Тарагупты как одного из победителей конкурса, и он вышел на подиум для получения награды, сразу вспомнились наши философские беседы о мироздании, о нас, о Севере. Побежала к нему навстречу, необыкновенно обрадовавшись. Была уверена: он меня не вспомнит – почти четверть века не виделись. Но он вдруг сказал: «Вы никогда не исчезали, вы всегда были рядом». Он тем более, никуда не исчезал: много лет ведёт радиопередачи на хантыйском языке, а теперь в

Интернете – на русском, у него есть помощница, которая «отправляет в мир» его философские беседы, есть даже школа Леонтия Тарагупты. Более 40 лет Леонтий отработал на Ямальском окружном радио и за большой вклад в развитие отечественной культуры и искусства был награждён Путиным медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Среди победителей журналистского конкурса была также известная ненецкая писательница Анна Неркаги. Вспомним хотя бы то, что в 2015 году она была выдвинута Уральским университетом в кандидаты на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Здесь, в Салехарде, я нашла свою давнюю приятельницу Майю Пырерко. Когда-то мы дружили семьями, вместе строили творческие планы, публиковали статьи. Сейчас Майя растит маленького сына, помогает мужу – известному ямальскому писателю.

Ямал встречал нас очень гостеприимно. Всем участникам Конгресса подарили прекрасные тёплые комплекты: шапочку, перчатки, шарф с принтами в виде ненецких орнаментов и оленей, подарили экологические сумочки, футболки с эмблемой Конгресса, мягкую игрушку – мамонтёнка по имени Нордик. Последний, кстати, стал символом этого мероприятия. Дома я его подарю внучке, а сын когда-нибудь расскажет ей, как мы с ним не встретились в Сабетте.

Самым впечатляющим меро-

приятием Конгресса была встреча с оленеводами на стойбище вблизи Аксарки. 18 чумов, стадо живых оленей, оленеводы в национальных одеждах, дети, сидящие в самодельных санях-нарточках, упряжки запряжённых в нарты оленей, янтарные ягоды морошки и алые – брусники, жаркое из оленьего мяса, посыпанного кедровыми орешками. Журналисты разбежались в разные стороны. Большинство ринулись к оленям и оленеводам. Они ещё не знали, что их ждут в чумах, где покажут свои национальные умения не только в кулинарии. В разных чумах пройдут мастер-классы по национальным ремёслам, а на свежем воздухе гостям покажут национальные виды спорта, борьбу, кидание тынзына – традиционного ненецкого аркана. Всё будет ярко, динамично и красиво, так же, как во время концерта в честь 88-летнего юбилея округа.

Кто-то из гостей засомневался: а это у них – ненцев – настоящая одежда, или их нарядили? Да, с первого раза трудно поверить, что все эти шикарные ягушки, украшенные фантастическими орнаментами, сшиты жёнами оленеводов вручную полярными вечерами или белыми ночами, каждая из которых

длится здесь по полгода. Ненцы, как и другие народы Крайнего Севера сумели пронести через тысячелетия и сохранить свой образ жизни, идеологию, философию, религию, свои умения и навыки, и в этом нам у них стоило бы поучиться.

В дни Конгресса в Салехарде прошла встреча журналистов с официальным представителем

Ненцы, как и другие народы Крайнего Севера сумели пронести через тысячелетия и сохранить свой образ жизни, идеологию, философию, религию, свои умения и навыки, и в этом нам у них стоило бы поучиться.

МИД Марией Захаровой. Говоря об Арктике, она заметила, что эта территория должна оставаться «геополитическим заповедником». «Мы исходим из того, что регион Арктика – это территория мира, сотрудничества и взаимодействия», – сказала она. Дипломат считает, что Арктика должна быть выведена

из любой политики и не должна стать милитаризованной.

Российская Арктика сегодня – это 9 регионов. Сюда не входят ни Камчатка, ни Сахалин, а ведь они отнесены к районам Крайнего Севера и приравнены к ним. Во время работы медиаконгресса не раз акцентировалось внимание только на 9 регионах. Девять региональных отделений Союза журналистов России заключили Соглашение о сотрудничестве. Кстати, среди их представителей была одна из моих, обретенных на Конгрессе, коллег – Ирина Артёмова – директор информационного агентства «Медиа-регион».

А как хотелось бы, чтобы границы раздвинулись, и такое представительное собрание международной прессы состоялось где-нибудь в Петропавловске-Камчатском. Мир узнал бы ещё одну уникальную территорию, где тоже дуют промозглые ветра и зима длится по 8 месяцев в году, но где извергаются вулканы и бьют горячие источники. Хотелось бы верить, что не только фантастический промышленный объект типа Сабетты может привлечь к себе внимание мировой общественности, но и неповторимые природные ландшафты других северных территорий России.

ТОПОЛЯ СЕВЕРОДВИНСКА: ВРЕМЯ УМИРАТЬ

Этой осенью ураган напомнил о первом озеленителе молодого города корабелов – Николае Павловиче Соснине. Этого урагана, натворившего немало бед в городе, никто не ожидал, даже синоптики. На тот день они пророчили непогоду, но такое внезапное усиление шквалистого ветра (порядка 30 метров в секунду), похоже, застало врасплох и метеослужбу. Итог – повреждено около двух сотен зданий, 18 километров воздушных линий, по дюжине световых опор и светофоров и, если учесть лесопарковые зоны, повержено около двух тысяч деревьев.

Когда ураган стих, сразу пошли разговоры, мол, такого в городе ещё не бывало. Неправда! Разрушительные атмосферные явления, хотя и нечасто, но вторгались в Северодвинск. Кто постарше, должны помнить пару-тройку их в начале шестидесятых. Правда, через годы выяснилось: были они рукотворными – следствием ядерных взрывов на Новой Земле, когда испытатели «малость не рассчитали» силу и направление ударной волны. Мне, например, помнится, как летом 1961-го внезапная и не проницаемая взглядом песчаная буря, разъярившись ясным днём всего-то на полчаса, снесла башенный кран на строительстве спортивного корпуса Дворца культуры Ленкома. А кому-то и по сию пору памятен день, когда с нежданым бешеным ветродуем поднялось море и едва не перехлестнуло пороги цехов 50 и 42 на Севмаше. В тот же час Северная Двина вдруг пошла вспять, выбрасывая на архангельские берега плоты, лодки, катера, баржи и даже суда небольшого водоизмещения. Да и позже природные ураганы не раз валяли широкие просеки в лесопосадках между Севмашем и улицей Первомайской. Так что не след преувеличивать – катаклизмы, подобные недавнему, в городе случались. Нынешней молодёжи их просто не дано помнить. Печальный нюанс в другом: штормовой ветер расправился с деревьями первых массовых посадок, организованных в городе.

Древо Моны Лизы

Заложенный на болотистой равнине, примыкающей к морю, Северодвинск уже в конце шестидесятых хорошел своей зеленью, а ещё через десятилетие зелёному убранству города удивлялись многие приезжие. Впрочем, завидовали нам и архангелогородцы, у которых система городского коммунального хозяйства фактически появилась лишь после памятного визита Никиты Сергеевича Хрущёва летом 1962 года.

Зелёные насаждения Северодвинска уже много лет представлены главным образом тополями. Для сведения: тополь – род листопадных быстрорастущих деревьев семейства ивовых. Если брать различные его виды, каких, к слову, немало, тополь весьма распространён на планете – произрастает в умеренных регионах Северного полушария, хотя и берёт начало от субтропических районов Китая. В Америке он встречается от Канады до Мексики, есть тополь и в Африке.

На днях моя коллега поделилась любопытной информацией: оказывается, Леонардо да Винчи написал свою Мону Лизу (Джоконду) вовсе не на

холсте, как считают многие, а на доске, изготовленной из... тополя. На то, верно, Леонардо и был гением, что нашёл древесине тополя гениальное применение. Зато у простых смертных тополь не в большой чести: древесина его лёгкая, белая, мягкая, хорошо обрабатывается, могла бы служить сырьём для получения бумаги, искусственного шёлка, фанеры, простой мебели, пиломатериалов, тары и так далее. Однако столярных дел умельцы и химики отдают предпочтение иным породам. В малолесных местностях тополь используют для строительства, но лишь за неимением более пригодного материала. И на дрова тополь идёт не ахти: теплотворность его древесины в полтора раза меньше, чем у берёзы. Иными словами, не нравится мастеровому народу тополь. Зато озеленителям милое дело – он настолько неприхотлив, что произрастает практически на любых почвах.

Первый озеленитель

Николай Павлович Соснин – один из первооткрывателей Северодвинска, в период с 1951 по 1960 год был заместителем председателя горисполкома

Сквер до озеленения

и отвечал за коммунальное хозяйство. То, что именно его называли первым и главным озеленителем Северодвинска, помню точно, и не только со слов Юрия Александровича Шукова – заведующего отделом редакции «Северного рабочего», куда я пришёл начинающим автором. Шуков тогда занимался темой «зелёного строительства» в городе и потому упоминал Николая Павловича не единожды. Сам же Николай Павлович на час нашего с ним знакомства давно уже был на пенсии, и шёл

Николай Павлович Соснин

ему, если не изменяет память, девяностый (!) год. Заслуженный человек. Он родился в Архангельске, в 1932-м окончил Архангельский лесотехнический, работал сначала в леспромхозах и на торфопроизводствах, а после одним из самых первых приехал в Судострой (Молотовск). В начале войны Соснин возглавил строительный батальон на оборонных работах в Карелии, в Архангельске возводил временный мост через Кузнечиху, строил аэродром в Шелексе, а с 1943 года трудился в системе коммунального хозяйства Молотовска. Но сразу оговорюсь, началу нашего знакомства послужили вовсе не факты из трудовой биографии Николая Павловича, а его увлечение фотографией...

Однако вернёмся к тополям. Ботаники утверждают – они идут вверх примерно 40-60 лет, после их рост замедляется, деревья, как правило, начинают страдать от различных грибных заболеваний, слабеет их корневая система, ствол начинает гнить изнутри. Поражённое болезнью дерево, к тому же обладающее в почтенном возрасте широкой листовой кроной, теряет прочность и устойчивость при сильных напорах ветра. В среднем тополя живут от 60 до 80 лет, и потому выходит, что недавний ураган жестоко расправился как раз с деревьями, посадку которых инициировал и организовывал Николай Павлович Соснин.

А начало было таким...

До 1951 года улицы Молотовска зелёными насаждениями не облагораживались, а потому город даже с его новыми зданиями, прямыми и широкими улицами выглядел довольно тускло, что хорошо видно на исторических снимках. Однако к этому времени уже витала идея создать в Молотовске ремонтно-строительную контору, которая бы содержала в порядке жилые дома и административные здания (в основном деревянные), а идея благоустройства и озеленения улиц родилась параллельно этим замыслам. Николай Павлович Соснин, уже отработавший несколько лет главным

инженером горкомхоза, стал одним из тех, кто замысел горячо поддержал. Тем более его специальность, полученная в институте, тесно смыкалась с лесопосадками.

Первые саженцы для озеленения города в Северодвинск прибыли с юга области, ещё точнее – из Устьянского района. Везли их на баржах по весенней реке. Со слов Николая Павловича, были среди саженцев берёзы, рябины, но преобладал неприхотливый тополь. Везли для посадки в городе и лесной кустарник.

Город наш тогда не имел столь широкого размаха, как сегодня, новостройки ещё только выходили на рубеж нынешнего проспекта Ленина, центральными считались улица Профсоюзная и Беломорский проспект, накрест пересекаемые перспективной улицей Советской. Вот с неё и решили тогда начать. В целом же главные работы по озеленению стартовали на территории, которую сегодня в просторечии принято называть старым городом.

Одним из первых зеленеющих «квадратов» Молотовска стал городской сквер, который сегодня именуют кто детским парком, кто парком имени Игоря Белоусова (бывший министр судостроения СССР). Сквер в самом начале 50-х представлял собой песчаную площадку в непосредственной близости от тогдашних драмтеатра, главпочтамта и стадиона. Сохранилось немало любительских снимков, на которых можно отчётливо рассмотреть: не без художественных деталей забор вокруг сквера, деревянные ограждения ещё хилых газонов, некое подобие цветочных клумб, прямолинейные дорожки и... полное отсутствие деревьев – ни единого деревца! К слову, одно из самых удачных фото

упомянутого сквера до его озеленения сделал всё тот же Николай Павлович, взобравшийся однажды на крышу здания управления стройки...

На посадку выходи!

Опять-таки сохранилась фотография с субботника по посадке деревьев. Но автор её уже не Соснин, поскольку на снимке с лопатой запечатлён сам Николай Павлович, которому принадлежит заслуга в том, что озеленение Молотовска приобрело в те годы общественно-массовый характер. «Зелёные субботники» не то что плавно, а скорее, естественно вошли в повседневную жизнь населения – никто от участия в них не отлынивал, никого не принуждали. Наша семья жила тогда в доме на Ленина, 13/47, и ясно мне помнится-видится, как озеленяли жильцы его двор – пространство от дома до школы № 7. Такие же субботники проходили и по всему городу.

Южная часть Молотовска располагалась на относительно удалении от моря, и к ней хотя и осторожно, но уже подступал лес. Поэтому кое-какие деревья и кусты здесь произрастали. Тем не менее и южную окраину не обошло стороной организованное озеленение. Причём ещё и плановое: были разработаны и отпечатаны в типографии отдельные бланки, где указывались схемы будущих посадок.

Здесь же, на юге Северодвинска, проспект Ленина и несколько параллельных ему улиц старого города выходили на рефулёрный котлован, ныне больше знакомый северодвинцам как «озеро у Дворца молодёжи «Строитель». В пятидесятых, пожалуй, это был самый богатый на листву и траву

Город тогда менял свой облик стремительно, и любой замечал, как с каждым годом набирают силу вчерашние саженцы деревьев.

На субботнике

квартал. Здесь много чего зеленело. В том числе и некоторое возвышение на берегу котлована, где впоследствии появились сооружения КОС. В ребячьем нашем просторечии это место так и называлось – Зелёная гора...

Город тогда менял свой облик стремительно, и любой замечал, как с каждым годом набирают силу вчерашние саженцы деревьев. А уж к концу 50-х, как подсказывает моя подростковая память, следом за деревьями в старой части города, и не только у частных домов, но и во дворах двухэтажных зданий, росли черёмуха, акация, смородина, малина и даже крыжовник...

Скромнее отложилась в памяти закладка лесопарковой (санитарно-защитной) зоны, отделяющей сегодня Севмаш от улицы Первомайской, – вероятно, оттого, что для детских игр мы находили иные места. Здешняя зона насаждений, появившаяся на заболоченном пустыре, впоследствии получила в народе название «парка Костюшко». Это дань уважения Ивану Мартемьяновичу Костюшко, который, будучи одним из заместителей директора завода, занимался организацией посадок. Последние, разумеется, велись коллективами цехов и отделов предприятия на добровольных началах. В основном высаживали всё тот же не претендующий на особые условия проживания тополь. В пору, когда я учился в школе № 14, деревья в «парке Костюшко» уже вымахали вверх метра на три, но сплошной зелёной кроны, как сейчас, ещё не образовали. К тому же поначалу территория парка прилегала лишь к двум заводским вахтам и зданию заводоуправления, но со временем, по мере исчезновения пустырей, свалок строительного хлама и гаражных шанхаев, она, по сути, заняла всю площадь между нынешней улицей Юдина и Портовой. А одно из коротеньких пешеходных ответвлений в лесопарковой зоне Севмаша, между прочим, стало улицей Парковой.

Позже, примерно с середины пятидесятых, когда на Яграх обосновался завод № 893 (нынешний ЦС «Звёздочка»), искусственные зелёные насаждения стали появляться и в островном микрорайоне.

Справедливости ради скажем, что и до этого момента Ягры считались местом массового отдыха горожан, ведь на острове произрастал небольшой хвойно-лиственный лес, а на береговой линии моря (район Яндовой губы) возвышались мощные дюны. Недалеко от них опять-таки участники субботников обустроили первый пляж и спортивные площадки.

С фотокамерой по жизни

Фотоаппарат совсем ещё юному Коле Соснину подарил отец. Коля его быстро освоил и с тех пор с ним не расставался. Достойно сожаления, что к своему девятому десятку Николай Павлович порядком подрастерял собрание снимков, но у тех, что уцелели, оказалась высокая историческая ценность. С ними он и предложил мне ознакомиться...

Его фотографий довоенных лет сохранилась буквально пара десятков, в основном виды Северной Двины: водное раздолье, живописные берега, широкие плотбища, колёсные пароходы, шлёпающие реку своими плечами...

Молотовск того же времени у Соснина представлен снимками, скажем так, объектов коммунального хозяйства. «Снимал то, что могло пригодиться мне по работе», – пояснял Николай Павлович. Здесь 1938 год (!): первый кирпичный дом в городе, деревянные дома на Беломорском проспекте, кирпичная электроподстан-

ция, здание конторы водоснабжения, колонка водозабора (женщина набирает воду в ведро), дымовая труба одной из котельных, дощатые короба первых городских теплотрасс. Шедевр из «коммуналки» того времени – парикмахерская на улице Пионерской с улицы и внутри: зал, зеркала, кресла, цирюльных дел мастерицы и посетитель. Намного скромнее «окультуренный по последнему слову» помывочный зал городской бани с рядками каменных скамей и штабельками оцинкованных шаек. Но пожалуй, самое интересное для исследователя – коллектив тогдашнего банно-прачечного комбината, аж двадцать человек, в основном, конечно, женщины.

Из того, что снято в конце 50-х – начале 60-х: проспект Беломорский и улица Советская, где бульдозер выравнивает песок для укладки первого асфальта, строительство двухквартирных домиков на улице Южной, кирпичное здание цеха 19 – тогдашняя гордость городского водоканала. В особом ракурсе снята площадь Ленина (ныне площадь Победы): Дворца культуры ещё нет, зато есть вид на растворный узел и очень похожее на барак здание некоего управления, чуть поодаль от него... паровоз-«овечка» с двусным вагоном-платформой. А на дальнем плане – дом 12, «построенный пленными немцами», с легендарным магазином «Ткани», который, кажется, уцелел и работает по сегодняшний день. И снято всё это Николаем Павловичем с балкона дома на проспекте Ленина, 13/47. Значит, дом, где я родился и жил до восьми лет, в те годы уже стоял!

Последние староверы

А ещё Николай Павлович Соснин на всю жизнь сохранил особую преданность таёжной стихии. О таких людях обычно говорят: настоящий лесовик – он и охотник, и рыбак, и грибник, и ягодник. Всё-таки не случайно в конце своей трудовой деятельности он, оставив диспетчерскую службу в управлении стройки, возглавил городское общество охотников и рыболовов. О «таёжной» страсти Соснина я узнал со слов Бориса Александровича

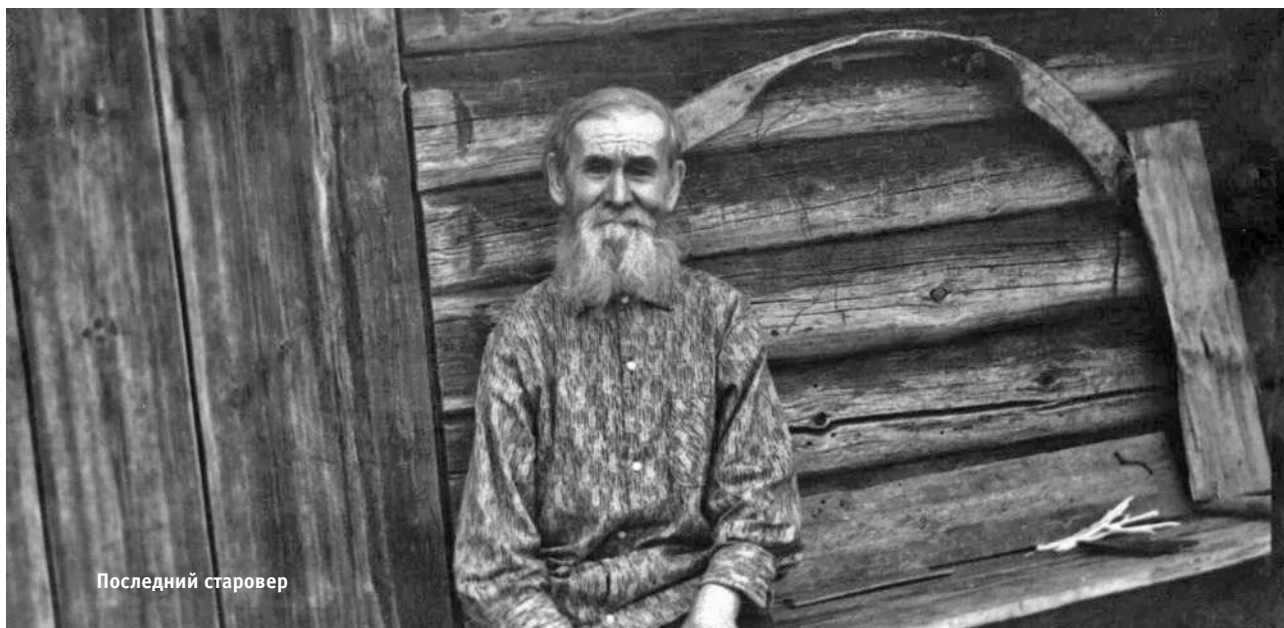
Неволина – известнейшего в Северодвинске человека, заслуженного строителя России, начальника охса «Звёздочки». В начале шестидесятых Борис Александрович в компании Николая Павловича исходил немало заповедных троп, в том числе и тех, что считались почти непролазными. Одна из таких являлась единственным путём сообщения среди болотных топей и вела на Амбурские озёра. Здесь на крохотном пятачке тверди вековал-дожил один из последних на Русском Севере староверческих скитов. С фотоаппаратом Николай Павлович, как уже было сказано, почти никогда не расставался, тем паче в лесных походах. А потому благодаря именно Соснину последние поселенцы уникального Амбурского скита предстают сегодня на фотокадрах.

Скит на тот год насчитывал несколько обветшалых домиков, в которых бытовали всего несколько старушек и один дедок. Центром поселения являлась небольшая рубленая церквушка. Кротко стояла даже невысокая деревянная звонница с колоколами, хотя уже с изрядно подгнившим срубом, покосившаяся. На снимках Николая Павловича Соснина запечатлены не только дома и хозяйственные постройки скита, пейзажи окружающей природы, но и внутреннее убранство церквушки – алтарь с иконами и более скромные предметы храмовой утвари...

* * *

Утром после урагана глядел на буреломы из выкорчеванных стволов тополей старого города и думалось мне, что если следовать известному канону: человек в этой жизни обязан посадить дерево, то Николай Павлович Соснин сделал намного больше: он оставил нам зелёный северный город. Но пожалуй, нет трагедии, что не устояли под ветром бывшие его устьянские саженцы-переселенцы, ведь так заложено самой природой – когда-то приходит и время умирать.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Последний старовер

Вячеслав ОГРЫЗКО

МЕНЯЛ ШКУРУ, КАК ЗМЕЯ, СЕМЬ РАЗ, или Кто продвинул Юрия Андропова в большую власть

В день смерти Отто Куусинена – 17 мая 1964 года – его вторая жена Айно записала:

«Я сидела и молчала, стараясь понять, что за человек был Куусинен. Никакие кремлёвские архивы, даже если их когда-нибудь откроют, не смогут дать объективное представление о его характере, его личности. Он пережил Ленина и Сталина, был ближайшим соратником обоих. Сталину он был необходим, это был его «логос». Сталин мало знал о капиталистических странах, о дипломатии, а Куусинен был искусный дипломат, хорошо знал обстановку в других странах. Он устраивал Сталина ещё и тем, что всегда оставался в тени.

Скромность? Нет. Он был крайне честолюбив, ревниво следил, как осуществляются его планы. Но после, когда дело было сделано, он легко позволял другим присваивать себе славу. В глубине души Отто был самоуверен до циничности, он никогда бы не склонился ни пред кем. Он был непоколебим в своей уверенности, что в мире нет человека способнее его, особенно низко ценил Сталина. Он умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные. Возможно, успех Отто объясняется и тем, что его, как иностранца, многие вещи в России не трогали, и он давал это понять. Он безразлично относился к строительству коммунизма в России, к вопросам экономики и политики: трагедия коллективизации, террор, аресты невиновных – всё прошло мимо него.

Он немного очнулся, когда чистки затронули Коминтерн. На официальных приёмах и торжествах он почти не бывал, ордена не надевал. Стремление к популярности среди народа, выступления – всё это было ему чуждо.

Мудрая осторожность, сильное чувство самосохранения были его главными качествами.

Он всегда был нужен тем, кому принадлежала власть, точно знал, как надо обращаться с новым господином. Поэтому он и выжил в годы террора.

Однажды Куусинен хвалился мне, что за свою жизнь «менял шкуру, как змея, семь раз».

Он всегда держал нос по ветру, с лёгкостью изменял своим бывшим товарищам. Я не смогла вспомнить ни одного случая, когда бы Куусинен помог кому-нибудь в беде: когда в Карелии был арестован его сын Отто, он и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь...

Отто Куусинен

У Отто никогда не было близких друзей. Единственное исключение – Николай Бухарин. В 20-е годы они были очень близки. Бухарин был уже многие годы главным редактором «Правды». Бухарина связывала с Куусиненом страсть к политике и идеологии. Дружба с Бухариным продолжалась до 1928 года.

В 1929 году Бухарин был изгнан из «Правды» и из Коминтерна. И именно Отто, его старый товарищ, произнёс в ЦК ВКП(б) самую желчную речь против Бухарина.

Так было не только с Бухариным. Многим финнам он помог скатиться в пропасть. А когда опасность нависла над самим Отто, эмоций для него не существовало...

Однажды он [Куусинен. – В.О.] признался мне, что хотел бы взять власть в Финляндии, а впоследствии стать «проконсулом» всей Скандинавии. А когда коммунизм победит во всей Европе, он снова вернётся в Москву и весь мир будет подчиняться его воле» (А. Куусинен. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск, 1993).

Отто Вильгельмович Куусинен родился 4 октября 1881 года в Финляндии в Лаукко.

«Отец, – писал он 4 мая 1948 года в своей автобиографии, – был сельским портным» (РГАЛИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, л. 2).

Матери Куусинен практически не знал. Она умерла, когда её сыну не исполнилось ещё года. Им потом занималась мачеха.

В юности Куусинен интересовался поэзией и музыкой. Он сочинял стихи, играл на пианино, пробовал себя в качестве композитора. Кстати, свои стихи на любовную, религиозную и патриотическую темы он подписывал псевдонимом Отто Няре.

Одно время Куусинен находился под влиянием Рунеберга. Он даже посвятил ему стихотворения «Что бы сказал поэзии мэтр». Куусинен писал:

*О славный певец, никогда
Память твоя не исчезнет в ночи,
Она младое поколение ведёт за собой,
К великим свершеньям влечёт!*

Финские исследователи выяснили:

«Ближайшими друзьями Куусинена в школьные годы были Эдвард Гюллинг, будущий доцент статистики и депутат парламента, Мартти Коверо, будущий директор Главного управления статистики, Суло Вуолийоки, позже адвокат и депутат парламента, Йонас Хейска, ставший одним из известнейших художников Центральной Финляндии, который в 1900 г. написал портрет Куусинена, а также будущий юрист Эйнар Дальстрём (впоследствии Лааксовирта), в сестру которого – Сайму – Куусинен был влюблён ещё с лицейских времён.

Дальстрём, Гюллинг, Куусинен и Вуолийоки, кроме прочего, были объединены общим мировоззрением.

Осенью 1900 г. Куусинен поступил в университет и стал изучать философию, эстетику и историю искусства. Он примкнул к студенческому землячеству Хяме, известному своей политической умеренностью и ориентированностью на просветительские задачи. В начале следующего года он стал сотрудничать с газетой землячества «Хялляпюёря» и той же весной он был премирован стипендией как лучший поэт землячества Хяме».

В 1900 году Куусинен женился первый раз. Его избранницей стала дочь крестьянина-землевладельца Сайма Дальстрём (она была старше Отто на восемь лет). Вскоре у молодых родился ребёнок. Поскольку денег в семье не было, Куусинен на время оставил университет и стал искать подработку. Одно время он совмещал журналистику с работой приказчика в магазине. К учёбе у него появилась возможность вернуться осенью 1902 года. Добавлю: свою выпускную работу он посвятил двум немцам: писателю Иоганну Гёте и натурфилософу Эрнсту Хакелю.

В 1905 году Куусинен окончил историко-философский факультет Гельсингфорсского университета и

получил предложение занять должность директора театра. Но у него оказались совсем другие планы: на последнем курсе университета он примкнул к социал-демократам Финляндии, а когда началась революция, возглавил один из отрядов Красной гвардии в Хельсинки.

Одно время Куусинен редактировал теоретический орган финляндской социал-демократии – «Социалистический журнал» – и газету «Рабочий». Кстати, будучи депутатом финского Сейма, этот деятель голосовал за отсоединение Финляндии от России.

Впрочем, многие детали из жизни Куусинена после поражения первой революции и вплоть до 1917 года до сих пор неизвестны. Один из финских исследователей рассказывал:

«Он продолжил быть председателем СДП, однако довольно трудно достоверно охарактеризовать его деятельность в период 1913–1917 гг., поскольку протоколы и отчёты руководства партии за эти годы были утрачены, и поскольку в военное время деятельность прессы была ограничена цензурой.

В годы Первой мировой войны Куусинен завязал не вполне обычное знакомство. Всё началось в 1915 г., когда Куусинен стал учеником 19-летнего Эльмера Диктониуса (1896–1961), собиравшегося стать композитором, и сдал под его руководством двухгодичный курс музыкального училища за два месяца.

До гражданской войны 1918 г. они встречались практически ежедневно. Иногда к ним присоединялся Гюллинг. Они совместно музицировали и постепенно стали ощущать духовное родство на почве искусства и идеи. В первые годы эмиграции Куусинен много переписывался с Диктониусом, возвращавшимся в международных кругах революционеров.

Эти круги оказали сильное влияние на стихотворные сборники Диктониуса 1920-х гг. («Мой стих», «Суровая песнь»), в которых автор привнёс в поэзию финляндских шведов дух модернизма.

Несмотря на разницу в возрасте в 15 лет, Диктониус, быть может, был для Куусинена неким «альтер-эго» школьных и студенческих лет. Когда Улоф Энкелль в своём исследовании «Молодой Диктониус» (1946) указал на то, что Куусинен существенно повлиял на поэта, многим было сложно отказать от своего представления о Куусинене-коммунисте в пользу образованного, утончённого Куусинена-эстета».

В январе 1918 года Куусинен участвовал в большевистском перевороте в Финляндии. Он вошёл в состав Совета народных уполномоченных, которые попытались установить свою власть на юге Финляндии. Чуть позже, уже в августе Куусинен организовал Компартию Финляндии, а потом перешёл на подпольное положение. Скрываясь от ареста, он спрятался на квартире Айно Сарола. Эта женщина вскоре стала его новой музой. Куусинен посвящал ей стихи. В итоге Сарола ушла от мужа к Куусинену и вслед за ним последовала в Москву, впоследствии став советской разведчицей.

Вспоминая своё прошлое, Куусинен в 1948 году писал: «В марте 1919 г. я как делегат финской КП принял участие в I Конгрессе Коммунистического

“Однажды он признался мне, что хотел бы взять власть в Финляндии, а впоследствии стать «проконсулом» всей Скандинавии. А когда коммунизм победит во всей Европе, он снова вернётся в Москву и весь мир будет подчиняться его воле”

интернационала. По совету Владимира Ильича я на первом заседании выступил за создание Коминтерна, против его тогда возразил представитель КП Германии» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, л. 4).

Но действительно ли Куусинен весной 1919 года играл не то что в международном коммунистическом движении, хотя бы в финской компартии огромную роль? Похоже, куда большее влияние имели тогда братья Рахья. Куусинена это, видимо, злило. Ему было мало, что один из рабочих клубов Петрограда носил его имя. Он жаждал большего.

В свете этого стоит повнимательней присмотреться к тому, что произошло в Петрограде 31 августа 1920 года. Тогда в клуб имени Куусинена неожиданно ворвалась группа финнов, которая устроила настоящую бойню. В тот день погиб Юкка Рахья – брат одного из бывших телохранителей Ленина Эйно Рахья. Эйно сразу заявил, что за устранением Юкка стоял Куусинен.

А что было дальше? Дальше акции Куусинена стали расти как на дрожжах.

Вспомним, как Куусинен выступил в 1921 году на III Конгрессе! Именно он внёс тогда решающий вклад в организационное устройство Коминтерна. Не случайно его тут же избрали одним из трёх секретарей Коминтерна, а в 1924 году выдвинули кандидатом в члены Президиума этой организации.

«Когда кто-либо из работников Коминтерна или его секций, – писал он в 1948 году, – ставал на путь оппозиции против линии ЦК ВКП(б) (а таких было много), я выступал против них и активно участвовал в борьбе Коминтерна в поддержку линии ЦК ВКП(б), линии тов. Сталина, за полную ликвидацию оппозиции» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, л. 4).

В первые годы в Коминтерне Куусинен, по его же признанию, больше всего занимался Германией и скандинавскими странами, но затем ему было поручено основательно вникнуть в вопросы компартий Англии и Америки. Кстати, на Англии он потом серьёзно прокололся: в прессу попало подготовленная им инструкция для английских коммунистов. Английский парламент потребовал объяснений, почему Куусинен в ответ сочинил фальшивое письмо, которое потом было зачитано английским депутатам. Правда, англичанам этого оказалось недостаточно. Британские профсоюзы потребовали доступа к материалам Коминтерна по Англии. Из-за этого Куусинен вынужден был срочно заняться подчисткой архивов.

Сын одного из руководителей Коминтерна Осипа Пятницкого – Владимир Иосифович рассказывал:

«С Куусиненом Пятницкий был знаком с первых дней своей работы в Коминтерне. Между ними сложились весьма доверительные отношения, дружили семьями. Мы с мамой часто бывали в доме Куусинена, мама дружила со всеми его жёнами (он был трижды женат). Куусинен мог любую идею изложить просто и понятно. Поэтому он часто писал речи и доклады для других деятелей Коминтерна. Ему поручали обоснование всех зигзагов коминтерновской политики, которые проводились под давлением Сталина, вместе с ними он сам менял свою точку зрения и всегда оставался в фарватере сталинского руководства и никогда не высовывался. По возможности старался находиться в тени. Потому и

остался жив во время чистки руководства Коминтерна в 30-е годы.

Пятницкий посмеивался над ним, называл «флюгером», Куусинен молча пожимал плечами и они вместе весело смеялись. Но надо отдать ему должное, Куусинен всегда поддерживал отца в его спорах с Мануильским и Лозовским, которые обычно придерживались иного мнения» (В.Пятницкий. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004. С. 668).

О том, как в середине 30-х годов работал аппарат Коминтерна, уже в 1958 году поведал помощник Куусинена Николай Матковский. Он рассказал Фёдору Бурлацкому:

«Отто Вильгельмович всегда отличался необыкновенной трудоспособностью. В ту пору в Коминтерне было принято (да и не только там) засиживаться на заседаниях до поздней ночи.

– Строили проекты мировой революции, – говорил Матковский. – Высказывали предположения: где, когда может произойти взрыв. Во время этих ночных бдений каждый вёл себя по-своему.

Один из деятелей Коминтерна, Гарри Поллит, имел слабость к армянскому коньяку и потягивал рюмку за рюмкой, не закусывая, а запивая боржомом. А Отто Вильгельмович держал в своём кабинете гимнастические кольца, подвешенные к потолку, используя каждый перерыв для того, чтобы подтягиваться на них и делать всяческие фигуры. Димитров заметил как-то: «Вот, товарищ Куусинен, где вы научились воспитывать свою тактическую гибкость». «Та, та, нам всегда не хватало гибкости в тактике. Но я никогда не забываю о нашей долгосрочной стратегии», – отвечал Отто Вильгельмович» (Ф.Бурлацкий. Вожди и советники. М., 1990. С. 34–35).

К слову: в середине 30-х годов Куусинен своих соратников и по финскому движению, и по Коминтерну регулярно сдавал. Так осенью 1935 года он не стал заступаться за первого секретаря Карельского обкома партии Кустаа Ровно, которому чекисты приписали участие в некоем заговоре, якобы организованном разведкой финского генштаба. Потом Куусинен отмежевался от арестованного руководителя Коминтерна Осипа Пятницкого. Да что Пятницкий! Куусинен в 1938 году не стал спасать даже свою супругу, которая много лет работала на советскую военную разведку. Он к моменту ареста второй супруги уже всю развил роман с врачом Мариной Амираговой.

В конце 30-х годов у Сталина возник план вновь заняться Финляндией. И тут возникла большая нужда в Куусинене. Куусинен разработал целую операцию. Сын одного из наших разведчиков – Игорь Синицин рассказывал:

«Весной 1938 года в Кремль к Сталину, был вызван резидент НКВД в Финляндии, «прикрытый» должностью первого секретаря советского постпредства, Борис Аркадьевич Рыбкин. В его диппаспорте, впрочем, стоял псевдоним – Ярцев.

Он получил из уст вождя приказ тайно связаться с руководителями правительства Финляндии и провести с ними секретные переговоры от имени Кремля. Цель переговоров – заключение между СССР и Финляндией договора о совместной обороне против

В середине 30-х годов Куусинен своих соратников и по финскому движению, и по Коминтерну регулярно сдавал

любого агрессора, который посмеет вступить в Финский и Ботнический заливы Балтики, чтобы атаковать Финляндию или Советский Союз. При этом имелось в виду возможное нападение Германии на СССР. В рамках предлагаемого договора Москва хотела получить аренду куска финской территории на стыке вод Ботнического и Финского заливов для создания там военно-морской базы, аренду пары островов в Финском заливе для создания таких же баз, перенесения на несколько десятков километров севернее от Ленинграда советско-финляндской границы, которая проходила тогда на Карельском перешейке в районе станции Белоостров. Эта пограничная железнодорожная станция находилась тогда в трёх десятках километрах от Ленинграда. В обмен на уступки Сталин предлагал Финляндии большие территории в Карелии, поставки оружия и дешёвого сырья из СССР.

Сталин приказал также Рыбкину держать переговоры в полной тайне от советского полпреда в Хельсинки Деревянского, любых работников Наркоминдела и даже шефов разведчика в НКВД.

Рыбкин-Ярцев, вернувшись в Хельсинки немедленно связался по телефону с финским министром иностранных дел Холст. Он просил конфиденциального личного свидания с министром и получил его.

Секретные переговоры между Хельсинки, и Москвой начались в апреле 1938 года и велись с перерывами до ноября 1939 года, когда финны окончательно отказались идти на уступки, хотя маршал Маннергейм призывал правительство Суоми к этому» (И.Синицин. Андропов вблизи. М., 2015. С. 206–207).

Сам Куусинен вспоминал: «В конце 1939 года, когда правительство Финляндии отказалось от военного соглашения с Советским Союзом и своим враждебным поведением спровоцировало возникновение войны между Финляндией и СССР, я с согласия ЦК ВКП(б) совместно с некоторыми другими членами ЦК ФКП образовал на освобождённой части Карельского перешейка временное «Народное правительство Финляндии» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, лл. 4–5).

Однако события стали развиваться не так, как вождам этого хотелось. Об этом можно судить по дневнику драматурга А.К. Гладкова.

«1 декабря <1939 года>

<...> «Сегодня в «Правде» длинное обращение компартии Финляндии с призывом образовать «Независимую Демократическую Финляндскую Республику», а недавно звонил Мерлинский и рассказал, что в 6 часов вечера по радио передали, что в занятых нашими войсками Териоках уже образовано леводемократическое правительство во главе с господином Куусиненом (наверно, тот самый финский политэмигрант, деятель Коминтерна), что в остальной части Финляндии будто бы идёт восстание...

2 декабря

Наши войска продвигаются, видимо, без больших поражений. В газетах сообщается, что правительство Отто Куусинена обратилось к Правительству СССР с просьбой об установлении дипломатических отношений. Правда, этому правительству пока подчинена территория бывших дореволюционных дачных окрестностей Петрограда, да и то не целиком. Это всё конечно комедия, да и не слишком искусная <...>

3 декабря

Сегодня в газетах фото, запечатлевшее церемонию

подписания договора с господином Отто Куусиненом. Уже ставшая традиционной в последнее время мизансцена: вокруг стола Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов и Куусинен, в одну ночь превратившийся из «товарища» в «господина». Наши войска, видимо, продвинулись на 25–30 км, т.е. ещё находятся в районе петербургских дачных мест. Блицкрига что-то нет.

В коммюнике о договоре говорится, что обмен ратификационными грамотами должен быть произведён в Хельсинки «в возможно более короткий срок». Это звучит самоуверенно и даже нагло. <...>

4 декабря

Наши войска продвигаются медленно, очевидно, встречая большое сопротивление. Снова сырая погода, тает <...>

5 декабря

День в Загорянке. Правительство Финляндии обратилось на СССР с жалобой в Лигу Наций, но СССР ответил Авеноло, что участвовать в разбирательстве не будет <...>

8 декабря

Финны всё-таки оказывают Красной армии большое сопротивление».

Как известно, советско-финская война закончилась совсем не так, как этого хотел Сталин. Понятно, что при планировании операции были допущены крупные ошибки. Значит, кто-то должен был понести наказание. Но кто? Андрей Жданов, Отто Куусинен или кто-то другой?

Пока точно известно, что ни Жданов, ни Куусинен никак за неудачную финскую кампанию наказаны не были. Почему? Да потому, что оба они по разным причинам продолжали оставаться Сталину нужными. Не думаю, что Куусинена вождь решил сберечь ради выстраивания в последующем новых советско-финских альянсов. Скорее всего ему были нужны связи Куусинена с Европой, а может, и те хранившиеся на Западе деньги, доступ к которым имел лишь Куусинен. Обращу тут внимание на одну деталь: когда Куусинен 30 ноября 1939 года объявил о создании «народного правительства» Финляндской демократической республики, все в Европе отнеслись к нему с усмешкой, и только Германия заявила, что признает его, правда, при условии, что если Красная армия победит, а Куусинен окажется в Хельсинки. Вольно или невольно, но Берлин дал понять, что при определённом развитии событий будет с Куусиненом работать. Вряд ли немцы действовали экспромтом. Значит, с Куусиненом их что-то связывало. Но что?

Интересно и другое. Жданов с Куусиненом никогда по жизни не были друзьями. Но в 1939–1940 годах они оказались в одной упряжке. Как два деятеля в то время взаимодействовали? Доверяли они друг другу или опасались? Я думал, что все эти вопросы раскроет в своей книге о Жданове бывший «лимоновец» Алексей Вольнец. Но в выпущенном в 2013 году жизнеописании Жданова Куусинен упоминается лишь мельком. Почему? Вольнец не владел темой? Или предпочёл что-то утаить?

В июне 1940 года Куусинен был избран председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В тогдашней советской иерархии этот пост ничего не значил. Но Куусинен смог сохранить своё неформальное влияние на многие дела в стране. Повторю: он продолжал быть Сталину нужным.

Когда началась война, Куусинен вместе с некото-

рыми другими партработниками был эвакуирован в Башкирию. Там он принял участие в создании нового журнала «Война и рабочий класс», из которого потом выросло «Новое время».

Вопрос о судьбе Куусинена вновь возник осенью 1944 года. В сентябре Сталин вывел Финляндию из войны. По одной из версий, Куусинен предлагал провести советизацию Финляндии. Но советский вождь пошёл по другому пути. В 1948 году Сталин заключил с финнами мирный договор, а Куусинен вроде бы остался за бортом. Однако до сих пор неясно: действительно Куусинен добивался советизации Финляндии и претендовал на первую роль в развитии советско-финских отношений, но все его планы сорвал Жданов, за что Жданов в 1948 году поплатился жизнью, или, наоборот, Сталин и Жданов продвигали решения, подсказанные им Куусиненом.

Мало кто знает, что когда в конце 40-х годов возникло «ленинградское дело» и чекисты в связи с этим заинтересовались ситуацией в Карело-Финской республике, Куусинен легко сдал тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии республики Геннадия Куприянова, но всё сделал для того, чтобы отвести удар от второго секретаря Юрия Андропова. Больше того, он, используя свои связи, летом 1951 года добился перевода Андропова в Москву на должность инспектора ЦК КПСС.

Осенью 1952 года Куусинен был введён в состав Президиума ЦК КПСС. Однако после смерти Сталина его оттуда, как говорили, под давлением Берии и Маленкова удалили. Существовала версия, что ему из-за болезни тяжело было участвовать в руководстве страной. Действительно, Куусинен с конца 40-х годов часто и подолгу болел. В сохранившемся в РГАНИ деле № 45-К/28 осталось много справок Минздрава о его здоровье. Так, 16 февраля 1953 года начальник Ленсанупра Кремля И.Куперин доложил Г.Маленкову: «За последнее время состояние здоровья тов. Куусинена О.В. ухудшилось: появилось чувство тяжести в области сердца, тошнота; резкое переутомление. Диагноз: артериосклероз, пневмосклероз» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, л. 8).

Но в реальности никакие болезни не мешали Куусинену постоянно дёргать разные тайные ниточки, которые вели к управлению партией и всей страной. Об этом догадывались Берия и Маленков. Именно поэтому они настояли на удалении Куусинена из высших эшелонов власти. Но, похоже, Куусинен остался тайным советником Хрущёва.

Отойдя в тень, Куусинен на какое-то время сосредоточился на «Калевале». Но и тут он всё решал в интересах партии.

Здесь я позволю себе небольшое отступление:

В начале 2019 года я по поводу Куусинена задал несколько вопросов поэту ингерманского происхождения Роберту Винонену.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ
«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» ВЯЧЕСЛАВА ОГРЫЗКО

1. Как лично Вы и как в финских кругах сегодня оценивают фигуру Отто Куусинена. Он герой или злодей?

Одна из загадочных для меня фигур на политическом

небосклоне прошлого. Герой или злодей? Смотря где. В финляндских кругах его оценка однозначно негативна. Например, в книге Антеро Уайтто само название указывает на это: «Финноед Отто Вилле Куусинен» (2013). Цитирую из неё про дела тридцатых годов, время разгрома в СССР финских коммунистов:

«Когда Лааксовирта заявил, что он – шурина Куусинена, член комиссии по чистке Ярославский письменно запросил мнение Куусинена о нём. Куусинен ответил, что «.. Лааксовирта никогда не был и не станет коммунистом. Поступайте так, как считаете правильным». Маннер после своего ареста отправил Куусинену через одного знакомого просьбу, чтобы ему передали из его квартиры длинные шерстяные кальсоны, так как из-за пребывания в сырой холодной тюрьме у него обострился ревматизм. Он просил также немного мыла. Однако Куусинен отдал указание, что эти пожелания выполнять не стоит. Такие

Отто Куусинен

примеры показывают предельный цинизм Куусинена по отношению к бывшим близким людям, чем он одновременно подтверждал собственную политическую чистоту».

Понятно, что первый проситель был расстрелян, а другой погиб в ГУЛАГе. Лучше всех нашего героя знала его жена, и вот что она пишет в мемуарах:

«Он был всегда нужен тем, кому принадлежала власть... Однажды Куусинен хвалился мне, что за свою жизнь «менял шкуру, как змея, семь раз»... Куусинен ничего не сделал, чтобы спасти своих соратников по Коминтерну» (Айно Куусинен. Воспоминания 1919 – 1965)

Современный историк Тимо Вихавайнен в книге «Сталин и финны» (1998 г.) обобщает ещё резче:

«Отто Вилле Куусинена в истории Финляндии надо считать, быть может, нагляднейшим примером антигероя. В перспективе конца тысячелетия его случай видится, конечно же, комедией, если не фарсом. Между тем в течение десятилетий он грозил обернуться трагедией для всей страны».

Между тем в Советском Союзе Куусинен до самой

кончины занимал высочайшие государственные посты, и только диссиденты осмеливались говорить о нём правду. Например, без расчёта на публикацию Эдвард Хямяляйнен в своё время написал брошюру «О Председателе Президиума Верховного Совета КФССР». Сегодня этот историк сообщает через Интернет:

«Судя по прошлогодним публикациям в карельской печати, посвящённым 90-летию Республики Карелия, Куусинена всё ещё почитают там как «видного политического деятеля». А если кто и замечает, что он был «аморален» и взошёл «на вершины власти по крови своих товарищей по борьбе», то тут же делается оговорка, что, мол, «в истории нет однозначно чёрного и белого, хорошего и плохого».

Так что на своей родине Куусинен – исчадие ада, а его прах покоится в Кремлёвской стене Москвы.

2. Что от него было больше – пользы или вреда?

Опять же смотря кому. Комунистическому движению он был-таки весьма полезен. Однако приходится ставить вопрос о полезности самого этого движения для человечества. Увы, и тут любой однозначный ответ будет неверен. Ибо нет худа без добра, и хотя пропаганда много лет твердила нам про «звериный оскал капитализма», положение рабочего человека в нём сегодня не то, что было до Коминтерна.

3. Как развивались его отношения со Ждановым?

Об этом могу только гадать, но с большой долей вероятности готов ответить так: то была дружба, но со стороны Жданова более искренняя. Потому что оба отъявленные сталинисты, а Куусинен легко предавал тех, кто становился негоден вождю. Потому и помер своей смертью в отличие от почти всех финских соратников. А Жданову он был особенно нужен: тот выполнял сталинский замысел войны и победы над Финляндией. Уже опубликована ждановская записная книжка, в которой весь план пограничной провокации на станции Майнила изложен за несколько лет до его реализации. И кому же было возглавить марионеточное финляндское правительство, как не Отто Вильгельмовичу Куусинену?

4. Он поклонялся Сталину или ненавидел его?

Чужая душа потёмки. Но думаю, что он больше преклонялся перед Сталиным, чем, возможно, и ненавидел – втайне даже от себя. Ибо как можно безоглядно любить тирана, который держит в тюрьме твою жену и сына? Мне рассказывал покойный карельский писатель Яакко Ругоев, близко знавший Куусинена, что тот в ходе зимней войны не так уж радовался возможной победе, понимал всю неестественность уготованной ему роли в побеждённой его стараниями стране. Как бы он выглядел в глазах финского народа – кажется, было ему безразлично.

5. Он действительно их много сделал для изучения и пропаганды «Калевалы» или реально всё делали его помощники?

Никогда не слышал о помощниках. Да и что такого он сделал? И зачем? Про эту его деятельность так напи-

сал известный знаток сего эпоса ныне покойный Армас Мишин:

«О. В. Куусинен искал переводчиков для так называемой сокращённой композиции «Калевалы», им самим и подготовленной. Переводчики этой композиции оказались в плену данного принципа: поэма превратилась в сборник мифологических, эпических, лирических, охотничьих, пастушеских песен. Перевод получился разностильным, в нём появилось много новых ошибок. Слог «Калевалы» то нарочито заземлялся, то перегружался поэтизмами и красотами, а подчас становился просто пародией на великое произведение: «Муж в кольчуге будет крепче в рубашонке из железа», «хоят грабли вдоль теченья, рыщут попере́к потока», «волк доярку опрокинул, на неё медведь свалился», «где бы мне найти погибель, где, проклятому, издохнуть», «остри́е на грудь наводит, падает на меч с размаху»...

Были и ещё новые переводы «Калевалы», но на мой взгляд старое переложение Леонида Бельского (1888 г.) остаётся вполне приемлемым и привычным, ставшим классикой.

А в Петрозаводске на берегу Онего лицом к озеру красуется памятник Куусинену в полный рост. Люди дали ему кличку «Рыбнадзор».

По одной из версий, именно Куусинен подвинул Хрущёва на публичное осуждение культа личности Сталина. И именно Куусинен, неудовлетворённый докладом Аристово и Пospelова на эту тему, посоветовал Хрущёву привлечь в последний момент к написанию нового варианта доклада Шепилова. Тут, правда, возникает вопрос: что двигало Куусиненом – он, как теоретик, хотел расставить более точные акценты, или жаждал отомстить Сталину? Одни историки утверждали, будто Куусинен якобы не мог простить Сталину, что вождь в 48-м году пошёл на замирение с Финляндией и отодвинул его от первых ролей. Но это чушь. Всё дело в другом. Куусинен всегда умел лавировать и приспосабливаться к новым веяниям времени. Он не собирался мстить Сталину. Для него было важно другое – навязать волю тех сил, на которые он работал с юности, новому советскому руководству. И это ему в какой-то мере удалось.

По одной из версий, именно Куусинен в начале 1957 года настоятельно порекомендовал Хрущёву выдвинуть Андропова на должность заведующего новым отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (хотя сначала в кадровых подразделениях ЦК на этот пост рассматривалась кандидатура нашего посла в Югославии Николая Фирюбина).

Когда летом 1957 года группа Маленкова, Молотова и Кагановича попыталась организовать смещение Хрущёва, Куусинен, бывший на тот момент всего лишь заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР, смог, задействуя свои тайные каналы, оперативно связаться с представителями европейских государств и зарубежных братских

Так что на своей родине Куусинен – исчадие ада, а его прах покоится в Кремлёвской стене Москвы

партий и обеспечить Хрущёву негласную поддержку многих западных политиков. Не случайно Хрущёв сразу после разборок с группой Маленкова предложил избрать его секретарём ЦК КПСС и ввести в состав Президиума ЦК КПСС.

А как же здоровье? Оно продолжало оставаться у Куусинена неважным. К слову: сводки на эту тему руководство Четвёртого управления Минздрава СССР регулярно докладывали М.Суслову, Л.Брежневу, Ф. Козлову и некоторым другим руководителям партии.

В конце 57-го года Куусинен возглавил коллектив по созданию нового учебника по основам марксизма-ленинизма. Людвиг Петра Поспелова порекомендовали ему испытанную профессуру из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма. Но он предпочёл часть авторов набрать из редакции журнала «Новое время» и, в частности, пригласил в свою команду Георгия Арбатова.

«Вопреки возрасту, – вспоминал Арбатов, – это был человек со свежей памятью, открытым для нового умом, тогда очень непривычными для нас гибкостью мысли, готовностью к смелому поиску. Ну а кроме того, он думал. Честно скажу, я впервые познакомился с человеком, о котором можно было бы без натяжек сказать: это человек, который всё время думает... То, что Куусинен думал, в общении ощущалось почти физически: ты чувствовал, что за каждым словом собеседника стоит работающая, всё время проверяемая и шлифуемая мысль, что каждый твой вопрос, твою реплику человек серьёзно обдумывает, взвешивает, оценивает...»

В начале 1958 года Хрущёв принял решение о создании Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей. В неё были включены Куусинен, Мухитдинов, Поспелов и Фурцева. Председателем Хрущёв утвердил Суслова. Судя по всему, Куусинену в этой комиссии отводилась роль главного теоретика.

Как член Комиссии ЦК КПСС Куусинен продолжил работу над учебником. Георгий Арбатов посоветовал ему обратить внимание на сотрудника журнала «Коммунист» Фёдора Бурлацкого.

Первая встреча Бурлацкого с Куусиненом состоялась в январе 1958 года на одной из подмосковных дач. Привёз сотрудника «Коммуниста» к Куусинену Николай Матковский.

«Мы, – рассказывал Бурлацкий, – поднялись по узенькой скрипучей лесенке и оказались на антресолях, где в углу против окна стоял небольшой стол, заваленный книгами и рукописями.

Бумаг было так много, что я с трудом разглядел за ними сидящего в кресле маленького, щуплого, очень пожилого человечка, укутанного клетчатым пледом и каким-то мехом. Его небольшая головка с сильными залысинами и лицо – кожа да кости – усиливали впечатление дряхлости. Но вот вы наталкивались на его глаза, на его взгляд, и это совершенно опрокидывало первое

впечатление. Глаза – как льдинки, не очень большие, синие, притягивающие к себе, вбирающие в себя, а самую глубину всё, что попадало в поле их обзора, глаза, которые существовали как-то отдельно от всего лица и его мимики. Они жили своей жизнью, сообщаясь напрямую с какими-то центрами умственной деятельности, скрытыми в глубине черепной коробки. А голова чем-то напоминала голову Пикассо. Может быть, это мне показалось, когда я впервые увидел Отто Вильгельмовича, но и потом я не мог отделаться от этой ассоциации.

Худенький, маленький старичок показался мне удивительно значительным, и я испытывал отнюдь не свойственное мне чувство робости и желание непременно произвести на него благоприятное впечатление. А он молчал, этот старичок, остановив на мне спокойный, холодный, голубоватый взгляд, не выражающий ничего, кроме ожидания, как будто даже пустой, но на самом деле – и я смог в этом скоро убедиться – отражающий непрерывную, неутомимую, почти механическую работу мысли.

– Ну вот, Отто Вильгельмович, я и привёз этого человека, – шумно начал Матковский. – Он, по-моему, хороший парень, хотя немного задаётся, не хочет переходить со мной на «ты». Но это я так, конечно, в шутку. – Матковский повернулся ко мне: – Отто Вильгельмович ещё расскажет вам о своём замысле написать главу о государстве для нашего учебника. Это должна быть совсем необычная глава, быть может центральная в книге. Ну, я свою миссию выполнил и замолкаю.

– Та, та, именно, именно, – проскрипел пожилой джентльмен, – Я пригласил вас, чтобы попробовать... Попробовать по-новому подойти к этому вопросу. У вас правильно сказано в статье: надо развивать советскую демократию. Но что это значит? Как вы думаете?

Я начал было пересказывать основные положения своей статьи, но Куусинен остановил меня взглядом.

– Та, та, именно... А как вы думаете, нужно нам сохранять диктатуру пролетариата, когда мы уже построили социалистическое общество? Или нам нужен переход к какому-то новому этапу развития государства?

Вопрос этот, надо сказать, смутил меня. Не потому, что я не задумывался над этим, а потому, что ответ на такой вопрос, как говаривали в нашей редакции, чреват непредвиденными последствиями. Сказать вслух, что в общем-то диктатура уже не нужна, что она свои задачи уже решила – и в гражданскую войну, в момент неслыханного напряжения сил в предвоенный период, и в Отечественную войну, когда нужна была строжайшая дисциплина, мобилизация фронта и тыла? Я хорошо знал, что стереотип «диктатура пролетариата» в 30-х годах был использован для обоснования массовых репрессий. Но можно ли говорить об этом человеку, который представляет высшее руководство страны? Правда, в самой постановке им вопроса уже содержится намёк на возможность какого-то нового суждения... Впрочем, я так и не додумал до конца мысль под внимательным, пытливым взглядом, который требовательно извлекал из меня не формальное, а самое искреннее моё мнение.

– Если говорить откровенно, Отто Вильгельмович, то мне кажется, что диктатура пролетариата не нужна в нашей стране. Она должна быть преобразована. Процесс этот, собственно, уже идёт, и задача в том, чтобы его сознательно ускорить.

– Именно, – всколыхнулся плед, что, как я потом понял, означало крайнюю степень возбуждения. – Но

“Худенький, маленький старичок показался мне удивительно значительным, и я испытывал отнюдь не свойственное мне чувство робости и желание непременно произвести на него благоприятное впечатление”

Куусинен беседует с депутатом Верховного Совета СССР Тойво Антикайненом

вот вопрос: во что же она, эта диктатура, преобразуется?

– Я думаю, в государство народа, а не одного класса, в советскую демократию.

– Та, та, именно, но, может быть, общенародное государство? Маркс когда-то критиковал лозунг «народное государство». Но это было давно и, кроме того, относилось совсем к другому государству, Лассаль рассчитывал заменить юнкерскую буржуазную власть на государство народное. Это была иллюзия. Это был обман. Но совсем иное дело сейчас у нас, когда диктатура пролетариата свою историческую роль уже сыграла.

Здесь он сделал паузу, которая длилась довольно долго, так как не знал, должен ли я что-то добавить к его рассуждениям. А он, по-видимому, продолжал обдумывать сказанное, как будто слово, отделившись от него, приобретало какое-то самостоятельное значение и звучание, так что следовало оценить его заново.

– Так в этом духе и нужно написать свою главу для учебника? – не выдержал я.

– Именно, именно, в этом духе. Надо обосновать это теоретически. Надо взять у Ленина: для чего и почему необходима диктатура пролетариата – и доказать, что сейчас она уже не нужна.

– Речь идёт только о теории или также о практике? – спросил я. – Имеется ли в виду внести какие-либо крупные изменения в политическую систему?

– Та, та, именно, – отвечал Куусинен. – Вначале теория, а потом, – тут он сделал движение рукой куда-то вдаль, – а потом и практика...» (Ф.Бурлацкий. Вожди и советники. М., 1990. С. 38–39).

В 1958 году Куусинен был избран действительным членом Академии наук СССР. Затем он возглавил работы по созданию третьей программы КПСС.

Кстати, на первом этапе этой работы Куусинен выдвинул идею об отмене диктатуры пролетариата. Бурлацкий вспоминал:

«Вместе с другими членами нашего коллектива я участвовал в подготовке Записки для высшего руководства, предложенной Куусиненом. Называлась она, помнится, несколько вызывающе: «Об отмене диктатуры пролетариата и переходе к общенародному государству». Её действие было подобно взорвавшейся бомбе. Подавляющее большинство руководителей не только

отвергло эту идею, но пришло в страшное негодование. Куусинен же только посмеивался одними глазами: как опытный аппаратчик, он предварительно согласовал вопрос с Хрущёвым и получил его надёжную поддержку.

Мы присутствовали в кабинете Куусинена в тот момент, когда он выслушивал замечания некоторых руководителей по поводу Записки. Отто Вильгельмович держал трубку внутреннего телефона так, что мы могли слышать его собеседника.

– Отто Вильгельмович! – кричала трубка. – Как же так! Что вы тут написали! Зачем же так извращать! Ленин считал диктатуру пролетариата главным в марксизме. А вы тут нам подсовываете какие-то новые цитатки Ленина, о которых никто и не слышал...

– Та, та, именно, не слышали. Не слышали потому, что эти очень важные высказывания Ильича держались под спудом. Вы знаете, наверное, что и сейчас ещё многие работы Ленина не опубликованы.

– Не знаю. Не слышал. Нас учили совсем другому марксизму, – пробасила трубка и легла на рычаг.

– Та, та, это верно, – заметил Отто Вильгельмович, обращаясь к нам, – его учили совсем другому. Боюсь, что даже преподаватели в торговом техникуме, который он кончил, могли не знать этих высказываний Ленина.

Тут снова зазвонил внутренний телефон.

– Я вас слушаю, – как обычно, вежливо произнёс Куусинен.

Но трубка молчала ещё какое-то время и наконец взорвалась женским криком. Потом выяснилось, что это была Фурцева, секретарь ЦК и будущий министр культуры.

– Как же вы могли, Отто Вильгельмович, покуситься на святая святых – на диктатуру пролетариата! Что же будет с нашим государством, с нашей идеологией, если мы сами будем раскачивать их основы?!

– Думаю, государство и идеология станут ещё крепче, – бодро отвечал наш старик. – В самом деле, если государство стало всенародным и сохранило при этом руководство рабочего класса, то от этого оно, конечно, только выиграло, а не проиграло, и при этом никто не сможет оправдывать расправу с вами, со всеми нами ссылкой на диктатуру пролетариата!

– Ну, знаете, это вы уж слишком! На кого вы намекаете? У нас сейчас коллективное руководство, и никто никого не собирается сажать!

– Вот именно, вот именно, – обрадовался Куусинен. – Коллективное руководство – это и есть прямой переход к социалистической демократии.

– Нет, Отто Вильгельмович. Меня вы не убедили! И никого не убедите. Так что я бы вам посоветовала отозвать свою Записку, пока ещё не поздно. Пока ещё не состоялось обсуждение.

– Не поздно, – промямлил Отто Вильгельмович с лёгкой издёвкой. – Никогда не поздно восстановить истину. Что касается обсуждения, то я почему-то думаю, что к этому времени вы сами пересмотрите свою позицию...

– Никогда! Ни за что! Я эту диктатуру, можно сказать, воссала с молоком матери и буду стоять за неё насмерть!

– Ну зачем насмерть? Это же вопрос теории. Посмотрим, обсудим и коллективно решим.

Куусинен оказался прав. Ни один из его оппонентов даже не рискнул высказаться против Записки, когда происходило обсуждение. К этому времени все уже знали, что Первый – за и что он рекомендовал включить идею общенародного государства в Программу партии, что и было впоследствии поручено мне» (Ф.Бурлацкий. Вожди и советники. М., 1990. С. 41–42).

Бурлацкий косвенно подчеркнул, что с конца 50-х годов мнения Куусинена значили для Хрущёва больше, чем позиции других партийных руководителей. Похоже, Куусинен в конце 50-х – начале 60-х годов имел больше влияния на Хрущёва, нежели Фрол Козлов, Леонид Брежнев, Михаил Суслов или Александр Шелепин. По сути, он, оставаясь в тени, реально формировал многие процессы в политической жизни страны.

Но что интересно! Перечитайте мемуары действовавших в тогдашней жизни страны лиц. Хотя бы помощника Хрущёва по внешней политике Олега Трояновского или консультанта Андропова – Александра Бовина. Или воспоминания отодвинутого в 1957 году от большой политики Шепилова. Куусинен везде обойдён молчанием. Случайно ли это? Или все соблюдали негласное указание до поры до времени не высвечивать роль Куусинена в мировых делах?

В какой-то момент Куусинен, предчувствуя скорый уход из жизни, часть своих помощников и консультантов начал передавать заведующему одного из отделов ЦК Юрию Андропову. В команду Андропова пришли, в частности, Георгий Арбатов, Алексей Беляков, Александр Бовин, Олег Богомолов, Фёдор Бурлацкий и Георгий Шахназаров.

Умер Куусинен от рака 17 мая 1964 года. Партаппарат оперативно подготовил некролог. Обычно руководство потом лишь визировало текст извещения о смерти. Но тут Ильичёв решил некролог показать членам Президиума ЦК КПСС. Кириленко, Косыгин и Подгорный со всем согласились, а Брежнев посчитал нужным внести множество поправок, причём не только редакционного характера (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, лл. 46–51). Этот факт свидетельствовал о том, какую огромную роль играл Куусинен в советском руководстве.

По решению Президиума ЦК бумаги Куусинена после его смерти были переданы в Центральный партавторхив Института марксизма-ленинизма. Их разбором занялась специальная комиссия во главе с Петром

Поспеловым. 17 июля 1964 года комиссия сообщила, что она выявила более 1000 личных документов Куусинена, составивших в общей сложности 2600 листов.

«В числе переданных Институту марксизма-ленинизма документов, – отметила Комиссия, – есть материалы, имеющие большое значение в настоящее время. Например, машинописный экземпляр рукописи об уроках борьбы с ультралевыми группами и троцкистами в Коминтерне; 87 конвертов с записками, набросками, выписками, подготовительными материалами к задуманной работе на примерную тему «Уроки борьбы против «левого» оппортунизма и троцкизма в международном коммунистическом движении и антиленинская позиция нынешних руководителей компартии Китая»; рукопись под названием «Кое-что об историческом опыте» (о борьбе с бакунистами, троцкистами и «левыми» оппортунистами в международном рабочем движении) и другие» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 116, л. 78).

Пока Куусинен был жив, никто из тогдашнего советского руководства публично не решался на какие-либо открытые протесты против Хрущёва

Позже один из соратников Юрия Андропова – академик Георгий Арбатов в статье, посвящённой 100-летию Куусинена, сравнил этого партийного функционера ни много ни мало с деятелями эпохи Возрождения. А Арбатов просто так никогда ничего не брякал. Значит, роль Куусинена в жизни страны была колоссальной (другое дело, она носила не публичный, а теневой характер).

Тут что ещё важно! Пока Куусинен был жив, никто из тогдашнего советского руководства публично не решался на какие-либо открытые протесты против Хрущёва. Все в советском руководстве догадывались, что Куусинен обладал реальными возможностями отстоять Хрущёва, а любого несогласного с Хрущёвым удалить от власти. Поэтому все молчали: и Брежнев, и Подгорный, и Шелепин, и Суслов... Подковёрная борьба за смещение Хрущёва началась уже после смерти Куусинена. Это первое.

Второе. Куусинен понимал, что он не бессмертен. Не случайно он с конца 50-х годов много думал о своих возможных преемниках. Не зря Куусинен так много занимался Андроповым. Определённые виды он имел и на Бориса Пономарёва. Но ему не хватило времени для того, чтобы ещё при своей жизни повысить статус того же Андропова и ввести своего подопечного в Президиум ЦК. Окажись в распоряжении Куусинена ещё хотя бы годик, я не сомневаюсь, многое в нашей стране могло бы повернуться иначе. Советским Союзом, точно бы, управлял не Брежнев, а кто-то другой (впрочем, ещё и не Андропов).

Пламя от костра разрывало темноту ночи, освещая небольшой участок каменистого пляжа. Сырые дрова нехотя отдавали тепло двум путешественникам, дремавшим в разных позах на плавнике и пытавшимся согреться. А всё ведь так хорошо начиналось...

ПЛАВАНИЕ ТОПОРА,

Владимир ОБРАЗЦОВ

или РОБИНЗОНАДА ПО-НЕЛЬКОБИНСКИ

«Юра, ты уверен?»

Обратная дорога Урчан – Нелькоба нашему экипажу давалась с большими трудностями, нежели путь на рудник. Было ощущение, что Урчан не хотел отпустить нас, используя для этого все виды воздействия. Венцом приключения была пропоротая скальником шина, которую пришлось приводить в рабочее состояние в течение часа, используя подручные средства для заделки полученной пробоины.

Во время пересечения нашей машиной многочисленных протоков и луж, я отметил для себя, что вода везде поднялась и, возможно, капитан прав в своём желании как можно быстрее оказаться на трассе.

Вскоре добрались до речки, на которой планировали остановиться на сутки, дабы дать шанс Юре и хариусу посостязаться. Дело было после обеда, солнце перевалило зенит и начало свой путь за сопки, подкрадывался вечер.

Мы остановились на косе, Юра вышел из машины, осмотрел место, где планировали разбить лагерь, подошёл к реке. Докурил беломорину, вернулся за руль, посмотрел на

меня и промолвил: «Поехали дальше...»

– Давай расположиться здесь на ночёвку, ты опять без рыбалки останешься, а рыба тут водится. Порыбачишь на зорьке и поедем дальше, время в запасе есть.

– Видишь как вода поднялась? Где гарантия, что завтра мы сможем вообще переехать? Если встрянем, то останемся без связи и как долго зависнем, неизвестно никому... Надо уходить к трассе, пока при памяти...

Эту протоку прошли буквально на цыпочках, вода доставала до фар и наш УАЗ потихоньку, чтобы не залить трамблер и свечи, перебрался на другой берег. В голове пронеслось: «Фух... Прорвались...»

Начало темнеть, Юра включил фары и тут мы обнаружили, что купание по притокам Нелькобы не прошло бесследно, теперь наш УАЗ напоминал адмирала Нельсона, подсвечивая себе путь одной фарой.

Когда мы перемахнули очередную протоку, я всматриваясь в быстро темнеющие окрестности, решил посоветоваться с Капитаном.

– Юра, темнеет. Идём на одной фаре, не видно ни дороги, ни глубины проток. Туда днём шли. Хотя что-то было можно в воде разглядеть, а

сейчас только по приборам... Давай найдём место и заночуем, рассветёт и продолжим дорогу по свету дальше?

– В общем, ты прав, но остановиться здесь особо на ночь негде и до Нелькобы осталось то километров двадцать... А если за ночь вода ещё поднимется, ты видишь, что творится с ручьями? Мы тогда можем надолго закуковать... Так что прорываемся до Нелькобы и ночуем там. Авось пронесёт...

Наш путь лежал через лес, который разрежала дорога в одну колею, справа и слева возвышались деревья, за силуэтами которых терялось небо. Единственная фара УАЗа освещала дорогу и была путеводным маячком в темноте. Внезапно просека закончилась, лес расступился и мы оказались на берегу полноводной горной реки с быстрым течением. Неприятно засосало под ложечкой: «Ё-моё, ведь тут воды-то не было вовсе...»

Юра притормозил у кромки воды, включил пониженную передачу и врубил первую скорость.

– Держи рычаг понижайки, чтобы не выбило. Идём вперёд!

И всё-таки интуиция существует... В моей душе пронёсся трусли-

вый заяц, вереща от страха с воплями, что это чистой воды авантюризм – идти через протоку, где и дна не видно... Я решил высказать своему Капитану все доводы по поводу ночной переправы, но из всего моего длинного заготовленного монолога получилась одна фраза: «Юра, ты уверен?»

– Да!

Через мгновение наш УАЗ медленно начал входить в бурлящую воду...

Простые правила

Почему в этот критический момент я не начал подробно перечислять опасения напарнику и не настоял на своей точке зрения, а последовал примеру спартанцев?

Что такое сработанный экипаж в дороге? Это капитан, он же водитель и штурман. Моё дело (штурмана) – вести маршрут, вычислять расстояния, искать пути-дороги, знать названия мест и рек, и делать всё, чтобы водитель не отвлекался. Капитан (водитель) – в дороге царь и бог, это он сидит за рулём, пятой точкой опоры выбирает лучшие варианты и направления, замеряет глубину ям и проток, и возможности

их объезда. Вариантов других нет и быть не может – либо вы доверяете человеку, который сидит за рулём и своему напарнику, либо ищите другую машину и водителя, либо идёте пешком... Кто-нибудь из вас орал на водителя, сидя рядом, в экстренной ситуации? Кто-нибудь пилил на тему: «А надо было свернуть туда, а ты поехал в другую сторону»? Кто-нибудь орал в ухо своему водителю волшебную фразу: «Я же тебе говорил!»? Если так – то вы не команда, а разные люди и вам вместе не стоит ездить по безлюдным местам. Либо вы однажды узнаете о себе очень много нового, либо у вас будет шанс просто прогуляться пешком до того места, откуда вы начали своё путешествие...

Да, любое неверно принятое водителем решение вы будете расхлёбывать вдвоём – выкапывать машину из грязи, бортировать колёса, таскать брёвна, стелить гать, пилить деревья, разводить костёр, заниматься

На притоках Нелькобы. Август 2018 года

ремонтом. Но вы команда и иначе быть не может. Если же вы сели в сторонке и вместо помощи начинаете пилить водителя, призывая на его голову все возможные кары, то вам лучше сидеть дома и смотреть телевизор или садиться за руль самому. Но если вы всё-таки взяли на себя роль штурмана экипажа, то лучше соблюдать эти простые правила. Ведь вы же команда, а на расстоянии километров

в сто, кроме медведей никто больше не живёт... Так что лучше некоторые вещи говорить вовремя или вообще потом не говорить вслух...

В тайге, вдали от оживлённых дорог и людских поселений своя жизнь и свои правила. Здесь нельзя надеяться на удачу или авось. В этих малолюдных местах – на просторах тайги, сопки и рек – необходимо предусматривать всё зара-

нее, чтобы при любом варианте развития событий снизить глупый риск до минимума. Если ты следуешь этим простым правилам, написанным кровью и потом, а где и жизнями, с тобой вряд ли что-то может случиться.

А мы зарвались... Видимо, лимит удачи, который нам отпустил всевышний на эту поездку до Урчана был исчерпан.

Наш экипаж, в свою очередь, сделал всё, чтобы наше путешествие оборвалось посреди речки. Эту речушку в обычное время можно перейти, не замочив колени, но сейчас она с лихвой наполнилась водой прошедших дождей и стремительно несла свои воды по ямам и перекатам. Ничем не приметный ручей превратился в настоящую горную реку.

Ехать ночью по маршруту, который прошли только в одну сторону, с одной фарой, в одну машину – это было верхом авантюризма, за который нам в полноте своей воздали лесные духи. Всё остальное и кто мы есть на самом деле нам рассказали

Дорога через лес. Август 2018 года

наши товарищи
позже...

Катастрофа

Передний бампер машины медленно погружался в воду, УАЗ начал преодоление первых метров водной преграды... Вот и наш единственный источник света ушёл под воду... Вот вода достигла края капота... Вот и мотор натужно взвыл, его начал торозить вентилятор, вращающийся в воде...

Вода подошла к лобовому стеклу, и мотор чихнул в последний раз. Оставался

подводником во время затопления отсека.

Благо задачи были разные – не надо было заделывать пробоины, надо было десантироваться с тонущего корабля...

Необходимо было быстро собирать вещи и покидать уходящую под воду машину. В полутьме, под тусклый свет лампы освещения кабины, я сумел найти свои ботинки и натянуть их, забрать кофр с кэноном и документами... В это время капитан спасал документы на машину и капитал.

Тем временем вода в кабине уже была по

Левая сторона УАЗа прекратила свой угрожающий подъём, на мгновение замерла в равновесии и тут же начала уходить под воду всё быстрее и быстрее. Машину стаскивало в яму, ставшую для нас ловушкой.

– Выходи из машины, живо!

Получив команду, я покинул своё место и, цепляясь за заднюю дверь, встал сбоку машины. Воды у заднего колеса было по колено... Уже стемнело, и единственным источником света был плафон кабины, который еле светился.

Надо выбираться

И мой товарищ двинулся в бурлящую воду навстречу ночной темноте. Сперва он пытался пройти до берега по прямой, но вода быстро дошла до пояса и течением подбило ноги, Юра потерял равновесие. Я только и увидел, как напарника сбило с ног и потащило течением. Всё это произошло в доли секунды... Но через буквально метра полтора свободного плавания, капитан нащупал дно и снова принял вертикальное положение – там уже было мелко... Я перевёл дух и смотрел, как Юра преодолевает оставшиеся метры до берега по колено в воде, выходя на отмель.

– Давай, твоя очередь, здесь уже мелко!

Но я медлил, не желая расставаться с единственной надёжной опорой в реке и проверять глубину протоки. Причин было несколько – я очень не люблю тонуть на речках (печальный опыт в наличии имеет), вторая причина – кофр за спиной с уцелевшим оборудованием. С тем, что осталось в машине, я уже мысленно попрощался. Но вот если меня събьёт течением, то это будет самое дорогое купание за последние несколько десятков лет, вместе с моим бранным телом в воде окажется и кофр с уцелевшей аппаратурой. Да и только вроде жить начал, подбираясь к пятому десятку...

Переправа через эту бурную речку, само по себе нелёгкое и опасное предприятие, а уж ночью – на грани авантюризма. Вброд по такой воде ещё можно

На притоках Нелькобы. Август 2018 года

ещё шанс выйти из ямы, в которой мы оказались на стартере, и Юра до последнего, пока не сели аккумуляторы, пытался продвигнуться вперёд и выбраться из ловушки. Но тщетно – машина словно упёрлась в стену.

Тем временем вода начала быстро заполнять машину, в голове мелькнула мысль: «Приплыли...»

На какую-то долю секунды у меня появилась возможность почувствовать себя

пояс и продолжала прибивать. Но это было не самое печальное – быстрое течение начало приподнимать левую сторону, и машина стала заваливаться набок.

– Открывай свою дверь, пускай вода уходит, перевернёмся к чёрту!

Прекратив лихорадочные попытки добыть ещё что-нибудь полезное, я открыл свою дверь и из машины хлынул поток воды, унося с собой в свободное плавание всё, что не было закреплено и плавало в кабине...

Можно было различить общие очертания местности, но не определить глубину воды и расстояния до берегов...

Вот и капитан покинул тонущее судно через мою дверь и оценил диспозицию.

– Надо переходить протоку. Здесь ловить нечего, замёрзнем до утра...

– Юра, может не стоит рисковать в темноте, подождём пару часов, хоть дно видно будет – как идти?

– До утра замёрзнем.

перебраться, если вода не доходит до пояса. Пока только ноги в воде – есть шанс удержаться. Но если вода захлестывает выше, то шансы на удачную переправу будут практически равны нулю, вода бьёт на уровне центра тяжести и увеличивается площадь воздействия, в результате удержать равновесие и вертикальное положение очень тяжело. И опять же, немаловажное значение играет рост и длина ног – мой напарник выше меня на голову и те глубины, которые он преодолел, для меня будут запредельными – только плыть.

Кто-нибудь из вас пробовал переправиться через горную речку вплавь? Вот и мне не хотелось. В эти минуты я горько пожалел, что стать цаплей у меня нет никаких шансов.

Узрев моё нежелание идти в воду и душевные метания, Капитан устроил пресс-конференцию между берегом и островом...

– Иди, не бойся. Тут мелко, я же прошёл!

– Юра. Я видел как ты шёл, меня захлестнёт сразу! Лучше я здесь останусь, залезу на крышу и до утра посижу – по свету будет хоть дно видно и глубину!

– Замёрзнешь, как цуцик! Может, назад пройдёшь, на другой берег?

Я огляделся с кормы нашего сухопутного корабля и попробовал глубину. Проверка показала, что и эти несколько метров до берега мне также придётся преодолевать только вплавь...

– Назад тоже никак, буду коковать здесь, в одного мне не выйти...

Что думал капитан в этот момент о ситуации, обо мне, о нашей поезд-

Между небом и землёй. Урчан. Август 2018 года

ке и о моём росте – в тот момент я мог только догадываться... Юра молча развернулся к машине и снова вошёл в бурлящий поток.

– Иду к тебе, вместе пройдем!

Пока напарник шаг за шагом приближался к машине по пологой дуге, я запоминал примерную глубину и сам маршрут...

– В твоей двери газовый баллон и горелка. Возьми с собой! – едва удерживаясь на ногах, Юра успевал давать ценные указания.

Пока напарник преодолевал последние метры до нашей подводной лодки, я нашёл всё, что было наказано, в том числе и свою палку для скандинавской ходьбы (очень полезная находка в этой ситуации) и начал морально готовиться к переходу.

– За руку бери и только не расцепляйся. Идём вдвоём, я первым, промеряю глубину. На месте не стоим, иначе или замочит или снесёт быстро, – капитан и в этой ситуации оставался капитаном.

Так мы и пошли, шаг за шагом приближаясь к заветному берегу... Еле удержавшись на ногах, преодолели самый

опасный участок, где вода уже подходила к карманам брюк и течение выбивало опору из-под ног, но через пару метров от УАЗа вода стала нам по колено и мы, уже крепко стоя на ногах, начали выходить на берег.

Что вас встречает на берегу, после выхода из воды на Колыме, особенно если дело происходит ночью, да под ветерок? Правильно – Здравствуй, господин Мороз!

Мы ринулись собирать в округе более или менее сухие ветки и дрова, выискивая на берегу в завалах плавника всё, что могло нам помочь быстрее сотворить костёр...

И вот дрова собраны, будущий костёр подготовлен, осталось дело за малым – за огнём. Горелка с баллоном соединяются в одно целое, подносятся к будущему очагу, приводится в действие пьезоэлемент и... Ничего не происходит, пьезоэлемент после пребывания в воде отказывается давать искру... Зажигалка или спички? В карманах штанов всё мокрое, в карманах горки пусто – ситуация патовая. Пора вспомнить добычу огня наши-

ми предками при помощи камней и дерева... Но тут госпожа удача улыбнулась нам через ночную тьму, моя рука нащупала в кофре с кэноном корпус зажигалки, неизвестно как там оказавшейся...

– Юра. Есть!

Щелчок, искра, загудела газовая горелка, и с её помощью за несколько минут костёр был разведён...

И вот, в ночной темноте, у щедро раздающего свет и тепло костра, исполнили странные танцы двое мужчин, медленно выполняя разные па, совершая обороты на 90 градусов, при этом странно приседая и принимая комичные позы. Все эти священнодействия сопровождалась под аккомпанемент наших клацающих челюстей, исполнивших чечётку...

Но вот и наступил момент, когда мы немного отогрелись и подсушили одежду. Пришла пора подводить итоги и думать о завтрашнем дне. Сперва проверили своё движимое и недвижимое имущество.

В активе и наличии у нас оказались газовый баллон, горелка (просушенная и уже рабочая), фонарь, мокрая пачка

беломора, две консервных банки, найденных на берегу, зажигалка и телефоны.

Пикантность ситуации добавлял тот факт, что телефоны показывали полное отсутствие зоны покрытия сотовыми вышками и никакое чудо из сотовых в спутниковые их превратить не могло.

Наше недвижимое имущество мертво сидело в реке... Посветив фонарём, увидели, что машина наклонилась на левую сторону (в сторону ямы) градусов на 15–20, у левой стойки крыши УАЗа, которая практически была под водой, ярился хороший бурун, предупреждающий о том, что течение здесь шутить не будет. Большая часть кабины была в воде, и внутри неё, в этом небольшом озере, плавало всё, что имело отрицательную плавучесть. Благо закрыли двери, иначе большая часть нашего имущества ушла бы в сплав по Нелькобе...

Юра выудил из мокрой пачки «Беломора» пару более или менее уцелевших папирос. Мы сели у костра и, дымя папиросами, приступили к разбору полётов.

– Эту протоку, когда шли на Урчан, проходили не прямо, а по дуге, так как я к машине подходил... Обратились – то ли забыл, то ли расслабился, вот и влетел... Не видно ни черта, понадеялся на память...

– Зачем до конца пытался вперёд пробиться, может на аккумуляторах был шанс назад выйти?

– Да, как-то не подумал, понадеялся, что получится...

– Бывает... Есть предложение, просушиться

немного и идти к Нелькобе, здесь мы ничего не сделаем и ловить нечего.

– Давай так и поступим, какой смысл мерзнуть под открытым небом?

Погревшись ещё немного у костра, мы двинулись в путь, но пройдя метров тридцать-сорок оказались у следующей протоки, судя по всему, с ещё больше глубиной и ничуть не менее быстрым течением. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что мы очутились на острове и отрезаны от большой земли...

– Приплыли...

Делать было нечего, мы вернулись к костру, натаскали дров и попытались устроиться подремать на брёвнах, что в принципе удалось в какой-то мере.

Вот так началась наша робинзопада по-нелькобински... Шла первая ночь нашего пребывания на острове, до рассвета оставалось несколько часов.

Первые сутки на острове

Первую нашу ночь до того момента, когда солнце снова взошло над Нелькобой и разогнало ночную тьму, мы провели у костра, созерцая пламя и греясь от него.

Пришлось вспомнить навыки, вбитые ещё в армии, и проверить на себе крылатую фразу – что если дать солдату точку опоры, то он обязательно уснёт. Мне вполне комфортно удалось подремать и сидя и полужёжа у костра, устроившись на плавнике. Было время и для медитации и осмысления произошедшего, время для скорби о механических девайсах, почивших в водах реки

Нелькоба и держащих путь в Нирванну машинерии... Вот зачем я, ещё когда мы бортировали колесо, одел футболку от термобелья – сказать не смогу, но в этом положении я был благодарен такому поступку. Успевая сожалеть о том, что остановился на половине дороги и поленился одеть весь комплект... Мне было и сухо, и тепло, несмотря на промозглую туманную ночь.

Юре было тяжелее, подремать он так и не сумел и промаялся у костра до рассвета. Утром все его переживания по своему железному коню и следствия недосыпа хорошо читались на его лице и под глазами.

Когда рассвело, мы уже стояли у брода через протоку и размышляли о возможностях и способностях... Река за сутки нашего пребывания на Урчане разлилась в этих местах на несколько метров в ширину, затопив край острова и разбив его на отдельные части ручьями.

На другой стороне протоки стеной стоял лес из лиственниц, длиной метров семьдесят, разрезаемый дорогой, уходящей в сторону посёлка Нелькоба.

Посветлу хорошо было видно, что у берега, где стоят деревья, сплошные ямы и бурное течение и это делало переправу через протоку в любом месте, за исключением брода, очень рискованной предпрятием. Ниже по течению в метрах тридцати, там, где заканчивался лес, была небольшая отмель.

Осмотревшись, мы начали мероприятия по разведке возможности форсирования реки. Замеры глубины пока-

зали, что через несколько метров от нашего берега высота воды становится выше пояса и брод на ногах преодолеть не удастся.

Посередине этой бушующей речки, чуть ниже перехода, стоял небольшой островок, на котором росли несколько ив. Уровень воды и сила течения была такая, что у деревьев образовался бурун в полметра из кипящей воды, а перед самим островком была хорошая яма.

В результате получалась следующая картина. Пускай нам сильно повезёт и мы сможем пройти метра четыре по броду до уровня этого островка и нас не собьёт течением. Идти придётся по диагонали под напором течения и выйдем мы как раз в эту гостеприимную яму у островка в объёме беснующегося буруна... Изменить точку входа и подняться выше по течению для перехода – этот вариант отпадал по причине глубин уже у нашего острова... Таким образом, вариант переправы через протоку по воду, яко посуху, отпадал сам собой...

– Юра, перейти здесь не судьба. Есть только вариант идти вплавь и с разными вариациями. Можно начать заплыв выше брода и попытаться попасть в узкий створ лесной дороги, но это рискованный вариант. Оптимальным решением будет зайти в воду ниже брода и переплыть на другую сторону реки, ориентируясь на отмель. А самые лучшие варианты в данное время – это проверить интенсивность движения в районе отдельно взятого острова и дожидаться какой-нибудь машины, либо понадеяться на спад

воды и попытку перехода брода ногами... При всем уважении к тебе я плавать не хочу, давай подождём. Время в запасе у нас есть...

Мой напарник внимательно меня выслушал и поддержал предложение в первом чтении.

Мы оценили ситуацию и приняли стратегические решения. Теперь пришло время обустроить свой быт и подумать о хлебе насущном. День был пасмурным, присутствовал ветерок и всё это, включая температуру, делало робинзонаду не самым увлекательным курортным приключением.

Было решено перенести лагерь (состоявший из одного костра) на новое место, к этой протоке. Здесь было выше и посуше, хватало плавника, и вода не подходила так близко, как на прежнем месте.

Совершили паломничество и к своей боевой колеснице. УАЗ левой стороной был по крышу в воде, а у верхнего левого края стойки лютовал бурун. Правая стойка возвышалась над водой на десяток сантиметров...

Посмотрев на то место, где мы совершили свой отчаянный бросок от машины до берега при свете дня, я изрёк следующее: «Тренер, я больше не хочу пить...»

– Но ведь прошли же, – сказал Капитан...

– Да прошли, потемну и в связке... да и выбора у нас с тобой особо не было. Вода приподнялась ещё, и я просто дотуда не дойду, а отправлюсь в путешествие по реке Нелькоба в роли топора. Так что пошли к костру, делать особо нечего...

Мы вернулись к лагерю, я поудобнее устроился на лежбище из

брёвен у нового костра и занялся одним из любимых дел каждого мыслителя – созерцал огонь, вновь и вновь обдумывая создавшуюся ситуацию. Юра – человек более прагматичный. Сперва попытался подремать, и когда его старания не увенчались успехом, пошёл осматривать захваченную нами территорию на предмет возможных бродов, растительности, дров, питания или любых других подарков цивилизации. Пока всё, что было найдено из следов человека на острове, – это две ржа-

что ему что-то всё же перепало, сперва довольно заурчал, но когда понял, что его обманули – взвыл белой.

– Блин. Лучше бы и не ел, теперь оборачивайся зайцем и грызи иву...

Усугубляло ситуацию и то, что на острове оказались два кофеманакурильщика, лишённые своих наркотиков. Курить хотелось немилосердно, было ощущение, что уши начинают пухнуть и увеличиваться в размерах. Курящий меня поймёт, а тому, кто этой гадости не подвер-

вернуться к благам цивилизации, но как было преодолеть это расстояние? Если сам не рисковал сделать этот шаг, то не стоило на это толкать и своего напарника – было бы просто нечестно. Оставалось только созерцать огонь и ждать.

Первым устал от ожиданий и отсутствия предметов первой необходимости мой напарник. Вскоре я заметил суету у старого костра – Юра подтаскивал дрова, разводил огонь. Мне показалась несправедливой его

вые консервные банки, принятые нами на службу в роли кружек...

Со своего патрулирования Юра вернулся со жменёй плодов шиповника, который честно разделил на двоих.

– Нашёл немного шиповника, есть самую малость княженики и голубики, больше здесь ничего съедобного не растёт, ну если не брать в расчёт иву.

Я неспешно прожевал полузрелые плоды шиповника и проглотил... Желудок, почуяв,

жен, даже и желать не стану таких ощущений. Отсутствие табака добавляло нервозности и эмоций нашим диалогам и ситуации в целом.

Говорить об этом вслух – только гусей дразнить, Юре и так приходилось невесело – Всё было рядом, только протяни руку – в метрах пяти-шести... В протоке, по крышу в воде, сидел наш склад на колёсах, где лежало всё – от кофе до котелка, чтобы снова почувствовать себя человеком и

работа в гордом одиночестве, и я составил ему компанию. Когда костёр разгорелся, спросил у капитана:

– Юра. Ты что удумал? Костёр уже есть, зачем ещё один?

– Пойду до машины, смысл здесь так сидеть?

– Ты точно уверен в том, что хочешь туда пойти? Я и подстраховать тебя не смогу...

– Да, я решил. В общем, делаем так... Сейчас снимаю штаны и вброд до машины, вытаскиваю ящик с продук-

тами. Жди меня на берегу, примешь имущество.

– Если уж решил идти, то захвати мой чёрный пакет за водителем сиденьем.

– Блин. Зачем он тебе? Всё что надо лежит в ящике.

– В пакете блок сигарет, есть шанс, что в заводской упаковке не промокли... От твоего беломора, даже если ты его найдёшь, толку не будет – скорее всего,

гополучно добрался до оттели, где я забрал его поклажу.

– Дуй к костру, грейся!

Пока Юра отогревался, клацая зубами, мне досталась участь проведения инспекции и ревизии спасённого имущества. Был найден и блок сигарет, который действительно спасла заводская упаковка от близкого знакомства с водой. Через пару минут я уже отдал

кофе... Потом уже настал черёд обеда. В общем – жизнь удалась, всё-таки сытый желудок позволяет не так мрачно смотреть на сложившуюся ситуацию.

За день мы натаскали побольше дров к кострищу, чтобы хватило на ночь с запасом. Оборудовали себе лежанки из плавника. Наша палатка и спальники всё ещё оставались в машине среди протоки, и надвигающе-

пока к нам благоволила, и с неба не сыпалась на нас водная крупа...

Жизнь продолжается, да здравствует комфорт!

Утро следующего дня было ещё более оптимистичным: вода в обоих протоках сильно упала, отступив от нашего вынужденного пристанища. На самом острове пересохло несколько ручьёв, которые разделяли его на четыре части. Наша машина ещё больше появилась над водой, а бурун у островка в протоке потерял свою былую силу и уменьшился раза в два. Нелькоба успокоилась, мелея на глазах, и сменила свой буйный нрав горной реки на спокойствие и умиротворённость обычной речки.

После основательно-го завтрака, капитан снова решил повторить вчерашнее купание по отработанной схеме. Первым делом запыхал пионерский костёр рядом с нашей подводной лодкой, а Юра, сняв излишки одежды, ушёл на покорение реки, благо воды было уже куда меньше. В этот раз напарник совершил два захода до утопленного УАЗа, и мы стали счастливыми обладателями пары спальников, палатки, одежды и рюкзака с аппаратурой.

На этом наше вынужденное безделье закончилось, всё, что удалось спасти, было мокрым до нитки. Нужно было всё отжать, разложить на просушку одежду и спальники, поставить палатку и дать ей просохнуть и обветриться. Погода

Костёр в ночи...

промок до основания.

Юра снял штаны, надел ботинки и вошёл в воду. Мне оставалось только морально его поддерживать, наблюдая за тем, как напарник, шаг за шагом, прорывался к машине. Когда капитан прошёл самый опасный участок пути, удержав равновесие, я облегчённо вздохнул.

Вот он уже и у машины. Открыл дверь, достал белый контейнер с продуктами, нашёл пакет, закрыл машину и двинулся обратно, держа свой груз на руках. Наступила вторая часть этого путешествия, ещё более сложная. Капитан бла-

зажжённую сигарету напарнику: «Кури!»

После того, как Юра отогрелся и обсох, мы переместились вместе с добытым сокровищем к новому месту обитания и принялись шиковать.

Первым делом разобрали ящик, и отсортировали продукты. Вода всё-таки нашла дорогу внутрь контейнера и успела намочить чай, сухари и так далее. От воды пачка чая приобрела трёхкратный размер от первоначального объёма, Капитан пробил упаковку и поставил стекать чайный настой в кружку.

Вот и закипел наш чайник, и мы смогли попить, блаженствуя,

юся ночь нам предстояло провести в полном единении с природой.

За всё это время случилось только одно изменение, которое порадовало нас: вода упала на несколько сантиметров, потихоньку отступая от завоёванного берега. Это хорошо было заметно по нашему глубиномеру, который памятно застыл посреди протоки – край левой стойки появился над водой... Наверное, и меня и Юру посещала одна и та же мысль – только бы не было дождя!

Эта ночь прошла куда лучше, в отличие от предыдущей, мы были сыты и с сигаретами. Погода

смилоствилась над нами, через облака пыталось пробиться солнце, даря, пусть и на короткое время, блаженство под своими лучами. Ветер тоже играл нам на руку, обдувая наше мокрое имущество.

Закончив с обязательной программой, я приступил к не менее скорбным действиям – разборке утонувшей аппаратуры. Разложил аккумуляторы, вылил воду из объектива, разобрал камеру, вспышку. Делалось всё это без особых надежд – хотелось избавиться от излишков воды в своём железе.

Пока я с этим возился, переквалифицировался в шеф-повара, приготовив нашей экспедиции сытный и вкусный обед. Если уж быть откровенным, то по поводу готовки мне было дозволено только приготовление кофе и борьба с дошираком, все действия, требующие более высокой квалификации, мой напарник предпочитал делать сам.

После обеда подготовили к ночлегу палатку, приведя её в полностью расправленное состояние и натаскав тальника на пол, дабы не спать на голых камнях. На душе было радостно, несмотря на то, что спальники ещё оставались влажными, у Юры появился отличный шанс нормально поспать после нескольких бессонных ночей. Так за мелкой соучей прошёл день...

Ближе к вечеру устроили генеральное совещание, на котором в повестке дня стоял всего лишь один вопрос: «Что дальше?». Мы уже убедились в аномальной активности (вроде и дорога неплохая) движения автотранспорта в

этом направлении и поняли, что ждать смысла больше нет. Юра снова поставил вопрос о преодолении протоки вплавь, тот вариант, что рассматривался днём ранее, что вызывало у меня нехороший мандраж. Как в присказке – я не трус, но я боюсь...

– Юр, если ты хочешь переплыть, то не вопрос, но в одного. Тогда тебе идти за подмогой, а я останусь тут с имуществом и машиной и буду ждать. Но лучше давай подождём утра, видишь, вода падает на глазах? Там уже видно будет...

Юра помолчал, посмотрел мне в глаза, словно что-то хотел сказать мысленно, но вслух произнёс: «Посмотрим...» О чём промолчал мой друг, мне предстояло узнать уже в ближайшее время.

Вечеряли у костра, попивая кофеёк и наблюдая за солнцем, которое пряталось за сопки, оставляя нас на волю сумерек. Начало темнеть, когда низкие облака наградили нас моросью. Недолго размышляя, собрали вещи и убрали под защиту палатки, затащили и расстелили спальники. Уже устраиваясь ко сну, Юра не терпящим возражений голосом капитана поставил меня в известность: «Завтра идём вместе... Вплавь или вброд – неважно... Пришли вдвоём и уйдём вдвоём».

Среди ночи нас разбудил сильный дождь, капли которого барабанили по палатке... Послушав эту симфонию, я ругнулся в душе простым разговорным слогом, и снова закрыл глаза с мыслью: «Лишь бы не поднялась вода, надо отсюда валить!». Заканчивались вторые сутки нашей робинзонады...

Нелькобинский Рубикон

К утру дождь прекратился, но солнца так и не было видно сквозь низко нависшие облака. Осмотрев весьма обмелевшую протоку (вода за ночь сильно ушла), Юра озвучил свои думы вслух:

– Может и плавать не придётся, вода упала сильно, есть шанс пройти.

– Ты взглядом глубину промерил, может, ногами проверишь сперва?

– Не буду. Пойдём сразу и пойдём вдвоём, так будет лучше. Заканчиваем завтрак. Собираем вещи и в путь.

Сбор имущества, носимого с собой, капитан отдал мне на откуп, сам же занялся сворачиванием лагеря. Мне же нужно собрать рюкзак, которому предстояло немало проехать на наших плечах. Тут следовало соблюсти определённый баланс, чтобы не превратиться в дороге из туриста в ломовую лошадь. Раз наша идея с заплывом по протоке отпадала, с собой надо было также брать самое дорогое сердцу и карману.

В первую очередь своё место в рюкзаке нашли нож, газовый баллон, зажигалки, сигареты. Следом отправились свитера и куртки от комков. Вскоре в рюкзаке устроились кофр с уцелевшей тушкой, телефоны, документы и деньги. Отдельно в кармашек заботливо были упрятаны несколько пакетов растворимого кофе, пачка копчёных колбасок и кусок хлеба. Собирая продовольствие, я дальновидно подумал о том, что дорога у нашей команды неблизкая (только до трассы

предстояло пройти 17 километров), а вот кушать хочется всегда... Сверху на рюкзак был привязан котелок, внутри которого нашли место кружка и ложка. На этой финальной ноте работа по комплектации рюкзака была завершена.

Все остальные наши пожитки были заботливо пристроены в палатку, и лагерь был свёрнут. Я пристроил рюкзак за спину, взял свою волшебную палочку, и приготовился физически и морально к переправе.

Юра тем временем сделал пару кругов по нашему лагерю, проверяя наличие забытых вещей, потом взял палку и начал оставлять какие-то письма у палатки.

– Юра. Пойдём! Пойдём, пока запал есть, перегорю. Ведь на себе придётся тащить. Пошли – значит пошли, – поторапливал я капитана.

Покидая лагерь, посмотрел на труды напарника. Возле входа в палатку, на песке появилась надпись большими буквами: «МЫ ВЕРНЁМСЯ!»

На берегу протоки обсудили переправу и её очередность.

– Юра, пойдёшь первым и налегке, ты выше. По тебе буду уже смотреть, как лучше идти, да и глубину смогу увидеть. Я беру рюкзак. Может тебе палку отдать, с ней идти легче?

– Не надо, от неё для меня толку никакого...

– Зря. Тогда возьму я, мне она не мешает. У среза воды сняли штаны и убрали в рюкзак, рассудив, что сухая одежда нам пригодится, а обсохнем ходом.

И вот, держась за руки, как в детском саду, мы начали вход в воду.

Уровень воды поднимался всё выше, течение становилось всё злее, пытаюсь опрокинуть нас или хотя бы сбить с ног... Видно было, что Юре приходится нелегко, ему было необходимо идти прямо, к точке выхода, удерживая равновесие самому и удерживая меня от попыток совершить заплыв... Так мы и шли, шаг за шагом, в голове крутилась

– Ну что, одеваемся? – спросил напарник.
– Это зачем? Или забыл, что это не последняя вода? Впереди столько ручьёв и куча луж, будем мокрыми по уши! Ноги мёрзнут? Так пошли греться ходом! Потерпишь? Выйдем на трассу к Родионовскому, вот там и оденемся, чтобы народ не пугать.
– Пожалуй, ты прав,

назад мы по этим местам неслись на УАЗе, обдавая окрестности выхлопными газами и распугивая живность рёвом мотора. Совсем недавно наш УАЗ с ходу форсировал ручьи и лужи, где вода доходила до капота. За стёклами машины, как в поезде, проносились тундра, лес, реки, и у нас не было шанса в полной мере

Вместе весело шагать по просторам!

А природа и рельеф в этот день развлекались над нами, как могли. Ночью прошёл дождь, и хвоя лиственниц, и листья карликовой берёзы на обочинах блестя от капелек дождя, которые их облюбовали. При попытке обойти водное препятствие среди дороги появлялся шанс замочить не только ноги, но и получить порцию холодного душа. Вот и приходилось все эти лужи штурмовать вброд, никуда не сворачивая. Ещё не успевала нагреться вода в мокрых ботинках после очередной лужи, как снова наступала пора лезть в воду, порой почти по пояс.

Мы шли, обсуждая путешествие, рассказывая истории и травя анекдоты. За моей спиной громыхал котелок, закреплённый на рюкзаке. Сегодня он выполнял роль колокольчика для окрестных жителей. Правда, меня терзали смутные сомнения: отпугивал ли он от нас представителей местной фауны или служил сигналом к бесплатному обеду?

По пути встретились несколько хищных птиц, озадаченных происходящим. Они предпочли убраться подальше от возмутителей спокойствия, которые издавали столько шума и нарушали идиллию и лесной покой.

Заметив, что я начинаю терять ход, капитан настоял на передаче нашей эстафетной палочки (рюкзака) ему, чтобы дать мне возможность перевести дух. Ох, какие интересные ощущения у человека в первые минуты после того

мысль: «Только не оставиваться, не стоять на месте, иначе собьёт!»

Тем временем вода поднималась всё выше и достигла уровня карманов (если бы брюки были на месте), и это была критическая точка перехода, в эти секунды решалось всё... И тут наша удача улыбнулась – теперь с каждым шагом мы выходили из воды, как богатыри батышки Черномора, течение теряло свою силу и воды вскоре было уже по колено. До берега оставалось несколько метров, и мы выдохнули: «Всё, прошли, мы это сделали!»

Через пару минут наш экипаж стоял на берегу и уже с другой стороны созерцал протоку, которая была нашей тюрьмой несколько суток...

двинули! Устанешь – скажи, перехвачу рюкзак.

И мы двинулись в путь... Кто-нибудь помнит команду «Трудовые резервы» из фильма «Джентльмены удачи»? Вот это почти про нас, правда, с учётом других климатических условий. Одним словом, в свитерах и трусах, с рюкзаком за спиной, наша команда бодро зашагала по лесной дороге в приподнятом настроении...

О путешествии на машине и прогулках пешком

Всё-таки есть разница между путешествием на машине и пешком.

Несколько суток

наслаждаться видами и красотами долины реки Нелькоба. Несколько суток назад лесная дорога ложилась под колёса нашей машины, и мы неслись вперёд – к Урчану. Единственные впечатления и приключения от дороги приходились на пятую точку опоры, которая принимала на себя все тяжести преодоления очередной ямы, камня или колеи.

Теперь всё изменилось, мы шли по той же самой дороге, правда, в другом направлении. И в этом неспешном движении мы полностью наслаждались гармонией природы и становились её частью, принимая благосклонно все испытания, что она могла нам преподнести.

как с его плеч снимают ношу! Скинув груз и сделав первый шаг, у меня возникло ощущение, что я стал весить раза в два меньше и пытаюсь взлететь... Вы помните мультфильм «По дороге с облаками»? А точнее тот момент, когда друзья идут по дороге, буквально отрываясь от земли? Помните? Точно такие же ощущения были и у меня: «Сейчас взлечу!». Но эйфория длилась недолго, вскоре тело осознало свою реальную массу на этот момент времени, и, оставив попытки к полёту, я бодро пошёл по дороге, подстраиваясь под темп напарника.

Километров так через десять нашей весёлой прогулки колея стала забираться на склон сопки, выводя нас на трассу, которая шла на Родионовский. Вот и развилка, мы вышли на более-менее приличную дорогу в шаге от цивилизации.

– Ну что? Куда пойдём? Если идти влево – то уйдём на Родионовский, есть ли там связь с городом и техникой – я не знаю. Если пойдём направо, то идём на Нелькобу, к трассе, и там уже будем искать связь и попутку. Что выбираем?

– Сколько до Родионовского и сколько до Нелькобы?

– Плечи примерно одинаковые, километров по семь в каждую сторону...

– Тогда пошли на Нелькобу, впустую прийти на Родионовский и потом идти обратно – не самое лучшее дело.

В своих выводах Юра не ошибся, и в этом мы убедились очень скоро. И вот, наша парочка твиксов двинулась в сторону Нелькобы, дорога

до которой большей частью шла по склонам сопки. Вскоре раздался звук мотора...

– Юра. Машина идёт или глюки? – за несколько суток безмолвия, шум мотора был самой желанной музыкой для нас.

– Машина!

Нам навстречу довольно-таки бодро ехал джип, который, не сбрасывая хода, проехал мимо нас, даже не притормозив...

– Может, спешит сильно? – предположил Юра.

– Ага, полуголых мужиков испугался. Подумал, что приставать начнём. Да и... с ним, пошли дальше...

Вскоре судьба подарила нам попытку номер два. Из-за поворота, урча движком, появилась буханка цвета гейнсборо, полная народа. Юра поднял руку в международном знаке любителей поездить на халяву, если говорить проще – начал голосовать.

Я обратил внимание на водителя УАЗа, глаза которого округлялись всё больше и больше по мере приближения к нам... Блин! А ведь штаны-то мы так и не одели.

Наверное, это была очень забавная картина – двое в шортах и свитерах на безлюдной лесной дороге.

Машина остановилась, и Юра переговорил с водителем. После этого УАЗ продолжил путь в сторону полигона, а мы в сторону Нелькобы – разошлись как в море корабли...

Из короткого разговора Юра вынес следующее:

– до Нелькобы ещё километров 5;

– тяжёлая техника на полигоне есть, но нам её никто не даст;

– помочь водитель УАЗа нам тоже не сможет, так как везёт народ на работу и потом будет очень сильно занят...

Оставалось только пожать плечами и с облегчением вздохнуть оттого, что мы не пошли на Родионовский, где в старательской артели были только приезжие, и кроме обломов нас там никто не ждал...

Вскоре мы снова убедились в правоте выбора в пользу бесштанной команды – пришлось преодолевать ещё несколько проток в брод... По пути я выступил с предложением остановиться и вскипятить кофе, но оно было отвергнуто Юрой.

– Сколько осталось до посёлка? Пару километров? Давай дойдём до трассы и там уже передохнём, – вынес вердикт капитан.

Когда дорога нас привела на очередной склон сопки, где открывался великолепный пейзаж долины реки Нелькоба, я остановился и посмотрел назад. Долина, откуда мы недавно пришли, была вся закрыта низкими облаками, местами было видно, как полосами шёл дождь...

– Юра, ты только посмотри, что творится... Всё-таки мы с тобой вовремя ушли и успели пройти по сухому.

Последние километры я решил разгрузить капитана и дать отдохнуть другу, взвалил рюкзаки на себя и уже не расставался с ним...

По дороге, кроме мишкиных мин, встречался шиповник с созревшими плодами. Желая сделать доброе дело и поддержать нагруженного ослика витаминами, для увеличения крейсерской скорости, напарник начал по пути обирать кусты шиповника и на ходу снабжать себя и меня витаминами (за что ему отдельное спасибо), с такой поддержкой идти было веселее.

Но любая дорога рано или поздно заканчивается. Вскоре появились первые полуразрушенные дома посёлка Нелькоба. Поняв, что преодоление водных

преград закончилось, мы оделись и уже в нормальном виде вышли к трассе.

Тут нас ждал очередной противоречивый подарок судьбы. У въезда в бывший посёлок стоял УРАЛ, порывивая дизелем... Упустить такую возможность было бы глупо, эта машина идеально подходила нам в качестве спасателя, и Юра пошёл на переговоры с водителем, тем временем я собрал дрова, запалил костёр и поставил чайник.

Вода только закипала, когда хмурый капитан вернулся с переговоров.

– И?

– Он занят, ждёт трал, так что помогать не будет.

– Там суеты на полчаса, в крайнем случае и заплатим...

– Да ему всё равно, он трал ждёт.

– Не колымчанин?

– Он с Якутии...

– Ну тогда и бог с ним!

Что ж ты за зверь такой – колымчанин?

Наверное, то, о чём я сейчас буду писать, для многих покажется сказкой, для других – полным идиотизмом, ещё для части – наивным бредом и поводом для насмешек. А кому-то будет просто обидно... Мой совет – не принимайте близко к сердцу, отнеситесь абстрактно – дышать будет проще и думать не нужно... Ведь во многих из вас даже вины нет – вам это не показали и не привили родители или это не ваше. Ведь колымчанин внутри тебя либо есть, либо нет и ты приезжий, так, сезонный... А какой с приезжего спрос?

Помните, что было

время, когда нельзя было проехать мимо голосующего на трассе? Или проехать мимо стоящей машины и не спросить, что случилось? Причём хоть зимой, хоть летом. Ну принято было так у колымчан – помоги ближнему на трассе, и шло это не из Писания, а из своих колымских законов – строгих, но справедливых, писанных не пером по бумаге, а жизнями людей. Это на трассе.

А если ты в лесу встретил горемыку и не поделился с ним необходимым, не помог – да не дай бог об этом узнают твои друзья и знакомые, ты сразу станешь изгоем для Колымы и её обитателей, станешь приезжим. И никакие добрые поступки или деньги уже не искупят клейма этих простых слов – не колымчанин...

Скажите теперь, что это всё в прошлом, что ушло вместе с СССР, умерло вместе с областью. Что теперь капитализм и Россия, а здесь закон другой – человек человеку – волк; и нету прока в том, чтобы вспоминать былое. Это ведь надо будет и машину порой свою остановить и помочь, замарав, не дай бог, руки, или потратить десяток литров топлива, чтобы дотащить сломанную машину до посёлка или поделиться хлебом, себя ущемив... Это в церкви видно, как ты поклоны бьёшь и пожертвования вносишь – дивиденды можно срубить. А какая польза и престиж от помощи на дороге? Заботы одни.

А ведь живя в таком мире и шуме больших городов, привыкаешь, и думаешь, что всё – эпоха колымчан кончилась, канула в лету, остались жить на земле колымской одни понаехавшие, порой даже и родивши-

ся здесь, но понаехавшие...

Но когда в душу приходит безразличие, что-то свыше дарит тебе лучик надежды. Как было в прошлом году в Сеймчане, когда человек, который, нас выручил, оскорбился из-за предложенных денег. А в глазах было написано, куда мы должны применить свои рубли. Ведь нет для колымчанина большего оскорбления, когда ему за его помощь бескорыстную хрусты суют. Западло это.

Да и правила простые были – дали тебе железо на ремонт и доехать до базы и попросили вернуть, подсуетись, приедь и верни. Помогли тебе деньгами – совесть есть, вернешь, потерял ты её или сгинул, бог с этими деньгами...

Много таких людей осталось? Не знаю, но они у меня есть, мой друг Юрий – колымчанин, и причём не на словах. Причём без лишних слов и заявлений... Как помогали парню на Арманской трассе отвинчивать колесо и чинить покрышку, да нас тогда бедолага даже и не тормозил, Юра сам остановился и спросил чем помочь.

Как всеми экипажами машин рыли туннель сквозь метель, чтобы помочь кому-то выйти к берегу. Причём ведь мы тогда могли спокойно в две машины уйти стороной и не участвовать в этих весёлых стартах в течение нескольких часов...

И есть не один десяток таких случаев, что на моей памяти и чему я сам живой свидетель... Их гораздо больше.

Скажите один человек не правило, а пусть и приятное, но всё же исключение? Улыбнись, в моих друзьях колымчан много. Только смысл

перечислять всех и говорить о том, когда и кому они помогли? Есть они, колымчане, живут среди нас. А пока они есть – вера в людей не пропадает.

А колымчанин – это не тот, кто будет осыпать златом любого, кого встретит на дороге или в лесу, не будет тебе предлагать лукуллов пир и все земные блага. Он просто не бросит тебя в беде и даст тебе то, что тебе нужно для выживания, будь то коробок спичек или генератор для машины. Эта простая философия спасла десятки жизней и, думаю, спасёт ещё не одну... Как-то так, простите, если написано коряво, не все мысли бумага и буквы могут передать.

Эпилог

Мы попили кофе, перекусили, отдохнули... Где-то через полчаса действительно тягач притащил трал и УРАЛ убыл вместе с ним, мы переглянулись – да и чёрт с ним. Забыл сказать, что сотовой связи на Нелькобе нет, и теперь нам предстояло путешествие в сторону Усть-Омчуга по трассе, до ближайшего узла связи, где можно было бы позвонить, успокоить родных и искать помощь для спасения машины. Нас ждал путь примерно в 20–30 километров.

Так закончилась наша спокойная робинзонада и отдых, начинались суровые реалии жизни со своими проблемами и суетой...

Огромная признательность и благодарность моему другу, Юрию Филиповскому, за это путешествие и за то, что он есть. Спасибо, дружище!

Варвара КОРЯКИНА

ЗАБЫТАЯ ЛЕГЕНДА

В закоулках моей памяти, в её неведомых глубинах хранятся много легенд и преданий, услышанных в далёком детстве. Едва различимые смутные образы и события глубокой старины порой всплывают с такой яркостью, что моё сознание удивляется этим гостям из непрожитого мной прошлого, пришедшим сквозь время и пространство. И тогда я будто наяву слышу спокойный, красивый бархатный голос отца, с едва уловимым кылысахом, вижу глубокие, посветлевшие от времени, его ласковые глаза, излучающие тепло и мудрость. Мерещится счастливый смех мамы, её лучезарная улыбка, в руке чувствую тепло её шершавых ладоней...

И снова я становлюсь маленькой девочкой, жадно внимающей каждому отцовскому слову, ловящей миг чуда, когда повествование раскрывает целые миры, переносит в другую эпоху, в другое время и измерение. Моя душа снова отправляется на «машине времени», которая называется памятью, в прошлое...

Тогда была осень. Дивная золотая пора. Пожелтевшие листья и хвоя были яркие, совсем

золотые, не осыпались ещё, укрывая землю шуршащим ковром. Мама, отец и я пошли в лес за спелой, наливной брусникой, которая сверкала в лучах солнца подобно тёмному, неограниченному, гранату. В лесу была необыкновенная тишина. И такая тишина манила меня, в ней, мне тогда казалось, таилась какая-то тайна, влекущая и чарующая.

Шли по узкой лесной тропинке, испещрённой бугорками обнажившихся корней старых деревьев. Навстречу к нам шёл наш старый знакомый – старик Филиппов.

В деревне все так и звали этого удивительного старца «Билиикэп огонньор» – старик Филиппов. Он был частым гостем в нашем доме. Когда ещё была жива бабушка, старик приходил к ней то за советами, то они вместе прогнозировали погоду, бабушка помнила дни всех церковных праздников, знала все лунные и солнечные циклы. Мне казалось, что они говорили о каких-то неведомых мирах. Часто слышала, что Полярная звезда – Чолбон – как-то встала, и надо ждать холодов.

Иногда Плеяды – Юргэл сулус – сияли как-то поособому, значит, весна будет затяжная. Порой на Млечный путь – Халлаан Уолун хайысарын суола – легли какие-то тени, и это к долгой тёплой осени. Бабушка и старик Филиппов казались мне волшебниками, ведающими тайнами мироздания, и управляющими Вселенной.

У старика было светлое одухотворённое лицо, высокий лоб, пронзительные, но мягкие и добрые, глаза, редкие седые волосы, жидкая белая борода. Именно таким я представляла сказочного Сээркээн Сэсэнэ. Говорил он, смягчая слова, слегка картавя.

Мы остановились, обменялись приветствиями со стариком Филипповым. На нём была белая косынка, завязанная на подбородке, поверх неё был надет картуз. Так он ходил летом и ранней осенью. И я всегда удивлялась, почему он, как старушка, ходит в платке.

Мы с мамой отошли и стали собирать ягоду. Я краешком уха слышала разговор отца и старика.

Отец спросил:

– Хайа, догор, с местности Сууртаах идёшь?

– Ээ. Оттуда-оттуда, с родных мест иду, – отвечал старец.

– В тех местах побывал? – снова спросил отец.

– Побывал-побывал. И на острове был...

– Вещи старика так же стоят?

– Стоят, стоят, все чин чином...

Потом они о чём-то тихо стали переговариваться. Я только расслышала слово «Усун ойуун». Вскоре отец присоединился к нам.

Я тихо, почти шёпотом спросила у отца:

– Кто такой Усун ойуун?

– О, это долгая история, но так и быть, расскажу. А ты собирай ягоду и слушай, – ласково ответил отец, затем, погладив меня по голове, добавил: – Почему ты, девочка моя, так интересуешься легендами о воинах-хосунах, об ойуунах-шаманах и о былых временах? Обычно мальчишки любят историю и предания бранных лет.

– Расскажи, расскажи, мне не терпится узнать об этом загадочном ойууне, – стала я торопить отца.

Он начал неторопливый рассказ. Вокруг всё затихло и замерло. Будто весь мир окупнулся в удивительную повесть о былых временах:

«Это было давным-давно, на закате бранных лет, на исходе времён кыргыс. Тогда могущественный правитель народа саха Дыгын был уже в преклонном возрасте. И был у Дыгына младший брат, звали его Суордаайы, с рождения ему была уготована особая участь – стать великим и могущественным ойууном. Как шаман он с момента зачатия был отмечен и крещён в седьмых небесах, где властвовало Божество Улуу Суорун – Великий Ворон. Родился он от четвёртой младшей жены отца Дыгына – Мунньан Дархана. Мать Усун ойууна тоже была непростая, знала секреты трав и движение звёзд на небе, её привёз откуда-то издалека Мунньан Дархан, когда она была ещё несмышлёной маленькой девчушкой. А когда выросла и превратилась в необыкновенную красавицу, престарелый Мунньан взял её в жёны и родился у них особенный мальчик. После смерти отца Дыгын воспитал своего маленького брата как сына. За очень высокий и статный рост народ величал молодого шамана Усун ойуун – Высокий шаман. И обладал Усун ойуун красивой пышной, источающей божественную благодать, речью. Много великих ысыахов долины Туймаады благославлял Усун ойуун, много благодати ниспослали Белые Божества, жил тогда род правителей саха в богатстве и изобилии. Могущественная шаманская сила Усун ойууна оберегала его род и родные земли.

Но всему когда-то приходит конец. В северные края прибыли русские казаки, они осваивали дальние земли, собирали у местных жителей пушнину. Построили служивые люди острог, который спустя долгие годы стал городом Якутском.

Начался закат правления великих тыгынидов. Дети, жёны и родные многих предводителей родов саха были взяты заложниками – аманатами в острог, их жизни стали разменной монетой, чтобы сохранить жизнь любимых детей, жён и родных, князья саха были связаны по рукам и ногам. Уважаемым сородичами предводителям родов приходилось закрывать глаза на многие бесчинства пришлых промысловиков и сборщиков ясака, из-за боязни казни родных, ставших аманатами, не могли они встать на защиту своих соплеменников. Ходили князья мрачнее осенних туч. В родах, где честь и достоинство предводителя были важной ценностью, залогом процветания и благополучия рода, князья чувствовали себя глубоко униженными и оскорблёнными. Давили в себе гнев и злобу некогда величественные тыгыниды, не сумев защитить своих сородичей и родных от жестоких посягательств пришлых. Порой правители собирали ценную пушнину и соболя, чтобы выкупить родных. Выкупали очень дорогой ценой, а им выдавали искалеченных, которые вскоре умирали. Лютовал воевода. Не выдержали лучшие люди тех времён.

Призвал тогда мудрый и отважный Усун ойуун предводителей почти всех родов саха к восстанию. Ранней весной началась кровавая битва.

Воеводе острога подоспела подмога и мятеж был подавлен, страшной смертью казнили мятежников. Как спасся от гибели Усун ойуун доподлин-

но неизвестно, по-разному рассказывают старинные предания. Говорят, что он шаманскими уловками избежал виселицы, трижды вешали его, трижды верёвка оборвалась. На четвёртый раз повесили ойууна на железный острый крюк за грудину, проткнув кожу, долго на ветру качался шаман, истекая кровью. На третий день казни, закричал он голосом ворона и исчез. А вместо ойууна висело на крюке бездыханное тело сына одного из служивых людей. Испугались казаки не на шутку. Исчез Усун ойуун, будто сквозь землю провалился или улетел в небеса.

Как и все искатели свободы и счастья, по преданиям, могущественный шаман скрылся в благодатных и глухих краях Вилюя. Обосновался близ берегов таинственной реки Тюнг.

Жители деревень, расположенных близ реки Тюнг, сохранили удивительное предание о таинственном ойууне – брате могущественного Дыгына, обманувшем смерть, который превратившись в тень, преодолел время и пространство. Молодой Усун ойуун оказался на берегу большого озера, имеющего посередине лесистый остров, и поселился на том острове в виде невидимого духа.

Недалеко от озера жила прекрасная тунгусская удаган Дьукайа. Почуяла что-то неладное юная дева, кто-то невидимый стал наблюдать за ней, будто кто-то незримый ласково звал её. Зажгла тогда ритуальный костёр молодая удаган, начала камлать и петь своим красивым грудным голосом, в котором нашли отражение все переливы звуков мира. Её луноликий бубен гремел подобно раскатам грома, могучая дробь, сопровождаемая серебряным звоном её шаманских подвесок, доносилась до самых небес. Обратилась Дьукайа к своим духам-помощникам, принесли помощники странную весть. Мать зверь удаган дала понять, что поблизости появился могущественный ойуун саха. Засиял лик прекрасной девы особым светом, вскинула свои глубокие, как омут, дивные, мерцающие подобно звёздам, глаза в небеса, запела песнь задушевную, древнюю и магическую, зазвенели звонкие струны её чистой души. И закружился над сакральным огнём огромный ворон, крыльями закрывая полнеба. Спустился с небес ворон и превратился в статного молодого шамана, облачённого в ритуальную одежду из шкуры медведя. Подошёл ойуун к красавице удаган, заглянул в её чарующие колдовские глаза. Взяла юная дева его за руку и отпрянула. Затем промолвила:

– О, какой ты холодный. Не осталось у тебя жизненной силы, отошли твои две души в иные миры.

– Да, красавица, я почти мёртв, могу обрести своё обличье только после заката, при свете дня я – невидим, под яркими лучами Небесного Божественного Светила – я мёртв, – ответил ей молодой ойуун.

Долго сидели у костра ойуун и удаган, слушала дева рассказ Усуна ойууна. Запал в душу прекрасной девушки этот красивый и могучий шаман. Полюбила юная Дьукайа его сильный и могучий дух – салгын кут – воздушную душу, способную вознестись до двенадцати небес мироздания.

В течение нескольких месяцев камлала тунгусская удаган, много миров обошла она. Вернула прекрасная Дьукайа два утраченных кут – две души Усуна ойууна: земляную душу – буор кут, материн-

скую душу – ийэ кут. Тогда загадочный странник ойуун навсегда обрёл человеческий облик и женился на красавице удаган. Соединили свои судьбы великий ойуун и могущественная удаган, и пошёл от них загадочный род вилюйских ойуунов и удаганов, отличавшихся благородной внешностью, благостью нравов, глубокой мудростью, обладающих красивой и пышной, источающей небесную благодать, речью, таящих неведомый огонь в глубине мягкого, но острого пронзительного взора», – закончил своё долгое повествование отец.

Я была заморожена легендой минувших веков, красотой и силой людей тех времён.

– Значит, озеро, возле которого мы сейчас собираем ягоду, носит имя той прекрасной удаган? – удивлённо спросила я.

– Возможно, – произнёс отец и загадочно улыбнулся.

– А там, на том острове, где побывал старик Филиппов, хранятся вещи Усуна ойууна? – полюбопытствовала я.

– Нет, не его, но, возможно, его далёкого потомка, и нашего предка по моей матери, – ответил отец.

– Значит, легендарный Усун ойуун – мой предок? – не унималась я.

– Возможно, девочка моя, – отец снова погладил меня по голове, с особой теплотой взглянул:

– Какая ты у меня забавная и смышлёная.

А я смотрела на бездонное, бескрайнее и высокое, голубое-голубое, яркое осеннее небо, и будто видела, как парит невесомо в воздухе могучий ворон.

г. НЕРЮНГРИ,
Республика Саха (Якутия)

ВЕЛЬБОТЫ

Сергей СУЩАНСКИЙ

УХОДЯТ В МОРЕ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАЛЬГИРГИН
(14.06.1939 – 06.02.1978 гг.)

Человек драматической судьбы, чукотский поэт, член Союза писателей СССР (1970), Михаил Вальгиргин родился и учился в чукотском селе Уэлькаль на южном берегу залива Креста. Вся его короткая жизнь прошла здесь, отсюда он видел свою Чукотку, отсюда его песня улетела далеко за её пределы.

После окончания школы торговых кадров, работал заготовителем пушнины. В тундре М.Вальгиргин попал в жестокую пургу, после чего ступни обеих ног были ампутированы... Путь, который он избрал для себя, оказался закрытым, но это не значило, что в жизни нет других дорог. И Вальгиргин становится стрелком-охотником морской зверобойной бригады. Но это летом, а зимой Михаил стал писать стихи.

Стихи М. Вальгиргина с 60-х гг. прошлого века печатались как проявления волонтерства в сфере литературы и культуры и региональных журналов, многих коллективных сборников, изданных в Москве, Ленинграде и Магадане. Его поэзия – это красота человеческого труда, горячая любовь к родному краю, раздумья о жизни и любви, о новой судьбе Чукотки.

Тяжёлая болезнь рано оборвала его жизнь – в 1978 году М.Вальгиргин умер. Похоронен в с. Уэлькаль.

Рисунок А. Пчёлкина

На протяжении многих лет Анатолий Пчёлкин вёл переписку с М.Вальгиргиным и в сборниках своих стихов публиковал переводы произведений чукотского поэта. В архиве Магаданского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (МРО ООО «СП России») хранится объёмная переписка М.Вальгиргина с А.Пчёлкиным, документы Магаданского книжного издательства, рукописи стихов и подстрочники Михаила, а также черновые наброски переводов, сделанных А.Пчёлкиным.

Я предлагаю читателям познакомиться с малой толикой найденных материалов.

Здравствуй, Анатолий!

Наконец-то получил твоё письмо. Ох, и сколько же я его ждал! Большое спасибо за письмо и за подстрочники, особенно за хорошие и точные подстрочники. Ты понимаешь, эти переводы в два или даже в три раза стали лучше, чем те, первые. Их я сравнивал с оригиналами и просто был здорово восхищён. Тут уж никакой чёрт не придерётся. В этом я полностью уверен. В дальнейшем тебе, старина, желаю такого же успеха!

Сообщу немного о себе. Живу хорошо, здоровье нормальное. Сейчас потихонечку подготавливаю вторую рукопись стихов. Тут же сразу делаю и подстрочники, пока есть свободное время. Одновременно сейчас готовлюсь к охоте. С этой рукописи, т.е. с новых стихов, посылаю тебе 15 подстрочников для перевода. Хотелось бы больше послать, но, подумав, ограничился этим. И так у тебя, наверное, свободного времени будет летом мало. Если ещё надо будет – черкни и я вышлю. Зря я тогда не послал тебе подстрочники. Надеюсь, что их пошлёт тебе Ермошина. (Об этом она ещё сама писала.) Видишь ли, мой рукопис¹ задержался на рецензии у Ю.С. Рытхэу из-за поездки в Канаду. Два месяца тому назад от Лившица² получил письмо, в котором он писал, что книга вот-вот выйдет³, и что переводы будут делать после выхода в свет книги. Сейчас от них пока ничего не получаю.

С последних твоих переводов в редакцию «Сов. Чукотка» посылаю два стихотворения: «Зимняя ночь – хороша влюблённым...» и «Сердце стало радостнее биться».

Знаешь, Анатолий, твою вторую книжку⁴ я ещё, к сожалению, не видал. Если будет возможность, обязательно вышли. Она к нам ещё не пришла. Поздравляю тебя от всей души и от всего сердца с выходом второй поэтической книжки и желаю ещё больших успехов в творчестве и крепкого здоровья!

На этом пока заканчиваю писать. Желаю всего доброго. Пиши, старина. Жду письмо и книжку. Крепко жму руку.

**С приветом – М. Вальгиргин.
24.03.68 г.**

P.S. Да, чуть не забыл. Получил фото. Неужели только такие получились? А со шляпой⁵ не полу-

Михаил Вальгиргин.
Фото А. Пчёлкина

чилишь? Если нет, то очень жаль. Но хоть такие получились – и то хлеб. Большое спасибо за фото. Ну, пока.

Добрый день, Анатолий!

Наконец-то получил письмо – большое спасибо. посылаю тебе 8 (восемь) подстрочников, столько же посылаю В. Сергееву⁶ через С. Лившица. Кажется, я тебе, Толя, нагрузил свои подстрочниками. Одному только тебе послал больше 20-ти подстрочников. Последний раз я отправил тебе 15 подстрочников. Кстати, получил ли ты их? Если получил, то сделал ли хоть два-три перевода? Знаешь, Толя, я так с нетерпением жду от тебя новых переводов! Если бы ты только знал! Я тебя очень и очень прошу, если будут подстрочники, посылай их, пожалуйста, или же отдавай в газету, чтобы я мог их читать.

Ты не в курсе дела, когда думают выпустить книжку на русском языке? Если что-нибудь предвидится, обязательно сообщи. Ладно?

Немного о себе. Живу хорошо. Здоровье нормальное. Охота на морзверя кончилась и опять сачкую до весны – «вельбот сушу». Правда, потихонечку пишу. Уже закончил рукопись для второй книжки, и даже подстрочники сделал. Оттуда же подстрочники посылаю и посылаю тебе. Туда включил 46 стих., больше чем на 10 первой книжки. Правда, Лившицу я ещё не писал об этом. Днями напишу. Посмотрим, что он скажет. И ещё, сейчас я привожу в порядок сказки, рассказы и коротенькие рассказыки наподо-

¹ – так в письме.

² – Семён Ефимович Лившиц. Я попытался определить, какую должность он занимал на дату написания письма – 24.03.68 г. В справочнике «Календарь дат и событий по Магаданской области на 2014 год» (Магадан, 2013) периоды не указаны, просто перечислены места работы: «...был главным редактором Магаданского... книжного издательства, альманаха «На Севере Дальнем», ответственным секретарём областного отделения Союза писателей». Из других источников известно, что в период 1966-69 гг. С.Лившиц являлся ответственным секретарём Магаданской писательской организации. Выходит, С.Лившиц совмещал две должности? Книга поэта «Интервью с самим собой», вышедшая в Магадане в 2004 году, ясности не добавляет...

³ – первый сборник стихов М.Вальгиргина «Здравствуй, светлая жизнь» издан в Магадане в 1968 г.

⁴ – в сборник стихов «От Виллинга до Нольда...» (Магадан, 1967) А.Пчёлкин включил переводы стихотворений М. Вальгиргина.

⁵ – к моему большому огорчению, этих фотографий Вальгиргина я не обнаружил...

⁶ – Владимир Андреевич Сергеев (31.05.1930 – 1994) поэт, член Союза писателей СССР (1960 г.). Вместе с Б.Некрасовым, В.Кеулькутом, В.Португаловым и Г.Остапенко В.Сергеев участвовал в создании Магаданской писательской организации. Много работал над переводами стихов Ю.Анко, В.Кеулькута, А.Кымытваль, М.Вальгиргина. А.Пчёлкин называл В.Сергеева «одним из первых представителей и зачинателей магаданской школы перевода с языков народностей Севера».

бие чук. анекдота, которые я собирал в течение нескольких лет. В общем, как раз на книжку, даже с избытком. Вот такие-то дела, дорогой Анатолий.

Как у тебя старательские⁷ дела идут? Готовишь ли ты что-нибудь? Какие новости в Магадане? Толя, если будешь куда-нибудь собираться, напиши обязательно.

На этом пока всё. Желаю тебе всего доброго и наилучшего. Желаю больших успехов на литературном поприще. Крепко жму руку.

С творческим прив. М. Вальгиргин.
29.11.68 г.

Добрый день, Анатолий!

Наконец-то получил от тебя письмо – большое-большое спасибо! Получил, также, и переводы. За хорошие переводы тоже спасибо! Честно говоря, они намного, и даже очень много, лучше первых переводов. Уверен, что никто не будет осуждать переводчика за хорошие переводы, а наоборот...

Скажу тебе, Толик, по секрету:

очень многим, особенно юношам и девушкам, нравятся стихи как на чукотском, так и на русском (в твоём переводе).

И они мне пишут, что в каждом номере газеты ищут наши стихи. Вот и сейчас, как только их получил, в первую очередь их посылаю в «Совчукотку», чтобы читатели не подумали, что я, мол, бросил писать стихи⁸. Ты прав, Толик, что мне трудно-то приходится писать стихи в отрыве от литературного мира. Но ничего пока не поделаешь. Благодаря твоим добрым письмам и советам, также письмам С.Е. Лившица, буду стараться, как бы плохо мне ни было, ещё лучше писать. Но вот только здоровье моё начинает шалить. Днями, думаю, поехать на медосмотр. Кстати, меня вызывают в Анадырь на семинар радиоорганизаторов. Попутно как раз и зайду в больницу. А к лету надо опять собираться в Хабаровск на протезирование. Вот такие дела, Толик.

Знаешь, Толя, если будут у тебя новые переводы, то посылай их мне, хоть по два-три шт., для публикации в газете. Или же сам отдай в газеты «Магаданская правда» или «Магаданский комсомолец». <...> А то, что по Магаданскому

радио будут передавать мои стихи, то буду очень рад их услышать. Действуй, Толик, по своему усмотрению.

Знаешь, Толик, я закончил рукопись для второй книжки⁹ и уже отправил по просьбе С.Е. Лившица в издательство с подстрочниками. Включил туда 45, на мой взгляд, лучших стихов. Сейчас тебе пока ничего не посылаю, и так сейчас без этого много работы у тебя. Кстати, у С.Е. Лившица сейчас находятся (из первой книжки) около ста подстрочников. Если будет тебе надо, бери прямо у него. Но всё равно, буду тебе посылать в скором времени новые подстрочники. Так что, чуть-чуть поотдохну, и завалю тебя подстрочниками.

На этом пока заканчиваю писать. Почаще пиши письма для поднятия духа, да и шли переводы.

Желаю тебе, дружище, отличного здоровья, бодро настроения и больших творческих успехов!

Пиши, пиши, пиши... Крепко жму руку.

С искр. уваж. Твой – М. Вальгиргин.
6.02.69

Добрый день, Михаил!

Вот и вернулся я из столицы, с 5-го Всесоюзного совещания молодых. Рассказывать о нём можно было бы много, но в письме это сделать трудно и лучше, если подробности мы отложим до разговора при встрече.

Если же в двух словах, то издательство «Советский писатель» предложило мне подготовить для них сборник твоих стихов¹⁰, которому они обещают «зелёную улицу». Видимо, к осени я постараюсь выполнить этот заказ.

Тем временем выйдет твоя русская книжка в Магаданском издательстве. Некоторые стихи переводит Владимир Сергеев, часть стихов для этого сборника – у меня.

Вот сегодня «Магаданский комсомолец» дал три твоих стихотворения, которые я перевёл с большим удовольствием. Буду рад, если они тебе понравятся.

Подстрочников твоих у меня сейчас много, но если будут новые – высылай непременно, для московской книжки понадобится много стихов.

Рисунок
А. Пчёлкина

⁷ – в июле 1967 года А.Пчёлкин устроился на работу в старательскую артель «Спутник» на прииске Бурхала.

⁸ – в библиографическом справочнике «Писатели Чукотки. Выпуск 1» (Анадырь, 1993) сведения о публикациях в газете «Советская Чукотка» почему-то отсутствуют. Однако В.Огрызко в книге «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока» (Библиографический справочник. Часть 1. М., Концерн «Литературная Россия», 1998) такие сведения приводит.

⁹ – вторая книга поэта – «Вельботы уходят в море» – вышла в Магаданском книжном издательстве в 1970 году.

¹⁰ – издательство «Советский писатель» может быть, и готовило сборник стихов М.Вальгиргина, но выпустить – не выпустило.

Но, обрати внимание на некоторые изменения, отступления от оригинала, которые я был вынужден сделать. Избегай созерцательности, описательности без мысли и настроения. Старайся вводить в стихи интересную мысль, остроту, напряжение. И в тех стихах, которые уже переведены мной, если это возможно и насколько возможно – внеси коррективы и пришли исправленные подстрочники.

Дня через три я выезжаю в Анадырь, и ближайшие два года буду работать там собкором «Магаданского комсомольца» по Восточной Чукотке. Одну из первых командировок думаю выписать в Уэлькаль. В середине июня? Может быть. Когда там у вас начинается морзвербойный промысел?

Пиши не спеша, но регулярно.
Всего тебе доброго!
Обнимаю дружески.

С наступающими праздниками! Анатолий.
19.04.69 г.
г. Магадан

Дорогой Анатолий!

Получил ли ты очерк и 7 подстрочников, которые посылаю чуть-чуть вперёд очерка? Сейчас посылаю 6 (шесть) подстрочников с оригиналами на чук. яз.

Позвонил ли ты в собес на счёт меня? Готов я хоть сейчас ехать в Хабаровск – жду только вызова с собеса.

Желаю тебе всего доброгo и наилучшего.

С горячим приветом – М. Вальгиргин.
28.03.70 г.

Добрый день, старик!

Посылаю тебе новые подстрочники, которые я обещал послать. Другие, как только появятся – сразу же вышлю. Пришли мне, пожалуйста, новые переводы. Те переводы, которые ты прислал, я уже отправил в «Совчукотку» и их уже опубликовали. Теперь они просят уже новых.

Теперь о нерпичьих шкурах. Оказывается, сейчас их достать – проблема. Дело в том, что в совхозном складе их уже нет, но будут. Так и сказал мне управляющий совхозом. Начали уже охоту на нерп, и добытые морзвери будут сдаваться на совхозный склад. А с рук у самих охотников сейчас можно достать. Есть у некоторых охотников в запасе шкурки. Если бы у меня были деньги или запас «огненной воды», я бы к твоему приезду достал шкурки, тем более, сейчас уже бьют охотники нерп, но ... продают тем, кто на первой «очереди» стоит. Ведь у нас сейчас шкурка нерпы – на вес золота.

В общем, мой тебе совет. Позвони сам управляющему Колпикову Ивану Егоровичу или Дёмину

В.М. на счёт шкурок (тем более, они тебя все знают, некоторые, конечно, заочно).

Уверен, когда прилетишь сам – не откажут тебе.

В общем – прилетай сам (хоть в марте-апреле месяце), тогда хоть десяток шкурок можно будет достать.

Но я всё равно позвоню, когда что-нибудь появится на горизонте.

На этом пока всё. Желаю тебе всего доброгo и наилучшего.

Желаю творческих успехов.

Да встречи у нас – в Уэлькале.

С уваж. – Вальгиргин.
02.02.72 г.

Дорогой Анатолий!

Во-первых, огромное тебе спасибо за переводы, а особенно за книгу с автографом.¹¹ Во-вторых, посылаю тебе 12 шт. непереверённых подстрочников. В-третьих, сообщаю, что я собираюсь опять в Анадырь на обследование в окр. тубдиспансер. У меня в лёгких что-то обнаружили, и поэтому сейчас меня торопят. Но я поеду туда после дня своего рождения (14 июня), где-то в 20-х числах. Поэтому я очень тебя прошу, если переведёшь ты их раньше 20-го, то вышли в Уэлькаль, а если нет, то жди с Анадыря от меня весточку. И ещё: не знаю, как писать заявление о приёме в члены Союза писателей и кому, т.е. на чьё имя. Как мне хочется узнать о судьбе московской книжки. Очень и очень сожалею о том, что не смог выполнить твою просьбу. Как назло (хоть и охота на морзверя началась ещё 9 мая) нерп совсем не бьют. Но летом можно будет их достать, тем более охота будет в полном разгаре.

Твоя книга уэлькальцам очень понравилась, особенно моим товарищам. Кто бы ни зашёл – просит почитать её. Разумеется, я не отказываю им, но даю только на один день.

Анатолий, напиши, пожалуйста, мне что-нибудь из Москвы.

На этом заканчиваю писать. Желаю тебе всего доброгo и наилучшего. А тау, тумгытум!

С уваж. – Михаил.
25.05.72 г.

Уважаемая Людмила Никифоровна¹²!

Высылаю рукопись детской книжки Вальгиргина и подборку новых переводов из неё (для альманаха). Подборка, правда, открывается переводом, который уже прошёл в моём сборнике, но я, всё же, считаю его одним из наиболее удачных и выгодных для номера столь тематического. Впрочем, судите сами.

О книжке. В ней явно два возраста, причём новые

¹¹ – очевидно, это сборник стихов «Свет снега» (Магадан, 1972). В сборнике опубликованы четыре стихотворения М. Вальгиргина в переводах А. Пчёлкина.

¹² – Людмила Никифоровна Стебакова (21.03.1923 – 1990), в период с 1969 по 1975 год была главным редактором Магаданского книжного издательства.

переводы – для более маленьких ребяташек, а стихи уже печатавшиеся в сборнике «Вельботы уходят в море», пожалуй, для ребят постарше. Мне нравятся и те, и другие, поэтому я не стал разбивать их. Две книжки ведь всё равно не получится, а лишать одну тех или других (стихов) – сил моих нету. Пусть уж это сделает трезвая и беспристрастная рука будущего рецензента.

Если рукопись эту Вы не намерены рецензировать в Москве, то в Магадане о ней вполне бы мог высказаться Вл. Леонтьев, если же Москва неизбежна – выдумывайте рецензентов сами, знакомых специалистов по «этой возрастной категории» у меня нет.

О своих стихах для альманаха я покамест не думал. Разберусь, объявятся, – вышлю.

**Всего доброго! С Уважением – Анатолий.
15.06.72 г.**

23 июня 1972 г.

Ув. А.А.!

Рукопись «**Весёлое лежбище**» и подборку стихов М.Вальгиргина для альманаха получили. Почитаем, рассмотрим, обсудим. О рецензенте подумаем. Рецензировать теперь абсолютно необходимо.

Кстати, мы ведь ждём рецензию на В.Сергеева. Где же она? У нас вот-вот должна быть ревьюзия.

А ещё хочется уже скорее прочитать печатные высказывания про «**Свет снега**» – каждую газету развёртываю с надеждой...

Новостей особых нет.

Привет от всех издателей. Л.Стебакова.

29 сентября 1972 г. Исх. № 650

**686810, п. Эгвекино, Магаданской обл.,
ул. Пролетарская, 1, кв. 28
ПЧЁЛКИНУ А.А.**

Уважаемый Анатолий Александрович!

Изыскиваем возможность опубликовать часть стихов М.Вальгиргина «**Весёлое лежбище**» в 1973 году. О решении директивных органов Вам сообщим.

С добрым пожеланием

Директор издательства – П.Морозов.

**Редакторское заключение на
стихотворную рукопись**

М.В. Вальгиргина

**«Весёлое лежбище» в переводе поэта
Анатолия Пчёлкина.**

Рукопись стихов М.Вальгиргина «**Весёлое лежбище**» состоит из 14 стихотворений. <...> На мой взгляд, и тематически, и идейно-художественно подборка этих стихов имеет право быть детской книжкой. В самобытной, свежей манере автор и переводчик рассказывают детям о неповторимой северной природе, о зве-

рятах-северятах, о детях Чукотки, их заботах и занятиях.

Одобрив в целом рукопись-перевод А.Пчёлкина, хочу, однако, отметить, что автор порой, в ущерб смыслу, увлекается так называемыми «лесенками»: разбивает строки на составные элементы, добиваясь звукового эффекта. Это и не было бы недостатком, будь то стихи для взрослых. Но это стихи для детей. При всём том это очень легко и безболезненно можно поправить, что редактором и проделано.

Далее. В стихотворении «Белёк» строка «горят – как смеются» несколько выбивается из ритма, а строка «прямо к отдушине шагает» звучит как-то неуклюже.

В стихотворении «Чайка», думается, можно обойтись без последней строфы:

*И не понимает,
что среди камней
крик её стихает
с каждым днём больней.*

Строфа эта хороша, но, опять-таки, для взрослых, а дети могут её не понять.

По той же самой причине в стихотворении «После первого снега» можно обойтись без строк:

*В жизни этой каждый зайчик
Должен выстрадать себя.*

В стихотворении «Трусишка-хвостунишка» не совсем понятна строчка:

Редко – тройки, да и те...

Вот и все замечания.

А книжка видится доброй и интересной.

Такого же мнения придерживаются член Союза писателей СССР В.В. Леонтьев, ознакомившийся с рукописью, и М.П. Легков, редактор-переводчик Магаданского книжного издательства.

**Ведущий редактор – В.Першин.
02.02.73 г.**

9 апреля 1973 г. Исх. № 244

**Магаданская область
Иультинский р-н, пос. Эгвекино
ул. Пролетарская, 1
ПЧЁЛКИНУ А. А.**

Здравствуй, Толя!

Извини, пожалуйста, что <...> не сразу собрал тебе ответ: то оперативные, неотложные дела, то болел долго.

В общем, ты уже в курсе дела. 2 февраля П.Г. Морозов, исполнявший обязанности главного редактора и работавший над уточнением тематического плана, предложил посмотреть рукопись твоих переводов стихов Вальгиргина, вместо отложенного на время коллективного сборника чукотских поэтов «0 Севере песня моя». Я посмотрел, сделал короткое редакторское заключение, из которого ясно, что рукопись эта видит-

ся доброй детской книжкой, и работа редактора над текстом сводится к минимуму: кое-где выровнять «лесенки», кое-где подправить строки.

На другой же день второй экземпляр рукописи был отдан на оформление молодому, способному художнику Н.Цирценсу¹³, он «зажётся» текстом и стал работать (попросил месяц).

Мы решили, покуда суд да дело, заслать в набор русский текст «Весёлого лежбища» (1.5 авторских листа). Чукотский текст одновременно не могли заслать, потому что М.Вальгиргин ещё не подослал часть чукотских оригиналов. Короче, 8 февраля 14 стихотворений Вальгиргина–Пчёлкина ушли в набор.

Цирценс приносил в издательство эскизы рисунков. На мой взгляд, получается неплохо.

Сейчас мы ждём готовых рисунков, ждём набор.

А пока оформляем издательский договор с тобой и с Вальгиргином.

Всего тебе самого хорошего. Привет от всех наших.

Редактор – В.Першин.

Здравствуй, Анатолий!

Спасибо большущее тебе за письмо! Наконец-то дождался его! Ведь ещё в прошлом году я тебе посылал два (одно с подстрочниками) письма, но так ответа не дождался. Подумывал уж я, что ты куда-нибудь уехал. И ещё: по пути в Хабаровск в марте месяце прошлого года хотел заехать в гости к тебе, но мне сказали в издательстве, что ты где-то в командировке. И вот с тех пор я тебе больше не писал. Извини, конечно, старик. Парень ещё молодой – исправлюсь. Честно говоря, никому я вообще (даже в кн. изд.) не писал, кроме Антонины Кымытваль. Но от Антонины ничегошеньки нет, не смотря на то, что я ей отправил больше десяти писем и телеграмм с просьбой, чтобы она мне отправила рукопись моих стихов (на чукотск. яз.). <...> Что с ней, и что с моей рукописью она сделала, не знаю! Анатолий, при случае напомни, пожалуйста, об этом ей, Антонине. Быть может она хоть тебе ответит поконкретнее, чем мне. Итак, ещё одна рукопись моих стихов «Песня восхода Солнца» потерялась в издательстве¹⁴, а вернее в писательской организации при Ю. Васильеве¹⁵ ещё в 1970 году. Тоже на неоднократные мои просьбы отвечают, что не нашли. Вот такие вот пироги, старик. Теперь не знаю, кому верить. Итак, сейчас я очень редко пишу: мешают работать систематические головные боли, да частенько стал хандрить. А тут ещё готовые рукописи теряются. Обидно просто, и очень сильно. Ну ладно, об этом хватит. Как говорится, слезами горю не поможешь.

Анатолий, посылаю тебе 7 подстрочников (3 – новых, и 4 – старых, непереверённых ещё

никем). Кстати, старые стихи уже напечатаны в коллективном сборнике «О Севере песня моя»¹⁶. Как только их переведёшь, то распоряжайся ими по своему усмотрению. Только обязательно несколько стихов пошли в альманах «На Севере Дальнем» и мне. На этом пока всё.

Желаю тебе всего доброго и наилучшего.

**С уважением – М.Вальгиргин.
27.07.76 г.**

P.S. Да, Анатолий, пора подумать о новой книжке. Я сего же дня начну собирать не опубликованные стихи. Как только их соберу, сразу же пришлю их тебе. Но ты их тоже собери, у тебя должно быть их больше, чем у меня. ... Спасибо тебе, Анатолий, за всё. Извини.

Это последнее письмо М.Вальгиргина, найденное мной.

Среди немногочисленных посланий Зои Ненлюмкиной, адресованных А.А. Пчёлкину, в архиве МРО ООО «СП России» сохранилось письмо от 3 апреля 1978 года. Оно написано через несколько дней после кончины Михаила Вальгиргина и, смею предположить, что его содержание никому, кроме самого Пчёлкина, было неизвестно. Привожу фрагментарно строки из письма З.Ненлюмкиной, касающиеся М. Вальгиргина и его творчества.

ВААЛЬГЫРГЫН¹⁷

Даже отдельно пишу о нём, натын (потому, что) волнуюсь очень!

Не знаю, как ты воспринял просьбу Бирюкова, но у меня, даже от одних строчек о нём – такое волнение! Это так было близко... недавно слишком...!

¹³ – настолько молодой, что В.Першин перепутал имя: Цирценс вообще-то Валерий...

¹⁴ – книжное издательство и писательская организация – это две совершенно разные конторы.

¹⁵ – Юрий Васильев – ответственный секретарь магаданской писательской организации в период с 08.09.1969 по 20.07.1973 г.

¹⁶ – «О Севере песня моя». Сборник стихов чукот. и эскимос. поэтов. Магадан, 1976.

¹⁷ – именно так озаглавила Зоя Ненлюмкина эту часть послания.

Я умышленно не читала даже некролог.

Я отгоняла мысль о том, что он ушёл туда, чтобы поставить там свою точку и, возможно, чтобы даже мы! – продолжали дальше писать о нём.

К сожалению, я с ним не знакома. Не была никогда в Уэлькале. С его стихами познакомилась в педучилище. Как и все поэты, он мне казался сверхчеловеком. От его чайки¹⁸ мне казалось, что внутри у меня появляется какая-то лёгкость, что всё обыденное вокруг становится другим и я, вдруг, понимала, что я пришла в жизнь для счастья! Для необыкновенного чего-то, что это вокруг обыденное – что там! – по сравнению с тем, что появлялось у меня в душе, вернее, даже рождалось при чтении стихов из сборника «Вельботы уходят в море».

Анатолий Пчёлкин, твоя просьба откликнулась такими мыслями:

Он относится к поэтам, которые умеют себя растворить (ни минуты не думая о себе!) с душой, сжечь даже (!) и оставить стих!

А человек, читая потом этот стих, чувствует себя то чаечкой, то ветром, то волной, то снегом. Нежная чёрточка пасмурного дня – она не только грустная, она приподнимающая настроение – она ласковая!

Стихи Ваальгыргына – это еле уловимая, порой, мелодия природы; до того она нежна! До того она трогает самые тоненькие струны человеческого сердца!

Ваальгыргын – это, прежде всего, чукча. Сын своей земли. У него нет примет искусственности, ложно-приобретённости. И поэтому, уважаемые переводчики! (и спасибо Вам!!!), но, когда пытаюсь сделать общеоощутимым, доступным стих его на русском, конечно же! (разве можно всё учесть, разве можно всё перевести так понятным: иногда время поджигает, иногда чего-то другое) – эти ценные зёрнышки остаются на дне – их не ощущает русский читатель! Не ощущают люди!

Ваальгыргын – не просто тонкий наблюдатель. Он – прежде всего! – Человек, сочетающий в себе то нежность, то силу!

А воспринимая его стих, читатель, всегда ли ты ощущал прикосновение слов на себе?

А всегда ли ты думал об авторе?

А задумывался ли о том, что он при этом отдал? Что?!

Он, прежде всего Человек, полностью был Поэтом!

...

Он – это звон снежинки нежной, падающей кружась, тоненько звеня под страшную мелодию старушки-пурги, но побеждающей своей нежностью, красотой!

Он – это солнечный луч золотой, пронзивший синее море и чёрную землю ранним утром!

Он – это птица! Чайка!

И только им двоим – поэту и птице – ведомы радость полёта и горечь падения! ...

Прошу меня простить, если что не так написала. Самое главное – если что не так о Ваальгыргыне!

Судя по его стихам, мне кажется, что он честнейший поэт, который не кроит стихи и не рассчитывает – «хватит или не хватит?» «Что ещё добавить?» не выставляет для блага своих стихов экзотику, ибо он продут ветром, пропитан жиром морзверя, запахом тундровых костров-очагов, и вообще, он – чукча-певец! ...

Пусть им (Ваальгыргыным) написано немного, но это то, что он, возможно, оставил, решил оставить...

«Всякий истинный поэт – явление исключительное. Он суммирует наши чувства, увековечивает аромат своего времени. Лучшие стихи Михаила Вальгиргина – это вехи истории духовной и физической жизни его народа...»

И вдруг в Магадан пришла печальная весть: Вальгиргина не стало. Он умер всего за год до своего сорокалетия...

Три года я не получаю от него писем, не вижу его новых подстрочников. Но открывая старую папку, перебирая исписанные аккуратным почерком странички, ... острее и острее ощущаю, как с годами всё больше волнуясь от прикосновения к его простым, бесхитростным, но полным душевного здоровья и мужества, пронзительным строчкам...»

Так писал о Михаиле Вальгиргине поэт Анатолий Пчёлкин в феврале 1981 года...

¹⁸ – стихотворение М.Вальгиргина «ЧАЙКА» (перевод А.Пчёлкина):

Берег мой всё чаще
навещает – гляньте –
маленькая чайка
в серенькой
кухлянке.

Прилетит,
покружит:
ни души вокруг.
Нет у ней подружек.
Только я –
друг.

Что её тревожит?
Вот сидит у ног,
а сказать не может, –
крохотный щенок.

И не понимает,
что среди камней
крик её стихает
с каждым днём
больней.

Хабир ХАРИСОВ

Красный Чум Таймыра

Пока горит свеча...

– А всё начиналось с Красного чума...

Рита Невелева, директор Дудинского городского Дома культуры, мечтательно задумывается. Пытаюсь представить те далёкие уже годы первых пятилеток, когда зарождались славные традиции культуры на Таймыре. Традиции предшественников-энтузиастов бережно сохранили и преумножили последователи. Ныне Красный Чум Таймыра, Дудинский городской Дом культуры – это одно из старейших культурных заведений города. Визитные карточки Дома культуры – это народный ансамбль песни и танца народов Севера «Хэйро» и Дудинский Камерный театр.

Рита Анатольевна приехала в посёлок Караул в 1989 году после окончания Минусинского училища культуры. В посёлке, на удивление, была замечательно развита самодеятельность, работал хор, в котором пели местные жители и приезжие – учителя, врачи. Рита начала работать в посёлке режиссёром, потом стала директором Дома культуры. Вспоминает как самое светлое те прекрасные годы, наполненные настоящим творчеством. Выезжая по направлению в этот северный посёлок, как и многие, думала: отработаю положенные три года – уеду обратно в Минусинск... Как бы не так! Познакомившись поближе с национальной культурой ненцев, долган, нганасан – загорелась, всё стало очень близко и дорого.

– Я благодарю Бога сегодня, что попала в эти края, – Рита Анатольевна с улыбкой напевает: «Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы теперь...».

– Да Невелева знает нашу культуру лучше, чем многие дол-

ганы! – такой отзыв довелось услышать мне в коридорах ДК от местных жителей. Подобные слова не придумаешь, не организуешь – дорогого стоят!

Молодого энергичного работника, естественно, заметили, пригласили работать в окружной Центр народного творчества, затем в ДК – заместителем директора, а потом и директором.

– У нас же вся семья на культурном поприще, – рассказывает Рита Анатольевна, – мама работала, сестра работает, пле-

оживает в нашей беседе сама история культуры края...

Наступивший год объявлен в России Годом театра. Готовятся праздничные мероприятия, новые постановки. Дудинский Камерный театр два года назад отметил свой 45-летний юбилей. Возраст зрелости, возраст подведения итогов. Дудинский камерный – не профессиональный театр, однако по праву носит звание народного с 1971 года, которое подтверждает каждые 2 года – подтверждает новыми спектаклями, творче-

мянница в сельском ДК – все дни и вечера в клубе. Мы порой смеёмся: «Занимаемся любимым делом, получаем не сравнимое ни с чем удовольствие – а нам за это ещё и деньги платят!». Постоянные выезды – агитбригады, концерты, – что может быть увлекательней!

Рита Анатольевна с удовольствием вспоминает всех, с кем довелось работать, кто внёс свою лепту в развитие родного Дома культуры. Звучат легендарные имена: Александр Васильевич Корюков и Виталий Иванович Целищев, создатели ансамбля «Хэйро», поэтессы Любовь Ненянг и Огдо Аксёнова.

ским отношением к делу. Рита Анатольевна с гордостью вспоминает вехи славного пути театра, людей, стоявших у его колыбели.

Начало театру положил Юрий Иванович Блохин, приехавший в город работать в 1969-м году. Молодой режиссёр подал и воплотил в жизнь идею театрального кружка. Театральный кружок, в котором занимались портовые работники, врачи, учителя – местная интеллигенция – уже через два года, в 1971-м, завоевал звание народного театра юного зрителя.

– Ах, какие это были, несомненно, славные, вдохновенные

времена, какие люди стояли у истоков! Я до сих пор получаю на имя ДК звонки и письма от бывших актёров, ныне пенсионеров, живущих в Красноярске, других городах края. Люди с теплом и любовью вспоминают свой театр, желают нашему Дому культуры успехов, пристально наблюдают за нашей деятельностью.

Целый пласт истории становления театра связан с деятельностью Надежды Николаевны Сысоевой, пришедшей в 1978 году в качестве режиссёра в театр. Камерный Дудинский стал при Надежде Николаевне выездным. Гастролировали в Красноярске, Москве, выезжали в Польшу, где были очень хорошо приняты. Нынешний режиссёр театра Андрей Тарасов трудился при Надежде Сысоевой актёром. Надежда Николаевна сейчас живёт в Норильске.

Большой вклад в развитие театра в разные годы внесли режиссёры Дмитрий Васин, Вера Плешакова, Александр Ларин, Андрей Тарасов. Александр Ларин у нас – заслуженный работник Таймыра в области культуры. Развитие театра не осталось незамеченным – были получены ставки, до того театр был самодеятельным.

– С 2005-го по 2014-й театром руководила Марина Михайловна Петракова, профессиональный режиссёр, – листает по памяти Рита Анатольевна страницы жизни театра. – Театр заметно изменился – стал более дисциплинированным. Марина Михайловна создала студию молодёжного Камерного театра. Успех оглушительный! В 2012-м году Марина Михайловна представила на фестивале «Зеркало» свою молодёжную театральную студию и – сразу Гран-при завоевывает спектакль «Повелитель мух»! Ну, разве это не успех?! В настоящее время Марина Петракова работает в музее. Но смену подготовила достойную – теперь режиссёром театра служит Андрей Тарасов, недавно отметивший полувековой юбилей. Под руководством Андрея Тарасова в 2015 году театр подготовил две постановки. Почти полвека – 47 лет! Театр востребован зрителями!

2016-й год в Дудинке прохо-

дил под знаком театра, замечательно проведён фестиваль «Дудинка театральная», посвящённый 45-летию творческой деятельности Дудинского народного Камерного театра муниципального бюджетного учреждения культуры «Городской Дом культуры» и 350-летию со дня образования города Дудинки. Учредителями являлись комитет культуры, молодёжной политики и спорта администрации города Дудинки. В фестивале участвовали как детские коллективы – детские сады и школы, так и взрослые. Фестиваль – это смотр самодеятельных театральных коллективов Таймырского муниципального и Норильского промышленного районов. Прибыли гости из Норильска, посёлка Караул, приглашённые артисты Минусинского драмтеатра, гости из Санкт-Петербурга. Состоялись все запланированные показы спектаклей, различные мастер-классы. В Дудинке имеются самодеятельные коллективы, которые также приняли участие в фестивале: это «Юниор» из центра детского развития, коллективы детских садов и школы искусств. Приглашались для участия трудовые коллективы предприятий.

– Всколыхнули весь город! – с гордостью утверждает Рита Анатольевна.

– Этапы становления творческого коллектива обычно отображаются в наименованиях. Как это происходило с городским театром?

– Сначала, на заре туманной юности, он назывался просто театральным кружком, потом – ТЮЗ, театр юного зрителя, а с 1995 года называется Камерным. В названии отражены малые формы, то есть постановки камерного характера. Спектакли рассчитаны на небольшое количество зрителей, малый зал – примерно 50 человек. Но случаются и спектакли побольше – например, «Багровый остров» – зал на 300 человек был полон. Пришли взрослые, школьники. В «Багровом острове» Андрея Тарасова заняты до 30 актёров, из них только пятеро – профессиональные артисты, работающие в ДК на ставке. Хотелось бы перечислить всех поимённо. Это

– Марк Осипенко, Евгений Михайлусов, Александр Ларин, работающий с самого основания театра, Владислав Коробицын и Владимир Лобанов, актёр и художник. Все перечисленные – костяк команды режиссёра Андрея Тарасова.

– А как вообще можно стать актёром театра?

– Очень просто! Любой желающий может прийти в кабинет № 15 ДК и стать актёром.

– Играть «кушать подано»?

– А дальнейшее зависит только от вашего таланта! У театра есть постоянные зрители, которые приходят «на актёра» или на спектакль определённый.

– На местные темы спектакли ставите?

– Был у нас такой спектакль – «Огненный суд», пьеса на местную, северную тему. Определённый успех заслуживал. Вообще, если в спектакле заняты актёры, работающие, например, врачами или учителями, – разумеется, на спектакль придёт весь коллектив больницы либо вся школа – посмотреть на своего артиста. Людям всегда интересно творчество знакомого или близкого человека. Наша задача – сохранять и развивать культурные традиции народов Севера. И мы будем заниматься этим в меру сил, вопреки всем временным трудностям. «Пока горит свеча...».

Как обитатели чума всегда собирались вокруг пылающего очага, так и ныне жители района объединяются вокруг современного очага культуры – Красного чума, славного Дома культуры, вот уже более полувека горит в нём неугасимый светоч тепла, добра, человеческого общения. Новых успехов и вдохновения Вам, Рита Анатольевна, и Вашему сплочённому коллективу!

Митингуем?

Ну-ну...

Это что же делается-то на белом свете, господа-товарищи дорогие?! Это что же получается: кругом обман, мошенничество и плутовство?! Какие же это, я извиняюсь, инсинуации? Не-ет, позвольте, я вам сей же час и доказательства приведу.

Вознамерился я, значит, в

прошедшую субботу культурный уровень свой повысить. Нет, вы не подумайте, он у меня вообще-то высокий, ага, но подучиться ещё малёха никому не во вред. Приоделся, значит, во фрак (ну, не во фрак, конечно – так, пиджачок, но почти что ненадёванный), рубаху надел малиновую и – в театр. Знай, мол, наших! А там, в большом фойе, на стенах – вы не поверите – лозунги! Да один другого страшней! Сами посудите: на самом видном месте: «А ты написал явку с повинной?» На другой стене – и того пуще: «Каждому вору – по колючему забору!», на третьей: «Рубль украл у народа – к стенке!» Ей-богу, страшновато стало.

А тут вдруг открывается занавес на малой сцене, что прямо в фойе находится, и – пожалуйста вам, примите и распишитесь: попадаете вы в самый эпицентр самого что ни на есть революционного митинга! Вот тебе и сходил в театр... И Комиссар, или Управдом, или Начальник – наш человек, одним словом – молодой, правда, но решительный такой, речугу толкает: мол, доколе вы, потомки, воровать-то будете?! Видать, к героям повести Шукшина, жуликам 70-х годов, обращается. Не всех, видать, извёл в своё время. Так и вопрошает: доколе?! И откуда прознал-то, чертяка пролетарский? И наганом, как у них водится, и глазом грозно вращает! А помощники его, Комсомолки в кожанках, красных косынках либо будёновках, ещё пуще жути добавляют! И после каждого пламенного лозунга, призывающего покончить с воровством, кричат вдохновенно и слаженно (по недвусмысленной отмашке Комиссара): «Ура, товарищи!»

Ну, думаю, попал! Митинг же, известно, чем кончается – согласные несогласных за грудки хватают, и наоборот, а у меня же пиджак – почти ни разу не надёванный! Ну, всюду обман и плутовство...

Хорошо, третий звонок выручил – народ повалил в большой зал, до драки дело не дошло. Я думал – наконец-то культурное мероприятие начнётся, а началось... Дорожку до вашего сведения, дорогие господа-товари-

щи, что нас опять обманули – началась самая что ни на есть разухабистая пьянка! Да добро бы и зрителю налили, а то сиди, глотай слюнки...

Кузькин и его команда

Оказывается, так по сценарию положено. Спектакль-то – о жуликах периода расцвета застоя (заката советской власти). Василий Макарович Шукшин написал свою повесть для театра в начале 70-ых, с присущим ему талантом обрисовав типы тогдашних мошенников, спекулянтов, так называемых «энергичных людей», умело расхи-

сильно и затейливо пьющих мужчин. Мужчины украшают банальную пьянку «путешествиями» в дальние края, бегая гуськом по квартире. Выглядят очень смешно и органично. Обаятельные, несмотря ни на что, плутоватые мелкие мошенники.

Аристарх Петрович Кузькин, глава всей гоп-компании, не лишён даже некоторой философичности и определённого криминального таланта, объясняя собственную страсть к мошенничеству и хищениям высокими категориями и принадлежностью к типу энергичных людей, двигающих вперёд экономику, и потому достойных лучшего вознаграждения, – говоря совре-

щавших народную собственность. В то время такое смелое описание быта советских спекулянтов только великому Шукшину, наверное, и прощались.

На сцене, впрочем, не совсем семидесятые, скорее, даже совсем на наши дни похоже. Смелое решение режиссёра театра Андрея Тарасова – перенести действие героев Шукшина в наши дни. А вернее, как узнаем мы в течение всего зрелища, действу вообще присуще ощущение некой вневременности.

На сцене – прекрасная просторная квартира Кузькиных, дорогая мебель, роскошное убранство, стол ломится от яств и напитков. Интересное оформление сцены художником-постановщиком Владимиром Лобановым. Герои – пятеро

менным языком, некоего бонуса, который он и выплачивает себе сам в простоте и полной, как ему казалось, конфиденциальности. Остальная компания – Брюхатый, Чернявый, Курносый и Простой – помогают ему, видимо, и пользуются благами, добытыми непосильным трудом, несколько более раскованно, «не заморачиваясь», веселясь и развлекая зрителя. И всё это развесёлое действие сопровождается замечательной игрой света и звука (звукорежиссёр и композитор Александр Исаев, художник по свету Ирина Клиндух). Праздник жизни. Что ж, имеют право, так сказать. Имели бы право, если бы не ощущалась в тонкой, филигранной игре актёров какая-то напряжённость, некое понимание безнравственности подобного существования и предчув-

ствие неминуемой расплаты. Пир во время чумы... Замечательно сыграли это тонкое предощущение расплаты актёры театра: Марк Осипенко (Аристарх Петрович Кузькин), Алексей Смирнов (Брюхатый), Евгений Михайлузов (Чернявый), Владислав Коробицын (Курносый) и Александр Ларин (Простой).

И расплата нагрянула. Обнаружив в кармане мужа записку от некой Соньки, которую блистательно сыграла Кристина Иванова, жена (по сценарию) Аристарха Петровича Вера Сергеевна – актриса театра Наталья Русских – приходит в неопишную ярость и решает наказать мужа, а вместе с ним и всю его компанию. А как наилучшим образом можно наказать мошенников? Правильно – вывести их на чистую воду! Пишется, разумеется, разоблачительное письмо прокурору...

Ах, водевиль, водевиль

Казалось бы – водевиль чистой воды! Со всеми вытекающими: заговорами, уговорами, знакомством и дружбой жены с любовницей, комичными попытками каждого члена компаши уговорить (запугать-соблазнить-обмануть) неспасаемую Веру Сергеевну...

Здесь по законам жанра автору рецензии следовало бы указать, что хотел сказать своей пьесой автор, какие бичевал

недостатки и как отобразил это режиссёр спектакля. Но – у Шукшина, тонкого знатока человеческих душ, и водевиль только внешне – водевиль, тем паче в интерпретации Андрея Тарасова. И никакие недостатки человеческие никогда, на мой взгляд, не бичевал Василий Макарович, но лишь улыбался мудро и порою горько людской чудаковатости, жалел своих героев, порою плакал от бессилия помочь им. Эту почти неуловимую тонкость подметил и верно отобразил пронизательный и высокопрофессиональный режиссёр театра Андрей Тарасов, поставивший спектакль.

Следование концепции и идее пьесы, своеобразное и глубокое прочтение авторского подтекста отнюдь не исключают зрелищности спектакля. По ходу действия происходят удивительные вещи: приходят в кошмарном сне к Аристарху Петровичу Смерти с косами, сразу две, и зловеще танцуют, тревожа большую совесть; стыдят бедолагу очаровательные и строгие Пионерки (числом четыре); похмеляется и воет на луну вместе с ним жуткий Свин; и даже одна Женщина с погребальным венком вопрошает сурово: «Сколько можно кобелировать, козёл?!»

По мере развития сюжета, как прямое указание на ближайшую будущность мошенников, на сцене – блистательный номер бравых заключённых, одетых и обутих в наилучшем лагерном

стиле (пошив костюмов – Ирина Сидлеревиц). Всё это феерическое действо представляет зрителям хореографический ансамбль «Жемчужина Заполярья», художественный руководитель Вера Иванова, хореограф Полина Вербовикова, артисты Кольк Андрей, Русских Матвей, Великоиваненко Владислав и Вербовиков Данил; и молодёжная танцевальная студия «Комильфо», художественный руководитель Наталья Парфёнова, артисты Душнева Марина, Шамарова Надежда, Ушакова Валерия, Аюпян Софья, Соболева Софья, Кукузова Зарина, Богинская Александра и Евсеева Любовь.

В спектакле принимают участие Любовь Мурашко, Светлана Корюкова, Елена Иванова, Леонид Дорофеев, Ярослав Ядыкин, Фёдор Калинин, Алесь Зубец. Органично и образно изготовлены декорации и бутафория спектакля – Владимир Лобанов и Алексей Смирнов.

Конец истории, как и положено в водевиле – весьма неожиданный. Общими усилиями, и благодаря жертвенности любовницы Соньки, верно и выверенно сыгранной Кристиной Ивановой, удалось уговорить Веру Сергеевну, персонаж искромётной Натальи Русских, – роковое заявление отозвано. Снова пьянка, теперь уже общая, примирительная.

И снова зритель поражается какой-то буквально монолитной сыгранности актёрского ансамбля, словно это не персонажи пьесы – Сонька и Вера Сергеевна, Аристарх, Брюхатый, Чернявый, Курносый и Простой по воле режиссёра и драматурга отработывают номер, а закадычные друзья Алексей Смирнов, Евгений Михайлузов, Владислав Коробицын и Александр Ларин с примкнувшими к ним Натальей Русских и Кристиной Ивановой собрались наконец в кабинете исполняющего обязанности художественного руководителя Дудинского народного Камерного театра Марка Осипенко отметить 45-летний юбилей театра. На этом фоне финальная сцена – как гром среди ясного неба. Мастерство не пропьёшь...

Смотри на подобие Божие

Жаль становится зрителю всех – по-своему симпатичных, деятельных, инициативных и действительно энергичных людей, не сумевших найти иного, «в мирных целях», применения своей недюжинной жизненной силе. Жаль.

Увы, это лишь конец водевиля, но не конец спектакля...

Доволен даже давешний «ценитель прекрасного» в пиджаке ненадёванном:

– А чего, – говорит, – умеют люди культурно отдыхать, ничего не скажешь! А этот-то, Простой, – точь-в-точь Вася Пупкин из второй бригады, тоже не дурак выпить и толкнуть запчasti. Молодцы, товарищи артисты, так держать!

Взиравший на всё происходящее из немыслимой дали своей Комиссар (Андрей Тарасов) выходит из тени... «Неужели и вам не удалось, потюмки, победить это зло?! Так, может быть, вашим внукам, правнукам удастся...» И уходит Комиссар в никуда, горестно согбенный, веря и не веря уже, что когда-нибудь наступит оно, справедливое и светлое будущее – без воров, мошенников и прочей нечисти, с которыми призывал он и пламенные Комсомолки на митинге нещадно бороться. Уходит, всё же надеясь. И нам оставляет эту надежду, ибо сказал Екклесиаст: «Смотри на подобие Божие, ибо кто может изменить то, что создал Он?»

Затаив дыхание, молчали зрители. И лишь через минуту зал взорвался громом аплодисментов. Премьера спектакля

«Энергичные люди», посвящённая 45-летию Дудинского народного Камерного театра, состоялась. Более чем успешно. Долго не смолкали аплодисменты, сопровождая поздравление с юбилеем коллег-артистов от директора МБУК «Городской Дом культуры» Риты Невелевой. Цветы, улыбки и горячие аплодисменты блистательной труппе Камерного театра.

Увести в другое измеренье

...старались зрителя артисты Дудинского Камерного театра во всё продолжение спектакля. Смее утверждать, что сие странное намерение вполне удалось, по крайней мере, в те минуты, когда на сцене творилось чарующее действо актёров воистину народного театра, заставившее зрителей волноваться и радоваться, грустить и смеяться вместе с героями известных и любимых пьес.

На сцене городского Дома культуры творческий коллектив театра представил на суд зрителей красочное ревью «О, сколько трепетных минут хранят кулисы...» Режиссёр Елена Александровна Гончарова составила представление, используя отрывки из спектаклей «Ревизор», «Зойкина квартира», «Беда от нежного сердца», а также композицию литературного салона «Живое слово» и песни в исполнении актёров театра и привлечённых артистов.

С первых минут зрители попа-

дают в атмосферу доверительной беседы, и мастера искусств рассказывают о славном прошлом городского Дома культуры и Камерного театра, о трудностях, свершениях и победах на всём протяжении 45-летнего нелёгкого пути. Именно столько исполнилось в 2016-м году Дудинскому Камерному театру. О творческих планах и перспективах театра, о себе и своём творчестве дружески поведали признанные мастера сцены: исполняющий обязанности художественного руководителя Камерного театра Марк Осипенко, режиссёр Андрей Тарасов, артист драмы, заслуженный работник Таймыра Александр Ларин, актриса Светлана Корюкова, актёр Владислав Коробицын, а также привлечённые артисты многих спектаклей Алексей Смирнов, Любовь Мурашко, Екатерина Ушакова и другие. Коллектив Камерного театра поздравили с 45-летним юбилеем директор Дома культуры Рита Невелева и председатель Комитета культуры, молодёжной политики и спорта Татьяна Жиганова.

За прошедшие годы менялись в театре руководители, режиссёры, актёрский состав. Но неизменно присутствовали на сцене энтузиазм, талант и творческое горение.

– Театр – это глубокое море, волны которого – вдохновение, талант и творчество, дарящие людям радость от встречи с прекрасным искусством. И эта радость возвращается по невидимым нитям к актёрам, заставляя их создавать образ, каждый раз новый и неповторимый, – утвер-

ждают актёры. И взволнованная тишина в зале доказывает согласие зрителей с этим утверждением. И это понятно – как говорят мудрые, «Хорошему актёру всегда попадается умный зритель»...

Сегодня в зале – бабушки с внуками, школьники, взрослые горожане – зал полон.

– Я стараюсь не пропустить ни одного спектакля, благо сейчас, на пенсии, времени предостаточно, – делится Валентина Александровна Тихоненко. – Раньше-то, работая в роддоме, считай, свету белого не видела, теперь вот навёрстываю. Мне всё здесь нравится – и артисты наши, и оформление сцены, и звуковое сопровождение – всё на высшем уровне!

Высший уровень обеспечили звукорежиссёр Александр Исаев и художник-постановщик Лобанов.

Весёлое оживление в зале вызвали Александр Ларин и Светлана Корюкова, мастерски сыгравшие фрагмент из водевиля В. Соллогуба «Беда от нежного сердца», поставленный режиссёром Надеждой Сысоевой. Встреча героев через тридцать лет, весьма поразившая бывших влюблённых («тридцать лет вспоминал об ней с вождельем»):

*Ах, Даша! в прежние годочки
С тобой встречались мы не так;
Тогда ты нюхала цветочки,
(Со вздохом) Теперь – ты нюхаешь табак!*

Табак – полбеда. А что произошло с талией!.. Что подделаешь – 30 лет прошло! Люди, увы, меняются...

Свои способности в комическом жанре подтвердили актёры Александр Ларин и Владислав Коробицын, сыграв диалог Ноздрёва (А. Ларин) и Чичикова (Коробицын). Фрагмент поставлен режиссёром Андреем Тарасовым. Ноздрёв в исполнении Александра Ларина настолько убедителен, что Чичиков едва не приобрёл у него ненужные ему шарманку, жеребца и карету в обмен на мёртвые души...

В кратких перерывах между фрагментами пьес звучат песни в исполнении Александра Исаева, Елены Солнцевой, Алексея Протасова и всей труппы театра. Ничего не напишешь – такова судьба актёрская, о

которой вдохновенно поют мужчины.

Впрочем, нахлынувшая грусть быстро разгоняется анекдотами, историями и побасёнками из жизни театра. Режиссёр – актёру:

– Вы чудесно сыграли сегодня роль раненого!

– У меня огромный гвоздь в бутинке...

– Не загибайте его, хотя бы до конца сезона!

Как видим, не чужд Камерному и весёлый жанр анекдота. Как, собственно, и жанр капустника – инсценировка стихотворения Агнии Барто «В театре». Зал дружно хохотал над проделками крупногабаритной Девочки (А.Смирнов), потерявшей на балете номерок. По окончании представления зал долго аплодировал стоя, и расходиться не спешили даже те, кто сумел свой номерок от гардероба не потерять. Именинники 45-летние у нас нынче артисты, а такой замечательный спектакль в подарок получили зрители. Такова актёрская судьба!

Режиссёр ревью «О, сколько трепетных минут хранят кулисы...» Елена Гончарова поделилась планами на ближайшее будущее: творческая группа вскоре поедет с концертом в Кайеркан, отмечать 60-летний юбилей города, а ансамбль «Хэйро» отправится в Хатангу.

Рассказать обо всём и обо всех, наверное, не сумел. Что ж, как утверждают актёры Дудинского Камерного: «Милосердно Бог прощает артистов, клоунов, шутов...»

Экспертиза для лошади

Городской Дом культуры совместно с Комплексным центром социального обслуживания населения «Заполярный» и КГБУ СО «Таймырский социально-реабилитационный центр инвалидов» традиционно проводит благотворительную акцию «Жить, побеждая» для детей с ограниченными физическими возможностями.

– Акция текущего года направлена на сбор благотворительных средств для Лизы

Дорошковой, 2010 года рождения, – рассказал нам руководитель акции, заместитель директора по досуговой деятельности ГДК Владислав Владимирович Коробицын. – Вследствие случайного отравления лечебными препаратами девочка в 3 года получила серьёзное поражение головного мозга. В настоящий момент требуются наблюдение невролога, окулиста, дерматолога и постоянного уход. Лизу воспитывает один папа, которому пришлось оставить работу, чтобы ухаживать за малышкой. Жители нашего города откликаются на боль и проблему девочки, принимая в акции «Жить, побеждая» деятельное участие.

Восемнадцатого июня в рамках акции «Жить, побеждая» артисты Камерного театра городского Дома культуры совместно с самодеятельным коллективом Таймырского дома народного творчества показали горожанам спектакль «Случаи в аэропорту» по мотивам произведений Николая Попова. Эта работа была признана лучшей на Фестивале «Заполярный маршрут – Дудинка театральная». Это первая совместная работа артистов Камерного театра и Главного чума.

Артисты ТДНТ, собственно, готовили для показа на Фестивале отрывок из спектакля «Случаи в аэропорту». Этот отрывок, выигравший Гран-при Фестиваля, так понравился труппе Камерного театра, что при совместной работе режиссёр значительно расширил постановку.

Практически всё время спектакля в зале не умолкал смех. В главной роли – журналиста – актёр Камерного театра Александр Леонидович Ларин. Зрители приветствовали бурными аплодисментами уморительные приключения незадачливого матроса 1-го класса Рублёва, мастерски сыгранного актёром Камерного театра Евгением Михайлузовым, смеялись над сентенциями боцмана Фомы Фомича Фомичёва (Алексей Иванович Смирнов) и Лётчика (Марк Осипенко): «Лошадь на экспертизу возили?». В роли Бортмеханика блестяще выступил руководитель акции «Жить, побеждая» Владислав

Коробицын. Постановщик спектакля, режиссёр Камерного театра Андрей Тарасов мастерски смешил зрителей в роли деда Максима, принявшего за медведя собственного племянника, пришедшего к чуму одолжить лодку. А что увидел племянник вместо лодки – надо видеть своими глазами...

Приключения продолжались и в аэропорту Диксона, куда Журналист прилетел-таки, после долгих мытарств. Здесь блистали на сцене артисты ТДНТ Анна Павловна Яроцкая и Светлана Мойбовна Кудрякова, игравшие местных жительниц, попадавших в уморительные ситуации. Василий Иванович Батагай, игравший Старика, каждой репликой вызывал хохот в зале, мастерски обыграв созвучие разных слов на долганском и русском языках («кара нить» и «хоронить» бегемота). Владимир Кашов не расставался с большой снеговой лопатой, третьей по счёту (две предыдущих украли), вламываясь с нею в офис аэропорта. Все представленные в спектакле живо и органично сыгранные совместной труппой приключения жизненной, неунывающих и жизнерадостных людей, живущих на краю света в тяжелейших природных условиях, не перекажешь – это надо видеть.

Благодарные зрители не проходили мимо ящика для пожертвований, внося и свой вклад в копилку добра. Как рассказал руководитель акции «Жить, побеждая» Владислав Коробицын, с начала акции, с 1 марта текущего года, на благо-

ворительность собрано более 360 тысяч рублей. Вот и сегодня спектакль «Случай в аэропорту» по мотивам произведений Николая Попова, поставленный совместными усилиями работников ГДК и ТДНТ, имел большой успех, способствуя сбору средств, жизненно необходимых детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Кандидатуры семей подбираются и рассматриваются Комплексным центром социального обслуживания населения «Заполярный», Таймырским социально-реабилитационным центром инвалидов и созданной комиссией ГДК. Индивидуальная работа с каждой семьёй позволяет организаторам акции выявить проблему данной семьи и решить её по мере возможности. Отзывчивые жители Дудинки принимают в этом благородном деле самое активное участие.

Таймыр – отражение нашей души

Свершилось! Бубен шамана возвестил об открытии III Арктического фестиваля «Притяжение Таймыра»!

– Как Полярная звезда, светит фестиваль над Таймыром, – звучит голос ведущей. – Таймыр – отражение нашей души!

На сцене – метущиеся девушки в белых одеяниях – как снежные вихри, летящие под завывание полярной пурги. Древние песнопения на языках коренных

народов тундры – ненцев, долган, нганасан, эвенков и энцев звучат в исполнении народных талантов из творческих коллективов Таймыра – из Дудинки, Норильска, Талнаха, Диксона, Хатанги, Караула. Лирический танец артистов визитной карточки Таймыра – народного ансамбля «Хэйро».

Сцена в этот день была расцвечена красочными костюмами – парад участниками фестиваля собрал настоящие народные таланты, здесь построились замечательные коллективы гостей из Норвегии, Швеции, Финляндии, разных уголков России: Тывы, Эвенкии, Якутии, Камчатки, Киргизии. Уже знакомые горожанам по встречам на различных площадках фестиваля коллективы «ТоргейрВассвик» из Норвегии, Форсберг Джон Сеан Тимоти, фольк-музыкант из Швеции, Государственный академический корякский национальный ансамбль танца «Мэнго» имени А.В. Гиля из города Петропавловска-Камчатского, группа фольк-шоу «Ярмарка» из Санкт-Петербурга, рок-группа «Хартыга» из Республики Тыва, Владимир Хоменко из Эвенкии и другие.

И, разумеется, во всех мероприятиях фестиваля принимают активнейшее участие давно и прочно полюбившиеся таймырцам коллективы «Ивушка» и «Украиночка», «Арадуой», «Явал» и «Кара Жорго» из городского Центра народного творчества, «Чоргуячи», «Алгыс», «Хендир» и энецкая этнофольклорная группа «Татуй» из Таймырского дома народного творчества, «Сулускан», «Хэйро», «СарюТэс», коллективы «Юниора», ансамбли «Таймыр» и «Жемчужина Заполярья», «Арктический бриз» из Диксона, «Харп» из Караула и другие – все назвать довольно затруднительно. Душевное тепло и сердечность таймырцев притягивают к себе, как магнит.

Концерт, ознаменовавший открытие Арктического фестиваля, показал всё лучшее, чего достигли работники культуры и артисты. Открытия следовали одно за другим, сопровождается горячими аплодисментами зрителей.

Горловое пение Карчаги

Елекова, известного нашего земляка, привлекло особенное внимание, замечательно сочетаясь с народными северными мелодиями. Норвежцы группы «Вассвик» продемонстрировали завораживающие мелодии древних скандинавских фьордов, омытых холодными водами северных морей и продутых ветрами арктических бризов. Скрипка, гитара и флейта в руках норвежских музыкантов буквально творят чудеса. Своих скандинавских соседей поддерживал и музыкант из Швеции Форсберг Джон Сеан Тимоти, исполнивший песню саамов, аккомпанируя на электронном контрабасе.

Барабан, струнный инструмент, скрипичный смычок и горловое пение тувинской группы словно перенесли зачарованного зрителя в залитые солнцем благодатные степи золотой Тывы, где ветер развеивает гривы вольно скачущих табунов. С тувинскими мелодиями переключались песни кыргызских сказителей народных эпосов.

Песни дуэта «Сулускан» сменялись зажигательными танцами хореографических ансамблей «Харп», «Таймыр», «Хендир», «Жемчужина Заполярья», «Радость».

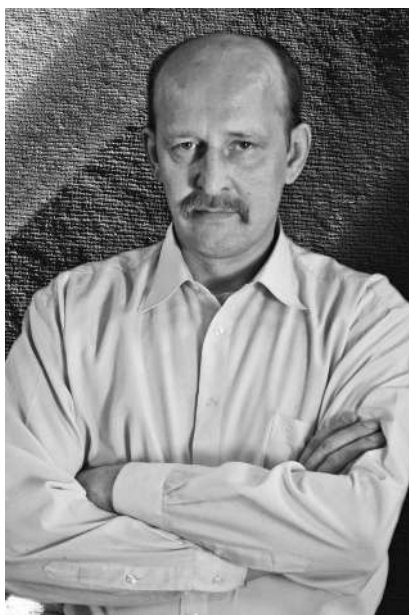
*«Холода над Тунгускою – она уснула до весны,
Вьётся ленточкой узкою,
ей снятся северные сны!
Танцуют маут и хорей –*

лечу к возлюбленной своей!», – спел Владимир Хоменко, замечательный артист из Эвенкии. Северные песни Владимира Хоменко и дуэта «Сулускан» сменялись задорными украинскими в исполнении

«Украиночки», русскими народными в исполнении ансамблей «Ивушка» и группы фольк-шоу «Ярмарка» из Санкт-Петербурга.

– Четвёртый день пурга качается над Диксоном! – весь зал подпевал замечательной группе «Арктический бриз» из Диксона.

– «Некоча, некоча-а... – звенел высокий чистый голос Полины Евай. Песня ненецкой

девушки никого не оставила равнодушным. «Только шаг до Полярного круга – Севера, Севера...» – спели парни из группы «Шансон».

Долгими аплодисментами наградили восхищённые зрители артистов корякского ансамбля «Мэнго», исполнивших искромётный танец. Зал стоя приветствовал участников, артистов и организаторов концерта, благодаря за восхитительное зрелище.

Именно цели мира и дружбы мы и ставим во главу угла Арктического фестиваля. С праздником, Таймыр!

Божий дар Александра Ларина

– А мы ещё и таланты! – помните, была такая реприза у замечательного дуэта юмористов, играющих двух глуховатых, подслеповатых и так далее – смешных, одним словом, старух, одна из которых именно так расслышала и перефразировала название популярнейшего в те времена Всесоюзного конкурса «Алло, мы ищем таланты!». Участие в этом конкурсе, по большому счёту, определило судьбу замечательного таймырского артиста Александра Ларина. И, как видим, не столь уж велика оказалась в этом случае ошибка перефразировавшей название конкурса старушки из юморески.

Как это начиналось

Ученик 8-го класса Саша Ларин (было это в далёком уже 1976 году) участвовал в таком конкурсе в клубе Дудинского порта.

– Это было что-то вроде теперешнего КВН. Я пел сатирические куплеты на злободневные темы – бичевал, так сказать, тунеядцев, пьяниц, прогульщиков. Тогда это было и модно, и удобно – вроде как по делу выступаешь, но никого в общем-то не затрагиваешь серьёзно. Играл миниатюру о человеке, взявшем на себя много общественных нагрузок – и не выполнявшем ни одной... Всеми вроде как узнаваемая личность, всем смешно и никому конкретно не обидно. Наверное, получалось, поскольку меня заметила Людмила Степановна Безуглая, режиссёр театра миниатюр в клубе порта.

Людмила Безуглая пригласила Сашу в театр миниатюр. С этого момента началась настоящая (и не прекращающаяся по сей день) учёба, овладение тайнами актёрского мастерства. Александра приняли в театр

юного зрителя при городском ДК. ТЮЗ в городе был создан в 1971 году. Руководил им тогда Юрий Иванович Блохин, самобытный режиссёр. Перед тем как полностью посвятить себя актёрской деятельности, Александр танцевал в ансамбле «Хэйро».

– Это просто необходимая школа, всем советую. Танцы – это всегда дисциплина движения, ритмика, отрабатывается пластика тела, я очень рад, что благодаря занятиям танцами приобрёл понимание важности пластики движений в актёрской игре. Но увлечение театром победило. Театр – это всегда сказочно!

Школа Надежды Емельяновой

В 1978 году в Дудинку, закончив Кемеровский институт культуры по режиссуре, приехала Надежда Николаевна Сысоева (Емельянова). Александр, закончивший к тому времени школу, стал одним из первых студийцев молодого режиссёра, уговорили прийти девчонки – юные ученики-студийцы Емельяновой. Александр всегда легко сходилась с людьми, молодой, высокий, красивый – нравился девушкам. Но дар божий – привлекательную внешность – использовать стремился только на сцене.

– Я всех своих друзей-тюзовцев пережил, – смеётся Александр Леонидович, – а сам только в 28 лет женился. Занимался спортом – футбол, лёгкая атлетика, лыжи. В футбол даже за сборную города играл. Всего себя отдавал делу. И вообще, я по жизни однолюб...

Нам повезло учиться у Надежды Емельяновой. Молодой мастер сцены, очень своеобразный, Надежда Николаевна была у нас ещё и прекрасным педагогом, обучала легко, играючи. С ней было прежде всего интересно. Ставили пьесы «Две стрелы» Александра Володина, «Провинциальные анекдоты», «Дело было в Чулимске» Александра Вампилова. Антон Павлович Чехов – практически весь: «Три сестры», «Портреты», «Юбилей»,

«Предложение» и другие спектакли. Памятны и дорожные роли в чеховских «Трёх миниатюрах»: в «Портретах» играл всех, Хирин – в «Юбилее», чеховский Папенька – в «Предложении».

– Спектакли на местные темы ставили?

– При Надежде Сысоевой ставили «Сказ о сбывшейся мечте», автор Любовь Ненянг. Пьеса о первых работниках Красного чума. Надежда Николаевна сейчас в Норильске, работает в театральной студии «Синяя птица» в Центре детского творчества. Режиссёр Сысоева задала высокую планку. Вот смотрите: Булгаков, Шукшин – это же всё про наше время! Какие чиновничьи типы в «Энергичных людях»!

Гамлет и бульдог Харламов

– Что не приемлете на сцене?

– Не приемлем на сцене мат! Однозначно! Достаточно его в телевизоре. Как говорится, у каждого поколения свой Харламов, у нас – Валерий, у нынешних – бульдог... Постоянный костяк театра – это три актёра: Марк Осипенко – актёр и худрук, актёр Евгений Михайлусов и я, ваш покорный слуга. Андрей Тарасов – режиссёр, Владимир Лобанов – художник. Ни я, ни Андрей Тарасов не учились на актёрских факультетах, только театральная студия Надежды Сысоевой.

– А как же быть с пьесами, где много действующих лиц?

– Актёры находятся! Постоянно приходят те, кто хочет играть в театре. Пример: сами написали новогоднюю сказку, в главной роли – Наташа Чуприна. Наташа – ненка, замечательно поёт в «Сулускане», рукодельница, вышивает бисером, играет в кукольном театре. Сейчас в планах «Энергичные люди» – будем привлекать старых актёров, участников самодеятельности. В мае прошлого года состоялась премьера спектакля «Пепел» по мотивам рассказов Шолома-Алейхема. На фестивале покажем «Генеральную репетицию», спектакль по мотивам пьесы

Михаила Булгакова «Багровый остров». Это пьеса про судьбу театра, про актёров, буквально сходу, без репетиций, сыгравших спектакль, дабы показать уезжающему спонсору, сыгравших так, что никто не усомнился в долгой подготовке, отрепетированности спектакля...

В спектакле «Генеральная репетиция» режиссёра-постановщика Андрея Тарасова занята вся труппа. Александр Ларин играет директора театра Геннадия Панфиловича, он же лорд Эдвард Гленарван. Звучит оркестр Л. Цветковой, в спектакле блистают одалиски – танцевальная группа «Сейшен», руководитель О. Руденко, и матросы – танцевальная группа «Комильфо», руководитель Н. Парфёнова. Приходите – не пожалеете!

– Гамлета сыграть, разумеется, мечтаете?

– Не-е, для Гамлета я стар. А вот короля Лира – мечтаю. Не сложилось пока, только соберёмся было – режиссёры менялись. Я понимаю Лира, как отец отца, понимаю боль обманутого близкими человека.

– Личный опыт (!?)...

– Да нет, мы с доченькой – настоящие друзья. Ей 22, живём вдвоём душа в душу. Жена, к прискорбию, умерла от рака, давно уже...

Театр – это...

– Театр – что для вас?

– Это прежде всего поиски самого себя. Через своих героев стараюсь разобраться в самом себе. В жизни обычно много соблазнов, противостоять им каждому помогает воспитание. На сцене я, по-моему, больше на себя похож, на сцене актёр открывается полнее. По Станиславскому: мы играем не героя, а себя в предлагаемых обстоятельствах, гений великого режиссёра предписывал актёру максимально передавать внутренние переживания, которым зритель поверит. Театр наш любительский, муниципальный, мне, например, повезло: любимое дело стало профессией, источником заработка. Знакомые частенько заражаются и заряжаются от нас любо-

вью к театру, начинают заниматься творчеством. Как, например, Николай Васильевич Атрохов – прекрасный музыкант, композитор, самодельный актёр.

Слово живое

– Ваше «Живое слово» – что это?

– «Живое слово» образовалась спонтанно. Создали мы его в год 70-летия Победы. Край поручил создать мероприятие.

Александр Леонидович нашёл тогда стихи о войне малоизвестных поэтов-фронтовиков, начал их – стихи звучали в записи на улицах. К делу присоединилась Светлана Семёновна Корякова, работник городского Центра народного творчества, прекрасно читающая стихи. Читали стихи дуэтом Ларин и Корякова, затем подключили детей – зазвучали произведения Есенина, Рождественского, прозаические вещи, сводки блокадного Ленинграда. Это были небольшие, 10–15 минут, выступления перед концертами. Сейчас «Живое слово» – это студия, где Александр Леонидович по понедельникам и пятницам учит чтению стихов, актёрскому мастерству.

– Необходимо тренировать речевой аппарат, учиться двигаться. Жесты должны соответствовать слову, прежде всего.

– Почему один становится актёром, а другой, к примеру, – механиком? Это как-то заложено природой, связано с генетикой? Как вообще оказались на Севере Крайнем?

– У меня бабушка и дед – бессарабские отпрыски помещиков, в эти края были сосланы. А музыкальность жителей Бессарабии всем известна. Бабушка была оперной певицей, до лагерей, разумеется. Дудинские лагеря... Бабушка сидела, а папа охранял. Осели дед с бабкой в Минусинске, сначала ходу на родину не давали, а после прижились. Отец осел в Дудинке после войны с Японией, мама приехала по комсомольской путёвке. 19 пикет – там оседали и сидельцы, и их конвоиры – жили дружно, люди все хорошие, общались, встречались, пели песни... По-разному

судьба забрасывает людей на Север.

По-разному, да. И для Таймыра судьба действительно сделала роскошный подарок, забросив сюда замечательного актёра и человека – Александра Ларина.

Сокровища, которые увидят люди

– В 1971 году приехал на таймыр из Архангельска наш папа, а в 1973 году – мама из Кемерово. Здесь, в Дудинке, родители и поженились. Так что мы с сестрой – уже коренные северянки, – улыбается Марина Петракова. – Здесь, в Дудинке, и школу закончила, пятую. Мне было 8 лет, когда я пришла в театр Людмилы Степановны Безуглой. С тех пор так и остаюсь в театре, если не считать учёбы в экономическом институте в Красноярске, куда поступила в 1994 году. Но – ушла через полгода, экономический институт был ошибкой.

Марина в 1995 году поступила в Минусинское культпросветучилище, закончив его, продолжила образование, поступив в 2000 году в Санкт-Петербургский университет культуры и искусства. По окончании университета Марина работает руководителем театральной студии в ДЦТ «Юность», (сегодня – ДЮЦТТ «Юниор»).

– Прекрасное было время! – мечтательно улыбается Марина. – Тогда я знала твёрдо: ничего другого не хочу!

Путь в театр у младшей сестры Катерины сложился несколько иначе. Старшая сестра настояла, чтобы Катя, неплохо рисовавшая, поступала на художественный факультет в Хакасский госуниверситет.

– Но, видимо, художник во мне всё-таки неярко выражен, – с сожалением констатирует Катерина. – Иду по улице, ничего не видя перед собой от слёз – в таблице результатов конкурса моей фамилии нет... И тут ноги будто сами останавливаются перед зданием колледжа. Есть места на отделении ДПИ и режиссуры массовых праздников. Подала документы на факультет

режиссуры. Меня недоумённо спрашивают: «Пришёл художник – и вдруг на режиссуру?! Может быть, всё-таки на ДПИ – это ближе?» А я до отъезда в Минусинск посещала театральную студию в клубе Порты. Народным театром порта руководила Людмила Безуглая. Так что у нас с сестрой – один первый учитель. У Людмилы Степановны часто приходилось что-то выдумывать, организовывать мероприятия...

Катерине повезло – когда вернулась в Дудинку в 2003 году – здесь как раз открывалась «Арктика», и не занята вакансия режиссёра. Почти 5 лет работала в качестве режиссёра массовых праздников в «Арктике».

– Праздники – это хорошо, – вздыхает Катерина, – но ведь не повторишь концерт – это одно-разовая работа. А театр – искусство вечное, спектакль живёт, развиваясь и преобразаясь, живёт, пока интересен зрителю. Театр всегда привлекал меня, поэтому, когда пригласили в ГДК в 2007 году, на ставку режиссёра-постановщика, пошла не раздумывая.

Марина, начав с роли руководителя театральной студии в «Юниоре», также поступила в Камерный театр ГДК в 2005 году. На должность художественного руководителя театра пригласила Любовь Геннадьевна Быстрова.

– Я к тому времени закончила университет, но всё же было очень волнительно: непростое это дело – руководить театром, детищем Юрия Ивановича Блохина, Надежды Сысоевой, – вспоминает Марина. – Ответственность очень высока! Ведь Надежда Сысоева в своё время выводила театр на российский уровень! Но – времена трудные для театра. Репертуара нет, финансовые трудности... Но всё же удалось с имеющимся составом вывести театр на краевой уровень – в 2009 году завоевали Гран-при Сибирского фестиваля «Зеркало». В театр потянулись зрители.

Так и работали сёстры – интенсивно: утром – детский спектакль, вечером – взрослый. Детские спектакли ставила Катерина, одновременно ведущая актриса и режиссёр детской театральной студии при

Камерном театре, взрослые постановки готовила Марина.

Марина Петракова и Катерина Ушакова очень дружны, с самого раннего детства вместе увлечены творчеством, и рассказывают о своих дорожках в театр, дополняя друг друга. В настоящее время они обе – режиссёры: Катерина – в Городском Доме культуры, Марина – режиссёр Таймырского краеведческого музея. Но есть и совместные проекты, но об этом ниже – попробуем соблюсти некоторый порядок изложения, хотя это непросто при таком интересном разговоре, когда мои дилетантские вопросы то и дело уведут повествование в сторону.

– Жили мы на Дудинской улице. Годы 87–89-й, все соседи – как одна семья, – дополняя друг друга, рассказывают сёстры, причём начинает, конечно, старшая – Катя тогда была ещё мала. – В подъезде нашем порядка 20 детей, дружили – взахлёб! Особенно с лучшей подругой – Таней Исмаиловой. Когда её мама уходила на работу, мы устраивали в их большой полупустой комнате театр. Зрители – малышня 8–10 лет, мы репетировали сказки, сами придумывали всё – декорации, оформление, снег сами делали! Перевернутая софа у нас – сцена, на пластинках находим звуковое сопровождение. Дети думают – всё правда! Приходила мама Тани, возмущалась беспорядком, конечно, но мы через некоторое время забывали нагоняй, приходили снова. Творческий потенциал пробивался всегда. Театр – вся наша жизнь!

Детство девочек было нелёгким. Отсюда умение преодолевать трудности, самостоятельно принимать решения. Когда старшая сестра уезжала учиться, младшая долгое время воспитывалась у тёти – училась в школе, как могла, помогала ей.

– Я благодаря тёте умею всё – высаживать саженцы, пасынковать и так далее, – вспоминает Катерина. – Когда жила с Мариной в Дудинке, заниматься в театре приходила раньше всех, потому что Людмила Степановна обязательно прежде усадит покушать... Театр Людмилы

Безуглой стал домом для нас.

Марина Михайловна руководила Камерным театром с 2005 по 2014 год. Работу начинала азартно: 2005 год – дипломная работа по пьесе Володина «Две стрелы». Играли Андрей Тарасов, Александр Ларин, Юрий Гумиров, Наталья Русских, Владислав Коробицын, Марк Осипенко. Труппа замечательная! Марина на все вечерние репетиции брала с собой трёхлетнего сына Славика. Сидел тихо, смотрел внимательно.

– Однажды прихожу домой, смотрю: в комнате выставлены все игрушки, и Славик абсолютно точно разыгрывает пьесу Володина, зловеще объявляет зайцу плюшевому: «Сначала умрёшь ты, Ушастый!» – ребёнок вырос на хороших авторах.

Сейчас закончил 8-й класс. Не оставляю семью в покое – творчество, семейные праздники, даже мужу приходится играть, противился сначала, но привык – пираты, Карлсон – всё на нём, – смеётся Марина. – Супруг мой Сергей – вообще самый большой подарок судьбы.

Велика сила настоящего искусства: трёхлетней дочке Катерины, Анечке, читали в колыбельке сонеты Шекспира – теперь Анечка не просто хорошо говорит, но и добавляет к словам интересные эпитеты, создаёт образы. «Кем хочешь быть на Новый год, Аня? – Морковкой! – А как это? – Оранжевое платье и зелёная шапочка с листочками!»

– Трудно ли быть режиссёром? – Марина задумывается. –

Говорят: в театре режиссёр – Бог, но когда актёры играют на сцене – режиссёр бессилён. Интересны были спектакли, в которых Катерина играла с Марком Осипенко – «Весёлый солдат» Астафьева и «Случай перед свадьбой» Чехова. С Марком мне было легко, комфортно работать – всё же мой ученик, воплощал мои самые амбициозные замыслы. Игра на сцене для Кати – не основное, главное её дело – концерты.

В настоящее время Марина Петракова трудится режиссёром в музее. Волей-неволей, конечно, приходится сравнивать эти две сферы – театр и музей. Марина Михайловна считает, что в театре больше выдумки, но музей – это аутентичное пространство. Реквизиты здесь – совершенно подлинные. Например, делая экспозицию боя на Диксоне, использовали настоящее оружие, участвовавшее именно в этом бою – аура совершенно фантастическая. Возникает более высокий уровень реальности, когда видишь артефакты известных личностей.

– Работа в музее – это «театр одного актёра», – считает Марина Михайловна, – я отчётливо увидела себя в этой работе – здесь осуществляется полное погружение в настоящее искусство. Вынашиваю большие планы по открытию своего пространства, но в любом случае останусь преданным партнёром музея.

И это не голословное утверждение. Марина Петракова очень дорожит отношением к себе людей, считает, что это самое хрупкое, легко разрушаемое. Кредо Марины – не причинять боль! Порядочность, верность, взаимопомощь, верность убеждениям – не просто слова.

– Может быть, для кого-то я неудобна, но очень ценю коллег, – признаётся Марина Михайловна. – Много лет дружу с Галиной Геннадьевной Зыковой, Натальей Михайловной Лопаткиной, Надеждой Витальевной Мальцевой, Юлией Валериевной Шамрай. Приходим мы с коллегами по «Белым птицам» в учреждения – нас всегда поддерживают. Весьма ценю помощь директора музея Ольги

Корнеевой. Коллектив АНО «Театр-студия «Белые птицы» тесно сотрудничает с ВГТРК, с газетой «Таймыр», постоянно поддерживавшими акцию 2004 года «Жить, побеждая». Кстати, придумана акция была на этой кухне, где мы сидим...

«Белые птицы»... В 2007-м году Марина Петракова написала пьесу о подвиге мальчика. История реальная – в Великую Отечественную войну десятилетний мальчик обнаружил замаскированный фашистский склад с оружием. Мальчик развесил на деревьях белые полотнища, трепавшие на ветру, как белые птицы, которые и явились целеуказателями для советских бомбардировщиков – склад был уничтожен.

Пьеса успешно прошла в Камерном театре. Художник-постановщик пьесы – Мария Самойлова. Пьеса победила в литературном конкурсе «Всё это было не со мной» в Красноярске, а Вячеслав Петраков победил с этой пьесой в конкурсе чтецов района и в Международном конкурсе «Планета талантов».

В 2015-м году Марина Петракова и Катерина Ушакова создали автономную некоммерческую организацию – АНО «Театр-студия «Белые птицы», зарегистрировали её. Работает АНО на добровольческих началах, на пожертвования благотворителей, на гранты, которые коллектив выигрывает в различных конкурсах.

– «Белые птицы» – это зримые образы, вызывающие положительные ассоциации, настоящий бренд. Так мы и решили назвать нашу организацию, коллеги поддержали, – пояснила Марина Михайловна.

Небольшой сплочённый коллектив: художник Мария Самойлова, Елена Михайловна Вараксина – искусствовед детской школы искусств, хореографы Виктория Багаутдинова и Оксана Руденко, технические вопросы – Сергей Рудаков, бухгалтер Марина Богданова, и, разумеется, Марина Петракова и Катерина Ушакова.

Сегодня этот коллектив строит театр – площадью порядка 400 квадратных метров. Помещение передано АО «Норильсктелеком» в долгосрочную аренду.

Необходим ремонт, который успешно производится своими силами и при помощи добровольцев, в надежде закончить в сентябре, к празднованию 350-летнего юбилея города.

– Это будет культурное пространство, ни на что не похожее, где мы сможем реализовать своё призвание. Особое наше благодарение Главе Таймыра Сергею Александровичу Ткаченко, который верит в светлые мечты и поддерживает наши начинания. В душе каждого человека – сокровища творчества. Не хотим стать сокровищем, которое не увидят люди... У нас много идей, планов. Хотим подарить городу детские спектакли, – делится Марина Михайловна. – Дети всегда тонко чувствуют театр, верят в него.

Коллектив АНО «Театр-студия «Белые птицы» тесно сотрудничает с Дудинским детским домом. В частности, спектакль «Муха-Цокотуха» по сказке Корнея Чуковского задуман и воплощён в рамках проекта «Сказки сквозь камни» Фонда Михаила Прохорова. В детский дом студийцы пришли по зову сердца.

– Детдом был в нашем детстве на улице Дудинской, где мы жили. И мы часто играли с воспитанниками. Нас всегда тянуло к брошенным детям, которым нужен кто-то, вселяющий надежду, – Марина Михайловна считает работу коллектива студии с воспитанниками детского дома крайне важной. – Как мать двоих детей, хочу, чтобы воспитанники «Ромашки» состоялись в жизни. У Бога не было идеи брошенных детей! А кто его представитель на Земле? – люди! То есть мы. Не боюсь говорить о вере. Почему-то пикантные анекдоты и сплетни люди не стесняются пересказывать, но боятся говорить о Боге. Он – внутри нас, люди похожи на своего Творца. В нас природа Божья. Вспоминать о Боге нужно не 2 раза в год – на Рождество и Пасху, но носить Его в душе. Порой о нас с сестрой говорят: слишком свободно заявляют о своей вере! Но это наше мировоззрение – руководство к нашим действиям. Нам не нужна «галочка», похвала, наша награда – нетленна. Это благодарность земляков. Как сказал Антон Павлович Чехов: «Ничто

не уходит в вечность бесследно!»

Зигзаги судьбы Алексея Смирнова

– «И врагу не пожелаю жить в эпоху перемен!» – гласит известная китайская поговорка. А что сказали бы осмотрительные и предпочитающие стабильность мудрые жители Поднебесной о человеке, вся жизнь которого состоит из крутых поворотов, зигзагов и перемен?..

Танец маленьких оленят

– Хорошее это было начинание – знакомство школьников с будущими профессиями! Ещё учась в начальной школе, всем классом посещали предприятия, заводы-фабрики, знакомились с профессиями, сейчас это назвали бы каким-нибудь «умным» иностранным словом, что-то типа квест или флешмоб «Выбери профессию». Тогда такое знакомство определило всю мою дальнейшую жизнь...

Алексей Смирнов, режиссёр Дудинского Камерного театра, руководитель клубного формирования «Театральная студия при Камерном театре», – уроженец Дудинки. Учился в 1-й школе, в 1968 году привели класс Алексея на экскурсию в городской Дом культуры. С той экскурсии и началось вхождение в мир искусства.

– В это время хореограф Виталий Петрович Целищев приступал к формированию танцевального коллектива. Многих мальчишек посмотрел, некоторых пригласил приходить, репетировать, – вспоминает с ностальгической улыбкой Алексей Иванович. – Мы с Олешкой, видимо, приглянулись.

Алексей Смирнов и его одноклассник Олег Сорокин закрепились в коллективе, стали танцевать двух оленят, которых остальные участники танцевальной сценки ловят маутами. Тогда же режиссёр Юрий Иванович Блохин стал собирать театральную труппу. Алексей больше года посещал подготовительную студию. Старание и упорство в овладении актёрским мастерством принесли результаты – стали

доверять участие в различных утренниках, появились первые роли и первый успех.

– Бегал в ДК всегда с огромным удовольствием, до самого окончания школы. Всё успевал, и спортом занимался – борьба, футбол. В школе создали ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Время было такое – творческое! Едва ли не в каждом детском садике имелся свой ВИА! А уж в нашей школе сам Бог велел – у нас вёл музыку прекрасный музыкант Владимир Белеуш, – вспоминает с теплом Алексей Иванович. – Владимир Белеуш пригласил меня в свою вокальную группу – небольшой оркестр, в котором я играл на гитаре. И спорт не бросал – борьба, футбол, может быть, потому и поспеивал всюду. В 32 года в последний раз вышел на футбольное поле, в Абакане уже.

Тяжела и неказиста жизнь эстрадного артиста

Музыка, театр, творчество прочно вошли в жизнь. Долго не раздумывая, после школы поступил в Минусинское культпросветучилище.

– Преподаватель Нюхалов Лев Алексеевич учил ещё моего первого наставника – Юрия Блохина. Вот такая преемственность! Лев Алексеевич – очень известный, прекрасный человек со сложной судьбой, мне неслыханно повезло попасть в его класс! Это человек, буквально дарующий созидательную установку на всю жизнь, стремление к творческому свершению. Всё, что мне удалось сделать в искусстве, – я сделал благодаря Льву Алексеевичу, – считает Алексей Иванович.

Практику студент культпросветучилища Алексей Смирнов проходил в родной Дудинке, в агитбригаде, естественно. Агитбригада в те годы – это вполне профессиональный коллектив, в котором студенту весьма полезно было поработать. Агитбригада летала по всему Таймыру – куда вертолётом, если возможно – катером. Интересные люди, романтика путешествий захватила с головой. Ночевали в чумах оленево-

дов, в балках, в посёлках – в клубе прямо на сцене. Порою пурга задерживала на неделю – всё нипочём! По окончании училища распределился сюда же, в агитбригаду.

– В 1985 году ходили на катере по реке Пясины от одноимённого озера до Диксона, – мечтательно улыбается Алексей Иванович. – Останавливались в оленеводческих бригадах, давали концерты, крутили кино. Старенький аппарат «Украина», киноплёнка в кассетах-бобинах, электростанция переносная с собой, к которой прилагаются канистры с бензином, всё это на себе переносится – занятия спортом пригодились как нельзя кстати. Наши зрители – дети, женщины, старики в чумах, бывало, в чуме всего-то три-четыре человека, а нас приехала – дюжина! Но встречают с такой радостью – концерт играем с полной отдачей! «Тяжела и неказиста жизнь эстрадного артиста!» – бытовала в ту пору присказка, в шутку, конечно – да мы упивались этой жизнью!

После службы в армии, проходившей на Камчатке, продолжил Алексей Смирнов ставшую уже привычной и совершенно необходимой работу в агитбригаде. Здесь часто работали самобытные, уникальные люди – из Одессы, Киева, Барнаула, Прибалтики, Улан-Удэ и других городов. Многие горожане помнят работавшего один сезон пародиста Игоря Авдеева, сейчас он профессор в Иркутском институте культуры. Происходил интенсивный обмен опытом, творческое взаимообогащение. Василий Соколов, впоследствии известный режиссёр Абаканского театра «Рампа», создал в городе студию «Северная театральная лаборатория» и руководил ею. Приезжали театральные коллективы из Норильска, Хатанги, Диксона, Кайерканы, Талнаха – показывали спектакли, которые обсуждались в лаборатории, делался квалифицированный разбор критиками из Москвы и Красноярска, обсуждение в СМИ – происходило обучение самодеятельных коллективов, взаимообогащение артистов и постановщиков. На основании рекомендаций специалистов

«Северной театральной лаборатории» велись переговоры на уровне отделов культуры округа и края – коллективам организовывали командировки, гастроли, по стране и за рубеж.

Не расстанусь с комсомолом

Однако вскоре судьба сделала довольно неожиданный поворот – в 1984 году молодого, активного и креативного (впрочем, слова такого тогда не употребляли ещё), перспективного комсомольца Алексея Смирнова пригласили работать в комсомоле – директором центра НТТМ, то есть научно-технического творчества молодёжи. А чего, думает себе перспективный комсомолец, дело интересное, можно попробовать. Согласился.

Дело действительно оказалось крайне интересным, так как времена несколько изменились, подуло свежим ветром перестройки. Стали появляться коммерческие кафе, открывались коммерческие предприятия, было не только интересно, но и очень трудно – проблемы с документацией всякого рода, к тому же разрешительные постановления партии бежали зачастую впереди законов. К примеру, предприниматель по закону не мог купить 10 килограммов сахара...

Зигзаги и повороты судьбы во взбудораженной и поднятой перестройкой на дыбы стране следовали один за другим. Алексей Смирнов, которому к тому времени было уже за тридцать, поработал руководителем клуба порта, затем вновь вернулся к комсомольской работе, здесь его перевели в Абакан, в горком комсомола, где руководил молодёжным центром.

Шмат сала убедительней аплодисментов

Но – в 1991 году прекратил своё существование коммунистический союз молодёжи... Новое место работы – Хакасское отделение Российского фонда культуры. Здесь Алексей Иванович создаёт мультстудию. Работа чрезвычайно интересная, но требуется финансиру-

ние, которого катастрофически не хватает...

Новый поворот, в результате которого Алексей Смирнов становится заместителем директора театра «Никиген» («Полярная звезда»).

– Здесь у меня произошла интереснейшая встреча с хакасским композитором Николаем Тачеевым. Фильм был известным – «Хозяин тайги», в нём Тачеев играл одну из главных ролей. Мы подружились, и Николай Тачеев «организовал» мне новый поворот, – улыбается Алексей Иванович, – пригласил меня в национальную студию при Красноярском училище искусств. Интересная творческая работа с яркими личностями, одними из лучших в своей области искусств... Всё было захватывающим, внове и всё, как в молодости, в агитбригаде – мотались по всей Хакасии с гастрольями! Помнится, в деревне Мохово были с концертом: у нас свой оркестр, подключили, как всегда, аппаратуру – и во всей деревне вырубается свет! Целый час работал конференс без микрофона – истории, байки, анекдоты – настоящий моноспектакль пришлось сыграть! Выходить-то из положения надо... Как закончил – никто не аплодирует, обиделись, думаем, что ли?! Собираемся отчаливать, сконфуженные, – и тут несут: шмат сала, сметану, масло, куриц жареных! Гораздо убедительней аплодисментов!

Но – перестройка набирала обороты, рушились целые отрасли в стране, стало предельно ясно: творчеством семью не прокормишь... Алексей Смирнов делает новый крутой поворот: уходит в строительную компанию в Абакане.

– Тяжело было. Всё незнакомо, даже слова все непривычные: проект, форма-2, – с неохотой вспоминает Алексей Иванович время работы в строительной компании. – Однако дослужился до директора, пришлось потрудиться. Это же пресловутые лихие девяностые. Не раз являлись тёмные личности, «крышу» предлагали... Когда заработал ещё только первые десять тысяч долларов, понял: это не так уж и сложно, но что поразило – удовлетворения-то нет...

Куклы и кукловоды

При первой же возможности, хотя и были дела в строительной конторе прилично налажены, вернулся к основной профессии, когда предложили пост директора Театра кукол в Абакане.

– Поворот судьбы крутоват оказался: в театре ни главного художника, ни главного режиссёра, люди разбегаются – полтора года зарплата не плачена. Поехал в Питер, пригласил выпускников творческих факультетов, – Алексей Иванович вновь воодушевляется, вспоминая те тяжёлые, но упоительно вдохновенные дни. – Евгений Ибрагимов – в их числе. Он сейчас известный режиссёр, слышали? Ибрагимов поставил спектакль «Иуда Искариот» – первый спектакль для взрослых, на фестивале «Золотая маска» завоевавший первую премию. Ибрагимова я поставил главным режиссёром, он четыре раза принёс театру «Золотую маску». Международный кукольный фестиваль «Чирчиян» («Соль земли»), который проходит один раз в два года в Хакасии, Евгений Ибрагимов организовал – до сих пор проводится.

Театр кукол Алексея Смирнова участвовал в 1997 году в фестивале во Франции. В Шарлевиль-Мезьер – самый крупный после Пражского Международный институт театра кукол. На этом престижном фестивале театрам присваивается рейтинг-статус для гастрелей по Европе. На фестиваль съезжаются до 400 театров из 50-и стран мира.

– Юрий Фридман, известный российский режиссёр, ездил с нами, показали его спектакль «Кюрюсараг и змея», на основе хакасского эпоса. Особенность спектакля в том, что куклы изготовлены из натуральной кожи в рост человека, в них одеваются актёры. Фурор для публики! От России был театр Образцова, который привёз музейную выставку, и мы.

Поездку театра Алексей Иванович осуществил на личные средства, заработанные в строительной конторе. Вскоре, однако, произошёл дефолт,

деньги пропали, пришлось уступить обстоятельствам – ушёл из театра: «Было обидно, разумеется, но всё уже перекипело»...

Вернулся я на родину

– Какой, спрашиваете, следующий зигзаг? Их было ещё много! Поездил и по стране, и по миру – по работе приглашали, ставил спектакли. Часто менял обстановку, чтобы начать жизнь сначала...

В 2010 году Алексей Смирнов вернулся в Дудинку. «Вернулся я на родину...» В настоящее время Алексей Иванович – руководитель клубного формирования «Театральная студия при Дудинском Камерном театре». С огромным удовольствием проводит занятия с детьми. Особо терпеливо пестует юных актёров – детей с ограниченными возможностями здоровья в рамках проекта «Лабиринты души: терапевтические сказки». Студия Смирнова готовит спектакль по рассказам Виталия Бианки «Приключения Муравья Гоши», в котором участвуют дети 10-11 лет.

Алексей Смирнов участвует во всех спектаклях и постановках Дудинского Камерного театра, создавая на сцене колоритные незабываемые образы. Пишет стихи, но не печатается – из скромности. На стихи Алексея Смирнова пишет песни Сергей Сигуней.

– Мы с Сергеем Сигунеем учились вместе в культпросветучилище, только я на один курс был постарше. Сергей в то время написал романс «Огонь в окне» на мои стихи. На эти стихи написаны ещё три варианта песен, но Серёжин – самый популярный.

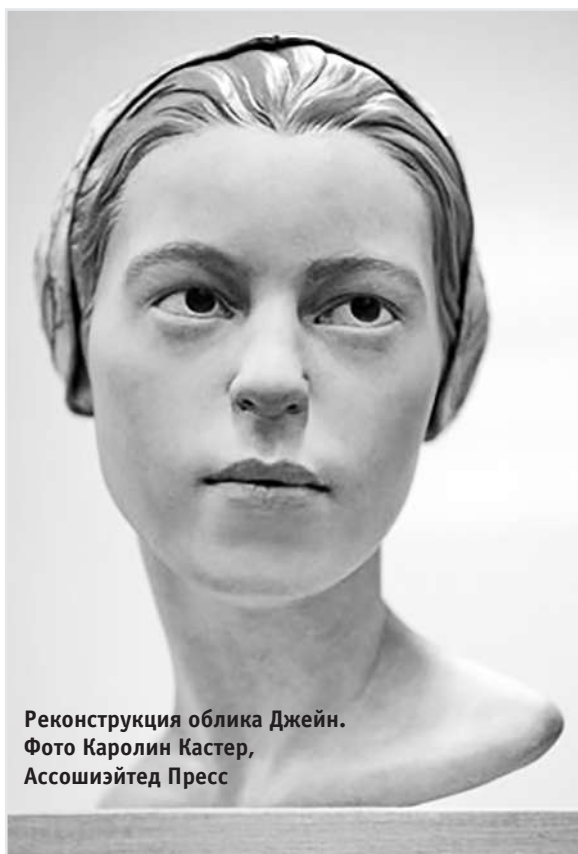
Алексей Иванович участвует в работе литературного клуба «Борей», где готовится к печати в альманахе «Северное сияние» его эссе «Четыре мелодии года». Жизнь и творчество продолжают. Так, может быть, закончились в книге судьбы Алексея Смирнова все неожиданные повороты и зигзаги, и началось, наконец, долгое путешествие по прямой – по восходящей прямой?..

Фото автора и
Александра СУПРУНЮКА

ПО СЛЕДАМ ТАЁЖНЫХ

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ

КАННИБАЛОВ

Реконструкция облика Джейн.
Фото Каролин Кастер,
Ассошэйтед Пресс

Вообще-то, тема давнего каннибализма, ритуального или в силу трагических обстоятельств и психических отклонений, уже основательно изучена, и я бы не хотел, чтобы авторы будущих книг и фильмов ужасов, вроде «Демона-парикмахера с Флит-стрит», только применительно к нашей Сибири, ссылались на мою публикацию, мол, видите, бывший археолог, а ныне писатель с двойной фамилией тоже решил пощекотать нервы читателей. Вовсе нет. Просто тема эта, прежде замалчиваемая, также имеет право на существование. Хотя, разумеется, каннибализм — явление ужасное, коему нет оправдания, и мало кому из россиян хотелось бы порыться в бранных останках своих соотечественников. Но приходится.

Итак, о давнем каннибализме в Сибири и Приамурье. Начну с чжурчжэней, которых в советские времена пытались противопоставить Китаю эпохи Сун, как неких борцов с окружающим экспансионизмом. Да, чжурчжэни сражались с соседними народами — киданями и ханьцами, одерживали победы, карали побеждённых, но потом удача изменила, и полководцы Чингисхана поголовно вырезали заклятых врагов, мстя за казнённых предков.

Никто из участников той кровавой драмы не был прав или виноват больше других, просто одни уцелели, а другие исчезли, и победители сохранили жуткие предания, изобразив врагов в самом зловещем свете. О чжурчжэнях китайские хроники сообщали, что «голод в их царстве был настолько ужасным, что воины в походах питались травой вперемежку с человеческой плотью, и пленников съедали целыми отрядами».

Поедали и самих чжурчжэней. И вообще каннибализм в древние времена случался повсеместно. Не была исключением и христианская Европа, где в средневековых хрониках сохранились упоминания о людоедстве в период голода, войн и эпидемий. А в «Хронике Фруассара» времён французской Жакерии даже детально описывалось, как бунтовщики, жестоко надругавшись над женой и дочерьми феодала, зажарили на костре и накормили человечинной «благородного господина, погубив его бессмертную душу», после чего растерзали и саму жертву.

На Руси такое тоже случалось, но в православной традиции существовал запрет на подробное описание зверств и каннибализма, и летописцы ограничивались фразой «насилие великое быть».

Археологи нынче могут точно установить, был ли убит и разделан тот или иной несчастный, а уж

судебные эксперты и антропологи тем более сведущи в этом вопросе, восстанавливая даже облик погибших.

В России основателем метода пластической реконструкции черепа был археолог Михаил Герасимов, ставший позднее криминалистом и антропологом, тот самый, что воссоздал облик Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тамерлана и других знаменитых правителей. В наши дни известен эксперт-криминалист Сергей Никитин, воссоздавший облик российских великих княгинь. Есть авторитетные специалисты и за рубежом. Кстати, американские антропологи сумели воссоздать скульптурный портрет четырнадцатилетней девушки, условно названной Джейн, жившей в легендарном Джеймстауне, первом населённом пункте англичан на территории будущих США. Подобные портреты первых колонистов тамошние учёные создавали и прежде, но в этом случае было установлено, что несчастная стала жертвой колонистов-каннибалов во время голодной зимовки 1609 года.

И в это же самое время, а именно в зиму 1612 года, сидевшие в московском Кремле польские

захватчики, доведённые до крайнего истощения и отчаяния, тоже решались на каннибализм, причём сохранились подробные записи, кто и кого съел, даже отец умершего сына.

Увы, и русские землепроходцы семнадцатого века, пришедшие на Амур, также отметились пусть и в редких, но случаях каннибализма. Это относится и к казакам Василия Пояркова, первыми из россиян спустившихся по великой реке и сумевших вернуться. Прежде поход Пояркова выдавался за успешный и даже подчёркивалось, что обошлось без боевых столкновений с местными племенами, но сейчас историки считают, что поход был неудачным, ибо оставшись без хлебных запасов и терпя страшные лишения, землепроходцы поедали останки умерших товарищей. С тех пор в преданиях местных племён упоминаются страшные бородатые «лоча», или «черти лохматые», безжалостные даже к своим сподвижникам.

Ещё более кровавым был поход Ерофея Хабарова, чинившего жестокою расправу даже над русскими дружинниками из своего и других отрядов. Конечно, кто-то может возразить, мол, у испанских и португальских конкистадоров в Америке руки тоже в крови. Да, те тоже были головорезами, казнившими порой даже своих священников, о чём сохранились записи, а, к примеру, жестокий идальго Лопе де Агирре, баск по национальности, прозванный «Бичом Божиим», и вовсе погряз в отрядных междоусобицах, наводя ужас на других командиров. И все эти люди, замечу, были фанатично верующими, творившими злодеяния с именем Божиим на устах. И вернувшись в Европу либо в Московию, как в случае с Ерофеем Хабаровым, надо полагать, замаливали грехи. Но о самом страшном, разумеется, помалкивали, разве что в бреду или пьяном угаре порой проговаривались.

Ещё упомяну оборону Албазинского острога, основанного Ерофеем Хабаровым, ставшую не только героической, но и с долгой блокадой и лютым голодом. Острог назывался казачьим, но это определение условно, поскольку отряды землепроходцев формировались из разных людей, в том числе и авантюристов, беглецов от закона. Сам Хабаров казаком не был, а являлся добытчиком «мягкой рухляди» и хищным предпринимателем, как его бы сейчас назвали, дерзко отметившись на Таймыре, в Якутском остроге, а уж потом и в Приамурье.

За свои злодеяния Хабаров едва не поплатился головой, но получил прощение от царя-батюшки и даже звание «сына боярского», то есть дворянского, чему способствовали щедрые пушные дары, награбленные в виде ясака, и то, что, дескать, «привёл новую землю под высокую государеву руку». Последний аргумент был решающим ещё со времён Ермака.

И в Приамурье Хабаров кроваво отметился больше других «служивых и вольных людишек». А храбрые защитники Албазинского острога и их командиры, чьи биографии уже неплохо изучены, конечно, достойны памяти, пусть даже горькой, только не надо разбрасываться словом «патриотизм», ибо люди эти были не только мужественными, но и заложниками трагических обстоятельств.

Памятник Ерофею Хабарову

Кстати, часть казаков-албазинцев, взятых в плен маньчжурами и позже зачисленных в гвардию богдыхана, сохранили православную веру, и когда спустя полтора столетия православные миссионеры, посетившие Пекин, пытались научить их потомков креститься тремя перстами, сурово ответили: «Нет, батюшки, будем креститься двумя перстами, как и наши предки». И это были старообрядцы, ещё не знавшие о церковном расколе.

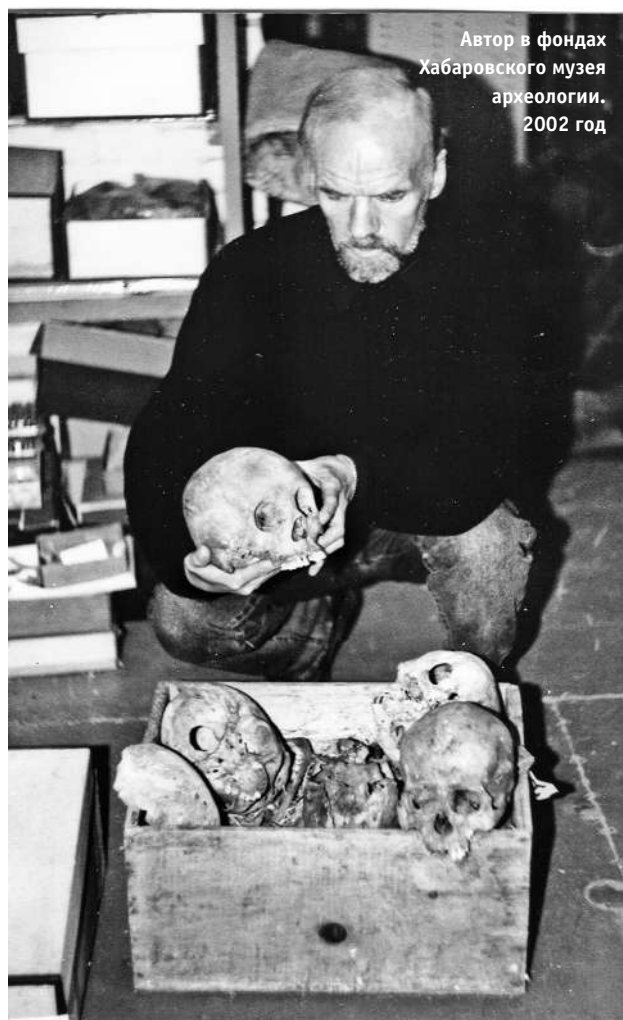
И о страшных подробностях Албазинской осады археологи узнают всё больше, исследуя многослойные погребения-скудельницы, где обнаруживают и следы расчленённой человеческой плоти, похороненной в общих могилах. Такое, увы, случалось во все времена, даже в блокадном Ленинграде и «сталинградском котле», где о случаях каннибализма среди солдат вермахта упоминали сами немцы.

История человечества вообще написана кровью. И уже упоминавшийся эпизод с реконструкцией облика несчастной девушки Джейн, съеденной английскими колонистами, я привёл не для того, чтобы кто-то цинично заметил, вот видите, американская нация изначально была людоедской, ибо такую же злую реплику могут адресовать и сибирским землепроходцам. Нет, речь не об этом, просто нужно честно относиться к истории, своей и чужой, и не замалчивать, не идеализировать её, как частенько поступали в недавние времена.

А поводом к этой публикации стал чрезмерно разрекламированный проект присвоения аэропортам «великих имён России», как он официально именуется. Не думаю, что нужно так вот, разом, переименовать крупные аэропорты, да ещё вынести это на «всенародное» голосование. Уж очень это напоминает практику советской поры. А в случае с тремя кандидатурами, предложенными для Хабаровского аэропорта, и вовсе становится горько, ибо идеализированные облики генерал-губернатора Муравьёва-Амурского, капитана Невельского и землепроходца Хабарова далеки от реальности.

Ну да, это были яркие личности, оставившие след в истории, но если подойти объективно и с учётом научных данных, то и всеильному Николаю Муравьёву, ставшему графом Амурским, можно поставить в вину самовольное присоединение к России новых земель, вызвавшее затяжной конфликт с Китаем, и даже конкретные примеры служебной безалаберности, когда по вине Муравьёва и его подчинённых произошёл ряд трагедий, вроде страшных зимовок казаков на Усть-Зейском посту, где нынче город Благовещенск, и матросов в заливе Хаджи, ныне город Советская Гавань, где умерли голодной смертью десятки служилых людей. Сейчас бы за такие просчёты Военная прокуратура и Следственный комитет России возбудили бы уголовные дела, но тогда это было в порядке вещей. И сейчас в Хабаровске лихо показывают романтический спектакль о графе Муравьёве-Амурском, подражая знаменитому мюзиклу «Юнона и Авось».

Почему бы заодно не напомнить и о горькой

Автор в фондах
Хабаровского музея
археологии.
2002 год

участи храброго морского офицера Николая Бошняка, отправленного капитаном Невельским в тот самый залив Хаджи, где чудом уцелел и не в силах помочь умирающим матросам, бедняга тронулся умом и, вернувшись в своё дворянское имение, проклял царские власти и расстрелял из ружья иконы, после чего загремел в психушку и уже будучи в итальянской клинике, покончил с собой.

Капитан Геннадий Невельской тоже не без греха, хотя все упомянутые – люди мужественные, пусть даже авантюристы, но служившие Отечеству. И воздавая должное, не надо их идеализировать и лепить слащавый портрет, ибо история не нуждается в глянце.

Что касается названия Хабаровского аэропорта, то оно, скорее всего, будет в честь Ерофея Хабарова, растиражированного в памятниках, спортивных аренах и даже в брендах хмельных напитков. Только надо иметь в виду, что пропагандистский флёр, коим окутали этого безжалостного землепроходца, не имеет ничего общего с реальной фигурой, и будущее название, как и величественный памятник у железнодорожного вокзала, это в честь русских землепроходцев вообще, познавших на себе всю боль и горечь таёжных походов.

г. ХАБАРОВСК

СИНДРОМ

ПЛЕНИТЕЛЬНОЙ

ЗВЕЗДЫ

Сибирь, консерватор Пушкин и «братья по разуму»

Духовно-нравственные кризисы общества чаще всего приводят к различным абсурдным идеям, одна из которых в её современном виде – так называемый «православный социализм». Сегодня его сторонники пытаются реанимировать практику советского равенства и братства, забывая при этом отечественную историю с её жгучими донельзя страницами.

Во что этот странный прожект может вылиться, хорошо видно на примере тех выдающихся соотечественников, которые лишь в молодости воспевали свободу, равенство и братство, а потом у них естественным образом наступало прозрение:

«В сущности, неравенство есть закон природы. Ввиду разнообразия талантов, даже физических способностей, в человеческой массе нет единообразия; следовательно, нет и равенства. Все перемены к добру или худу затевало меньшинство; толпа шла по стопам его, как панургово стадо...»

Речь, конечно, об Александре Сергеевиче Пушкине, который высказал эти сокровенные мысли в беседе с «музой русской литературы» – влиятельной фрейлиной императорского двора Александрой Смирновой-Россет. Столь неожиданное признание стало для нашего национального гения своего рода отречением от грехов либеральной молодости – пресловутых идей мартинизма, чрезвычайно популярных для «дней Александровых прекрасного начала».

Откровение дневника

В данном случае для классика русской литературы уже как будто и не существовало дневниковой записи, сделанной им в 1821 году: «4 мая был я принят в масоны». Скрывать этот факт биографии тогда не имело смысла: тайные общества ещё не запретили (какой-то год с гаком оставался), и по России-матушке их и впрямь набралось бы немало. Что характерно, и отец и дядя Александра Сергеевича состояли в вольных каменщиках более высокой степени членства (не какие-то там ученики, как дражайший сын и любимый племянник).

А конкретно с поэтом всё ритуальное случилось в Кишинёве: начальственный генерал-лейтенант Иван Инзов, наместник Бессарабской области, а также прочие члены масонской ложи хорошо подсустились, чтобы завлечь в расставленные сети столичного чиновника-стихотворца, угодившего за вольнодумство в южную ссылку (а грозила даже Сибирь).

Кишинёвская ложа «Овидий» во многом была фор-

мальной, временной, она вскоре прихлопнулась, зато последующая дружба с Василием Давыдовым и приезды Пушкина в Каменку (фамильное имение декабриста под Черкассами), ничего хорошего в перспективе не обещали. Правда, сами заговорщики из «Союза благоденствия», а потом и Южного тайного общества рассматривали Пушкина скорее как литературный антураж их конспиративных встреч...

В декабре 1825 года, за два дня до восстания, поэт на свой страх и риск засобирился из сельца Михайловского в Санкт-Петербург и оказался бы на Сенатской площади (не вопрос), но по счастливой случайности путь ему вдруг преградил выскочивший из лесочка заяц. Судьбоносный такой зверёк из русских народных сказок, хоть и порядком трусоватый.

Теперь, с учётом «вновь открывшихся обстоятельств» по декабризму и косвенному участию в нём поэта, программное (для школ, разумеется) «Послание в Сибирь» выглядит уже совершенно по-другому – как масонское воззвание со всей сопутствующей атрибутикой. Ещё бы, ведь... «темницы рухнут – и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут»!

На мече и Библии вольные каменщики, устремлённые в Храм Премудрости, клялись вершить справедливость, а хладный клинок, вынутый из ножен, выступал как знак непрестанной борьбы – за будущую власть над миром, прежде всего. На рукояти этого оружия красовалась пятиконечная пламенеющая звезда – эмблема масонства, миссия которого на бескрайних просторах Российской империи заключалась в мистической трансформации православия с последующей его заменой на новую всемирную «религию братства» (Михаил Филин). В начале XX века масонский журнал «Акация», выходящий во Франции, открыто утверждал, что масонство есть антицерковь, церковь ереси, и это была по сути своей настоящая самореклама: ересь, как и всякий дурной пример, весьма заразна. Но масонам даже и не снилось, что их пятиконечный символ уже вскоре возьмут на службу прагматичные большевики и партию верных марксистов-ленинцев создадут по такому же принципу подпольной, хорошо законспирированной организации людей избранных.

Сколько же, оказывается, потаённого смысла заключалось в той самой «звезде пленительного счастья», которая воспета советским кинематографом (на определённом жизненном этапе в неё почти безоговорочно верилось и Пушкину-поэту)! Да и мы, благодарные

зрители, тоже ведь клюнули на эту приманку, очарованные прекрасным подбором актёров и романтическим сюжетом кинокартины режиссёра Владимира Мотыля.

Разумеется, пушкинское послание было чисто умозрительным, поскольку сам поэт о реальных деталях даже представления не имел. Как убеждает нас сегодня писатель-историк Валерий Шамбаров, условия труда для вчерашней элиты были в далёкой Сибири во многом щадящими. На читинских рудниках, к примеру, декабристы трудились не более трёх часов. Всё остальное время непрерывно «перевоспитывались», читая по вечерам «политическую тайнопись», скрытно дошедшую в «каторжные норы» от первого поэта империи.

Наказание за отступничество

Считается, что «Послание в Сибирь», написанное в конце 1826 года, – это зашифрованный намёк на грядущие послабления для декабристов. Поэт уже встречался с императором Николаем Павловичем, имел с ним долгую и доверительную беседу, но всё же принял желаемое за действительное: для «братьев по разуму», как именовали друг друга масоны, никакой политической амнистии не предвиделось. Выходит, поэт всё ещё плыл по течению?

Но дневниковые записи Пушкина свидетельствуют: модной болезнью молодости он уже не страдал, выработав к организованному русскому бунту стойкий иммунитет. Особенно это чувствуется после создания «Истории Пугачёва». Новый самозванец, как известно, ещё в турецком плену, в Дубоссарах, был сподвигнут на «цветную» революцию в России, а ведь Пушкин дотошно трудился над архивными документами и не мог не знать о роковых последствиях французского инструктажа.

Исследуя хитросплетения людских поступков, Александр Сергеевич умозаключал в своём дневнике: *«Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиавелли, великий знаток природы человеческой). Глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала».*

Пушкин солидарен с великим итальянцем: чисто психологически в обществе потенциально больше оппозиционеров, чем охранителей, тех, кто способен петь дифирамбы власти предрежащим. Вот почему критиковать верхи всегда легко, даже при условии, что злонамеренный бузотёр не отличается какими-то особенными умственными задатками.

Есть в дневниках поэта довольно любопытный афоризм: «Зависть – сестра соревнования, следовательно, из хорошего роду». Представлю, как тут могут ухватиться за оставленную гением соломинку наши поклонники постмодернизма, кто шагу в творчестве не сделает без малейшей иронии. Но у великого Пушкина «низкие истины остаются на страницах записных книжек», о чём заметил русский философ-эмигрант Георгий Федотов («Певец империи и свободы»). А на листы завершённых произведений недостойные мысли не выплещиваются, как бы со временем ни менялся мировосприятие поэта.

Контуры этой мировоззренческой эволюции, считал парижский мыслитель, обрисованы с помощью ближайшего друга Пушкина (Петра Вяземского, конечно). Именно князь Пётр назвал политическое направление поэта зрелых лет не иначе, как «свободный консерватизм».

«Никогда, ни единым словом он не предал друзей своей юности – декабристов – как не отрёкся от А. Шенье и от Байрона, – особо подчёркивал Федотов. – Никогда сознательно Пушкин не переходил в стан врагов свободы и не становился певцом реакции».

В таком случае становится понятен поступок князя Петра Вяземского и поэта Василия Жуковского: это они положили в гроб «уснувшего» товарища пару белых масонских перчаток. Сделали всё тайно и уже после православного обряда отпевания.

Тем самым «клятвopеступник» Пушкин был не только наказан масонами (явное подстрекательство к дуэли на Чёрной речке члена французской ложи Луи Геккерн), но и прощён ими после смерти. Вопреки собственной воле он был всё-таки возвращён в лоно всецельной секты! На словах воспевая свободу, равенство и братство, вселенская тайная организация пыталась не просто подменить церковь – вольная братия выступала как самая настоящая инквизиция, наказывая отступников безжалостным образом, вплоть до физического уничтожения.

Уж не прообраз ли небезызвестных тайных лож видится у нас тем новоявленным идеологам, которые столь рьяно отстаивают идеи православного социализма, подкреплённые верой в единственно правильные действия вождя и его ближайших сподвижников по партии?

Дорогой товарищ Сталин, мы это в нашей стране уже проходили, и чем всё закончилось, хорошо знаем...

Николай ЮРЛОВ

г. КРАСНОЯРСК

Борис САВЧЕНКО

РЕНЕССАНС ПОД КОНВОЕМ

ЛЕОНИД ВАРПАХОВСКИЙ И МАГАДАНСКИЙ ТЕАТР

Л. Варпаховский

Известный режиссёр Леонид Викторович Варпаховский поставил на магаданской сцене около тридцати пьес и организовал примерно такое же количество концертных программ. Учитывая всё это, можно с полной уверенностью говорить, что именно в колымский период, несмотря на известные трудности, сформировались основные творческие принципы Варпаховского, произошло становление его как большого, незаурядного мастера сцены.

Но прежде, хотя бы в телеграфном ключе, вспомним немного его биографию.

Осенью 1925 года Леонид Викторович сдает экзамены в ГЭКТЭМАС (Государственные экспериментальные театральные мастерские имени Мейерхольда). Принимал абитуриентов сам Всеволод Эмильевич – в здании Зимнего театра в саду «Аквариум». В числе немногих Варпаховский прошёл на второй тур, но после показа этюдов

провалился. Однако он не отчаивается и поступает в Московский университет на филфак, а затем переходит на факультет теории и истории искусств. Одновременно он создаёт свой музыкальный ансамбль. На афишах двадцати городов он именовался ПЭКСА – Первый экспериментальный камерный синтетический ансамбль.

Окончив МГУ, в 1931 году Варпаховский приходит работать в Московский центральный ТРАМ. Здесь же он начинает пробовать себя и как художник (над декорациями к «Тревоге» он работал вместе с Кукрыниксами).

Ещё в университете Леонид Викторович проявляет склонность к аналитической работе, делает попытки теоретического осмысления наиболее интересных для него произведений. После его блестящей статьи «О Вишневском (опыт анализа творческой лаборатории)» («Знамя», 1933, № 7) Мейерхольд принимает Варпаховского к себе в театр, определяет на должность научного сотрудника.

В 1935 году Варпаховский поступает на актёрский факультет училища при театре имени Вахтангова, где принимается за основательное изучение работы Станиславского с актёрами. В это же время он начинает разработку собственной методики записи спектаклей, ставя задачу как можно более длительного сохранения сценической жизни той или иной постановки.

«Гроза пришла оттуда, откуда я не мог ожидать для себя никакой беды, – писал в 1941 году Варпаховский в жалобе «Верховному прокурору СССР». – Я был женат на Аде Абрамовне Миликовской – также артистке (пианистка, аспирант Московской консерватории). Дядя Ады Абрамовны – Матвей Абрамович Хаит, будучи в то время членом ВКП(б) – был также троцкистом. Я знал о существовании этого дяди, видел его три-четыре раза, но никакого отношения к нему не имел и тем более не имел с ним никаких отношений. Это был 70-летний старик. Никогда при наших случайных встречах он не делал попыток завести со мной какой-нибудь политический разговор, т.е. совершенно не интересовался мною. О том, что он троцкист я узнал из разговоров о нём в нашей семье, разговоров чисто бытовых...»

22 февраля 1936 года я неожиданно подвергся вызову в НКВД, где мне предъявили совершенно нелепые обвинения: оказывается, я вёл вместе с

Хитом контрреволюционную деятельность, печатал листовки на стеклографе и распространял их. Я не думал, что на основании чьих-то диких предположений человек может быть осуждён. Однако 4 апреля 1936 года Особое совещание НКВД приговорило меня к трёхлетней ссылке в Казахстан за «содействие контрреволюционному троцкизму».

**На Чёрной речке
Дальлага в том же
бараке, где он ожидал
парохода в Магадан, за
стеной умирал
Мандельштам.**

Прибыв туда, я стал работать в Алма-Атинском государственном театре русской драмы и за короткое время создал этому театру славу, о чём говорю с гордостью, т.к. получил в то время от правительств в Казахстане почётную грамоту.

Я уже почти примирился со своей ссылкой, ко мне приехала семья, и я ждал, что недоразумение кончится само собой. Однако оно получило неожиданное для меня трагическое развитие. Это был 1937 год. Ссылных арестовывали буквально всех, и я был одним из последних в этой очереди. Меня арестовали 18 ноября 1937 года. Тут уж я отказываюсь говорить о каких-нибудь законных мерах по отношению ко мне. Всё, что мне говорили о моих преступлениях, было сплошным вымыслом...»

По приговору алма-атинской «тройки» Варпаховский получил 10 лет заключения в лагерях. Была арестована и его жена, в 1938 пропавшая без вести в недрах ГУЛАГа.

Сам Леонид Викторович считал, что над его судьбой всегда светила счастливая звезда. Что ж, если факт пребывания в лагерях миллионов советских людей считать само собой разумеющимся и за точку отсчёта взять момент незаконного ареста, то в дальнейшем действительно не возникали ситуации, когда в жизнь Варпаховского вмешивались, казалось, божественные силы и спасали его от неминуемой гибели. Не уничтожили сразу же как «врага народа». А ведь его учитель Мейерхольд был расстрелян (хотя и пытался спасти свою жизнь доносами на других).

Из Казахстана Варпаховского этапировали сначала в город Свободный (каково название!). По дороге ему удаётся бросить записку: «Мамочка, в день моего тридцатилетия меня везут в город Свободный, откуда не возвращаются». А вверху он приписал: «Прохожий, опусти это письмо в почтовый ящик». В отличие от официального обращения эта прощальная весточка дошла до адресата. Его мать экспансивная, темпераментная женщина прямо-таки прорвалась в приёмную Вышинского и устроила истерику в кабинете. Только чтобы отвязаться от несчастной женщины, вельможный глава юстиции послал запрос в Свободный. И там решили, что Варпаховский, очевидно, ещё нужен для какого-то процесса, и только потому его не расстреляли. По словам Леонида Викторовича, из восьми тысяч человек,

Варпаховский в Усть-Омчуге

находившихся в том лагере, в живых осталось около тридцати.

Ему сказали, что его отправят в более «комфортабельный» Севдорлаг, что в районе Котласа, а на самом деле повезли в другую сторону. К Тихому океану.

На Чёрной речке Дальлага в том же бараке, где он ожидал парохода в Магадан, за стеной умирал Мандельштам. А когда вместе с другими «платёрками», Леонид Викторович поднимался на борт, то сам вконец ослабевший, тащил за собой больного писателя Юрия Домбровского. Охрана не церемонилась: доходягу, не способного двигаться, охранник мог штыком столкнуть с трапа в воду или просто-напросто пристрелить.

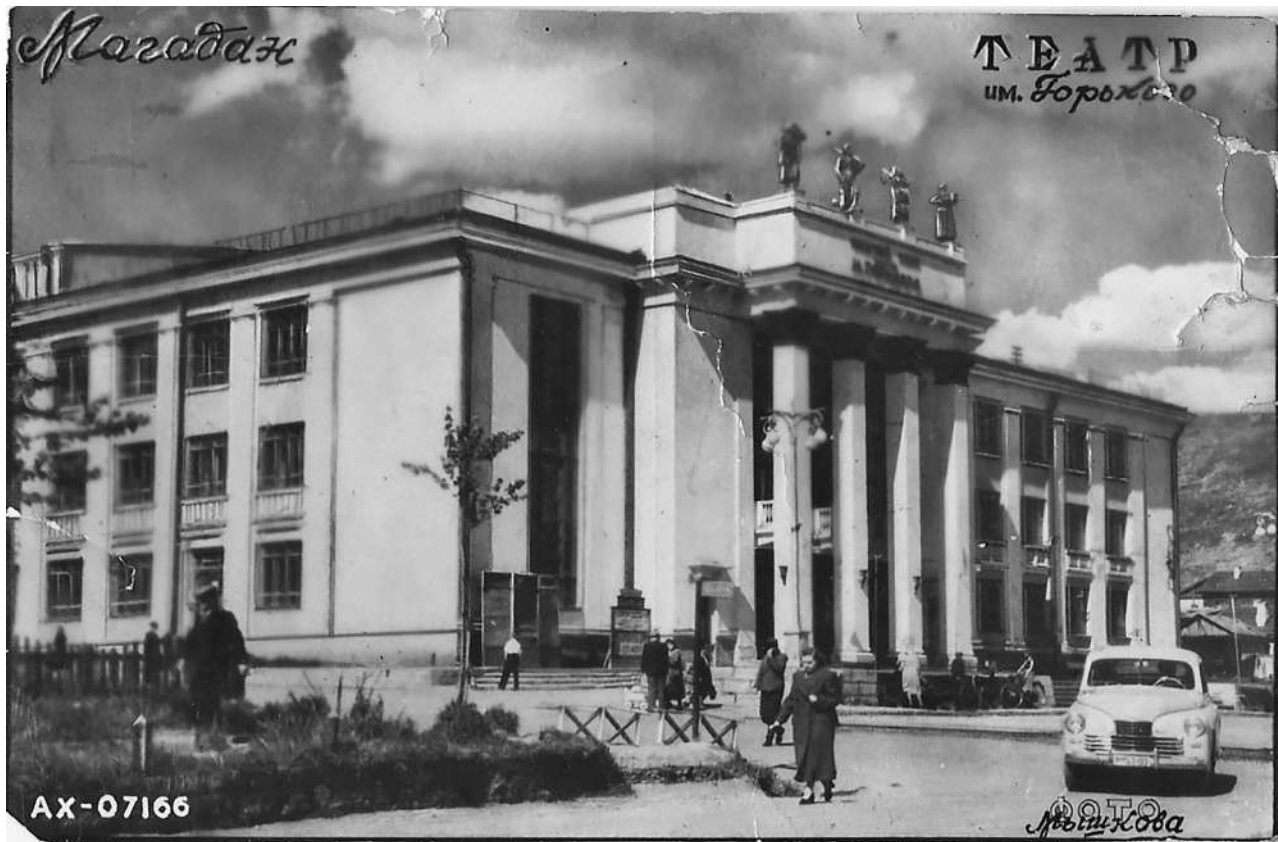
Варпаховский попадает на Колыму, в так называемый Севлаг УСВИТЛа Дальстрою, в посёлок Ягодный. Его трудовые будни начались здесь в одном из самых тяжёлых и жестоких лагерей – Джелгале.

Шла война, требовалась колоссальная помощь фронту, и в недрах ГУЛАГа созрела идея создания в исправительно-трудовых лагерях своеобразных культбригад, так сказать, культурных очагов для поднятия с помощью искусств патриотического настроения заключённых и следовательно повышения производительности труда. Культбригада – это уже другой уровень жизни ээка. Помимо прочего, более калорийное питание, более тёплый барак, избавление от рабского труда и относительная свобода: никто не тычет тебе в спину винтовкой, мол, работай веселей. Но не дай Бог, если разоблачали, что у тебя никакого таланта и ты прорвался просто на халяву, всё – каторжный труд в шахте или на урановом руднике гарантирован.

Одна из бывших артисток балета (или «кониюшны», как называли в театре хореографическую группу)

рассказывала мне: «Когда приходили новые этапы, то всегда устраивали просмотры артистов, которые прибывали с ними. Естественно, нас старались туда не пускать, но мы какими-то путями туда пробирались и тихонько смотрели. И, поверьте, было на что! Вышла на сцену импозантная и красивая женщина, сказав, что она оперная певица, Объявила что она будет петь, оркестр заиграл... Когда она запела, мы от ужаса и смеха залезли под скамейки. После этого на сцену вышла Аня Янкович – я её раньше слушала по радио – в телогрейке и ватных штанах, валенках, видимо 42 размера, с задранными носами, и под баян запела... Боже мой, что это был за голос! Мы больше не видели ни ватных штанов, ни телогрейки

Однажды Леонид Викторович прослышал, что в десяти километрах, в соседнем лагере находится культбригада, в которой будто бы есть настоящие актёры. Испытание увидеть их оказалось сильнее страха нового наказания. За проход через вахту без разрешения его ожидал в лучшем случае карцер. А могли и пристрелить, как за попытку к бегству. Но он пошёл. Поднял воротник бушлата и направился к выходу из лагеря. Вахтёры решили, что раз он выходит, то, значит, имеет право, и не задержали. Психологический расчёт Леонида Викторовича оказался точным. Точно так же он, пройдя десять километров, попал и в другой лагерь. Когда он открыл дверь барака самодеятельности, его первым чувством было

– все слушали с упоением. Она пела ничуть не хуже, чем потом Зыкина. Выступала она всегда в сарафане с кокошником... Потом вышел парень на сцену, сказал, что он танцор Кировского театра в Ленинграде. По внешности явно цыган. У него спросили: будете танцевать классику или характерные танцы? Только классику, говорит. Оркестр начал наигрывать музыку из общеизвестных балетов. Ему не нравится. Может, что-нибудь из Чайковского? Тоже не подходит. Тогда ему предложили самому напеть, что ему подходит. Он напел по-блатному: ла-ти-ди-та-ди-тай, ла-ти-ди-та-ди-тай...И начал бить себя по груди и отплясывать чечётку. Мы все рыдали вместе с суровым начальством. И долго потом вспоминали и «оперную певицу» и этого «танцора». Я не осуждаю этих людей, они хотели спастись от общих работ и потому хватались за соломинку, бедные...»

ошеломление: чисто, светло, натоплено. На длинном столе чайник и кружки с чаем. И много-много хлеба. Лафа! На стене коврик с лебедями. Блатные на верхних нарах играют в карты.

Когда они увидели его, то громко расхохотались: «Артист пришёл наниматься». Вид у Леонида Викторовича был такой ужасающий, что на артиста он действительно мало походил. К нему приблизился человек, производивший впечатление опустившегося интеллигента: «Вы что, имеете отношение к театральному миру?» – «Да». – «А кто вы будете? Моцарт или Гамлет?» Такое у них в обиходе было распределение амплуа: актёры назывались Гамлетами, музыканты – Моцартами. Варпаховский подумал и ответил: «Пожалуй, я – Гамлет». – «Ну хорошо, с вами сейчас поговорят. Юра, иди сюда, побеседуй с артистом». Вперёд вышел другой человек, с отёкшим землестым лицом, видно новичок в культбригаде. Сказал

«присаживайтесь» и стал задавать Леониду Викторовичу всякие каверзные вопросы. Например, такой: «Как вам нравится актриса Гельцер из Малого театра?» Варпаховский не растерялся: «Она же балерина и работает в Большом театре». Скоро человек с отёкшим лицом убедился, что перед ним действительно профессиональный театрал. «А кем вы работали?» – «Я был научным секретарём у Мейерхольда». – «Вот вы и попались. До сих пор вы говорили правду, а сейчас солгали. Секретарём у Мейерхольда был мой приятель Варпаховский Леонид Викторович». – «А вы кто?» – «А я Юрий Кольцов, мхатовский актёр». – «А я Варпаховский». Они не узнали друг друга. Кольцов встал, подал ему ломоть хлеба: «Лёня, ешь». И отвернулся.

Вскоре Варпаховского, по ходатайству худрука Аркадия Школьника (репрессированного украинского журналиста) и при помощи одного из руководителей района Владимира Ефимовича Фейгина переводят в этот, показавшийся раем, лагерь.

К 26-й годовщине Октября Леониду Викторовичу и Школьнику приказали организовать какой-нибудь концерт. Варпаховский даже расстроился. Все эти выступления с блатными, которые кроме чечёток и частушек, ничего предложить не могли, ему уже надоели. Не было никаких материалов, не было нот, не было наконец и исполнительниц женских ролей, ведь лагерь-то мужской.

Школьник предлагает: «Давай напишем композицию «Днепр бушует» – об освобождении Киева от фашистов».

Леонид Викторович говорит: «Хорошо, мы сделаем спектакль, а Киев не освободят, что тогда? Нас в лучшем случае пошлют на урановые рудники, а могут и расстрелять за такую насмешку». Школьник настаивает: «Поверь моему журналистскому опыту. Слежу за газетными сводками и просто печёночкой чувствую, что к годовщине Октября Киев будет освобождён».

Композицию написали в стихах. В политико-воспитательной части нашли «Героический этюд» Шопена, Леонид Викторович переложил его для небольшого оркестра, который должен был сопровождать представление.

В программе праздничного вечера первым номером шла торжественная часть по поводу выполнения плана по добыче золота. А после этого намечалось выступление артистов. Посадили участников спектакля на грузовые машины, повезли в клуб, а они в смятении и ужасе: что делать, ведь Киев не взят! По дороге начали судорожно переделывать текст, меняя время и место событий, толково исправить не удаётся – текст-то в стихах. Положение катастрофическое.

Кончается торжественная часть. И тут на сцену выходит начальник Северного управления Дальстроя и говорит: «Товарищи, только что доблестные войска нашей Красной Армии освободили город Киев!» Леонид Викторович рассказывал, что ни одна постановка в его жизни не имела такого успеха, как «Днепр бушует». Люди

в зале кричали «Ура!», «Браво!», кидали шапки на сцену.

За два дня, 7 и 8 ноября, Школьник пишет эпилог – герои пьесы действуют уже в освобождённом Киеве. Когда полковник Драбкин из УСВИТЛА снова приехал в Ягодное и ему показали спектакль, он сказал начальнику Севлага: «Подайте документы на досрочное освобождение Школьника». А за Варпаховским позже приехала чёрная «эмка» и увезла его в Магадан, где он стал худруком культуры Маглага.

Любопытна судьба этой серой тетради с отпечатанной на плохонькой машинке пьесой «Днепр бушует», с пометками и исправлениями Школьника и Варпаховского. Долгое время после освобождения Школьника она хранилась у него дома, сначала в Магадане, потом в Харькове. Спустя несколько десятилетий настал период, когда я собирал материалы о репрессированных артистах Маглага и волею судеб встретился в Москве с сыном Школьника. Узнав, что я готовлю очерк об его отце, он подарил мне эту тетрадь, а я, спустя некоторое время, передал её в Магаданский краеведческий музей, там она, должно быть, и хранится по сей день.

Однако зададимся вопросами: кто же оказался таким всесильным благодетелем режиссёра Леонида Варпаховского, и что собой представлял театр, в котором ему пришлось работать около десяти лет?

Рождение магаданского театра (его ещё потом долго именовали Домом культуры) принято относить к 6 ноября 1938 года, когда на сцене клуба НКВД состоялась премьера спектакля «Любовь Яровая». Но собственного здания театр ещё не имел. В том же году политотдел Дальстроя принимает решение о его строительстве и присвоении театру имени Максима Горького в связи со второй годовщиной смерти писателя.

Строительство будущего Дома культуры шло ускоренными темпами, и уже 5 октября 1941 года, в день открытия театра, с его сцены торжественно прозвучала литературно-музыкальная композиция «За Родину!». Проект театра был выполнен архитекторами Е. Симовым (сыном известного театрального художника В. Симова), П. Поляковым и конструктором В. Дроздовым. Очень удачно проектировщики решили проблему распределения внутренних объёмов и площадей сооружения, разместив в предложенных габаритах основную сцену с оркестровой ямой и зрительным залом на шестьсот мест, просторное фойе с буфетом, многочисленные кабинеты, гримёрные, библиотеку, лекционный и репетиционный залы и различные хозяйственные помещения. Для выполнения задания Маглаг отрядил лучших строителей, каменщиков, отделочников, художников, столяров, мобилизованных со всей Колымы.

«Хорошо, мы сделаем спектакль, а Киев не освободят, что тогда? Нас в лучшем случае пошлют на урановые рудники, а могут и расстрелять за такую насмешку»

Концерт культбригады. Справа на плечах партнёра - К. Шахт

Для горожан, редко посещавших или вовсе не ходивших в театр, основная его достопримечательность заключалась в скульптурных фигурах воина, колхозницы, шахтёра и работницы, установленных на фронтоне здания. Генерал Иван Фёдорович Никишов, начальник Дальстроя, потом говорил в узком кругу гостям с материка, робко отказывавшимся от предложенной рюмки: «Знаете, кто у меня не пьёт на Колыме?» – и, выдержав паузу, со смехом выдавал ответ: «Четыре фигуры на ДOME культуры!» Фраза стала известной и в качестве колымской загадки предлагалась всем вновь приезжающим.

Вообще, к искусству, к театру в частности, Никишов был равнодушен. Но тут в ход событий вмешалась воля Всевышнего.

В начале лета 1940 года Иван Фёдорович отправляется в ознакомительную поездку по Центральной трассе – проинспектировать колымские посёлки, убедиться в надлежащей готовности горняков к очередному промысловому сезону. В одной из приисковых контор он увидел молодую пышную брюнетку и сразу почувствовал биение сердца. Взгляд синих глаз незнакомки так взволновал его, что поначалу Иван Фёдорович просто растерялся.

«А почему вы тут работаете? – спросил он. – Помещение какое-то тёмное... Нет, тут вам никак нельзя. После обеда зайдите, пожалуйста, в дирекцию».

Незнакомкой, очаровавшей сорокашестилетнего генерала, была Александра Гридасова – горный мастер, комсомолка, приехавшая осваивать богатую золотом Колыму. Она прибыла на том же «Феликсе Дзержинском» тремя месяцами раньше Никишова. С ходу попыталась устроить свою судьбу и выйти замуж за начальника политотдела Южного управления – не получилось, дальше короткого романа дело не пошло. И вот Божий перст. Александра Романовна сразу поняла, что сулит ей знакомство с Никишовым, и потому уговоривать себя не заставила...

Гридасову немедленно переводят в Магадан, в систему УСВИТЛА, где она энергично берётся ковать своё счастье. Для начала вступила в партию, потом

стала методично терроризировать Юлию Ивановну, жену Никишова. Посылала ей анонимные записки, звонила по телефону: «Если ты, старая росомаха, не уберёшься отсюда, я сверну тебе шею!» На улице к Юлии Ивановне подходили неизвестные лица из числа расконвоированных уголовников и тихо грозили расправой. Несколько раз Юлия Ивановна обращалась с жалобами в прокуратуру и в Политуправление, ей сочувствовали, но помочь ничем не могли. В конце концов она потребовала от Никишова окончательного решения. Иван Фёдорович выбрал Гридасову, сказав жене: «Это моя лебединая песня». Юлия Ивановна собрала вещи и уехала в Москву. А Иван Фёдорович, спросив у Сталина разрешение, официально расстался с прежней семьёй и вступил в новый брак.

Никишов подобрал Гридасовой должность, вполне соответствующую её новому положению: она стала начальницей Маглага, объединявшего целый комплекс городских лагерей – как мужских, так и женских; её облегающую грудь гимнастёрку украсили лейтенантские погоны. Формально Александры Романовна подчинялась начальнику УСВИТЛА полковнику Драбкину Эвелю Иделевичу, прозванному за свой характер Идолевичем, но на деле была предоставлена самой себе.

По характеру Гридасова была женщиной доброй, но сумбурной и взбалмошной, и оттого – иногда – очень жестокой: могла беспричинно выругать человека, могла заслать его на лесоповал, зная, что он там неминуемо погибнет. Власть её действительно была велика, и про них с Никишовым ходила по Колыме поговорка: «Чего не сделает генерал-лейтенант, то сделает лейтенант».

В особенности театрального производства она особо не вникала, понимала, образование не то, под стать ей назначались и часто менявшиеся директора театра: старшие лейтенанты, капитаны, отставники СМЕРШа, а то и просто начальственные дамы.

О профессиональном уровне таких руководителей можно судить хотя бы по одному примеру. Художник Вегенер рассказывал мне, как только что назначенная директриса, в свиту которой попал и он, обходила свои новые владения.

Её сопровождали также завхоз театра и художественный руководитель Георгий Николаевич Кацман. Дама уже заканчивала осмотр, как вдруг в фойе на глаза ей попался один портрет. Подошли ближе. «Это ещё что за художество?!» – её возмущению не было предела. «Где? Что?» – спрашивают. «А вот эта картина. Кто посмел повесить в театре какого-то пьяного мужика?» Завхоз наклоняется к Кацману: «Георгий Николаевич, что это за мужик такой?» Кацман отшутился: «Я не в курсе дела». А директриса распалилась не на шутку: «Позор! Немыслимая опухшая физиономия с рачьими глазами. Да ещё в больничном халате. Кто это придумал? Снять немедленно! Нечего ему тут висеть!» Георгий Николаевич, деликатнейший человек, подошёл к ней поближе и тихо так произнёс: «Успокойтесь, пожалуйста. Это, собственно, не пьяный мужик, а композитор Мусоргский. Копия с портрета Репина, сделанная художником Шухаевым». «Мусоргский?! – опешила дама, – Ну, конечно же, я знаю его. Великий русский композитор. Но неужели нельзя было изобразить его как-то по-человечески, а не в таком неприглядном виде?»...

Компетенция компетенцией, это дело серьёзное и по этой части у Гридасовой в той же культбригаде имелись советчики и помощники весьма профессиональные. Но театр Александра Романовна любила по-своему, безинтеллигентского шойла, искренне, как её душа принимала. Любила слушать, когда красиво поют, танцуют, играют. Вот, к примеру, когда до Магадана дошла весть, что туда в качестве заключённого должны доставить известного эстрадного певца Вадима Козина, от голоса которого млела вся женская половина СССР, Гридасова сразу же взяла это дело под свой особый контроль.

«Советская Латвия» ошвартовалась у нагаевского пирса в канун Октябрьских праздников – 4 ноября.

В порту Вадима Алексеевича ждала легковая машина – Гридасова знала о дате прибытия этапа и заранее запланировала участие певца в праздничном концерте. Вечернее выступление Козина в городском театре должно было стать сюрпризом для зрителей и, конечно же, гвоздём праздничной программы.

Остальных «пассажиров» «Советской Латвии» на причале встречала рота вохровских автоматчиков с собаками, чтобы пешим порядком препроводить в магаданскую «транзитку».

Однако был у Александры Романовны и существенный недостаток – не любила она литературу, писателей считала «контрреволюционерами», поэтому и не повезло на Колыме ни Жигулину, ни Домбровскому, ни Шаламову, ни многим другим. А вот, прознав об удачной постановке «Днепр бушует», именно она истребовала Варпаховского в городскую культбригаду.

Театр по тем временам был весьма габаритным сооружением. Но в силу специфики Магадана как одного из крупных центров по приёму заключённых особых проблем с формированием труппы и вспомогательного персонала у руководства Маглага не возникало. Наиболее талантливые в творческом отношении люди из среды заключённых, как мы уже знаем, благодаря стараниям Гридасовой немедленно отзывались в Магадан, и небольшая вольнонаёмная труппа театра постоянно пополнялась за счёт лагерного контингента.

В этом плане характерен приказ по Магаданскому Дому культуры имени М. Горького от 17 марта 1945 года за № 47, где отмечалось, что «имеются в наличии ряд вакансий, которые замещаются из числа з/к по состоянию на 1 марта 1945 года в связи с отсутствием вольнонаёмного состава». В параграфе первом указывалось: «Считать

В. Козин на сцене Маглага, 1946г.

замещёнными следующие должности по существующему тарифу: а) административно-художественный персонал. Режиссёр-постановщик: з/к Варпаховский Л.В., з/к Никаноров Артист: заключённые Демич, Смирнов, Рытьков, Жжёнов, Ногаев, Воронцова, Мухина, Турышева, Яковлев, Тухватуллин, Грызлов, Волков, Бибииков, Артамонов, Зискинд, Грязнова, Будак, Пешков. Артист оркестра: заключённые Богушев, Бек-Туманов, Бабыкин, Шилов, Смольянинов, Косой, Шварцбург, Папазоглу, Клигер, Ядринский. Художник-декоратор: заключённые Шухаев, Вегенер...»

Как видим, в сороковые годы в Магадане работал уникальный творческий коллектив, состоящий из вольнонаёмных и заключённых, многие из которых стали впоследствии известными деятелями советской сцены. И всё же Дому культуры имени М. Горького никак не подходило название лагерный театр, поскольку это было обычное зрелищное заведение с присущей таковому административной атрибутикой, управлением и свободной продажей билетов. И о том, кто на сцене заключённый, а кто вольнонаёмный, рядовой зритель и понятия не имел.

Сами актёры подобрали своему Дому более подходящее название – крепостной театр. Таким он, по существу, и являлся, ибо весь состав труппы, без исключения, полностью зависел от произвола начальства Маглага с той лишь разницей, что одних можно было в любое время без разговоров загнать в забой или на лесоповал, а с другими, прежде чем поступить точно так же, требовалась некоторая видимость соблюдения законности.

Ещё одна особенность этой труппы заключалась в том, что, поскольку Гридасова собирала под сводами колымского дворца Мельпомены артистов разного профиля – поющих, танцующих, играющих, декламирующих, – театр формировался с самого начала как музыкально-драматический, то есть способный осуществлять постановки практически любого жанра: драматический спектакль, оперетту, балет и даже оперу.

Лагерная часть труппы театра состояла из культбригады Маглага, возглавляемой в пределах отпущенной ему компетенции художественным руководителем Л. Варпаховским. Собственно, культбригада существовала вполне самостоятельно – в качестве лагерной самодеятельности опять-таки по инициативе Гридасовой, и по мере необходимости подпитывала творческий штат театра.

Но главной неожиданностью для зрителя являлся необычно сильный для провинциального (деликатные «периферийный» или «региональный» ещё не употреблялись) театра творческий коллектив, возглавляемый Г.Н. Кацманом, основателем и первым режиссёром магаданской сцены. Среди актёров, игравших в этом театре и работавших впоследствии на сценах МХАТа и других театров Москвы, достаточно назвать имена народных артистов РСФСР Ю. Кольцова-

Розенштрауха и А. Демича. В 1943 году в драматическую труппу театра влился весь состав эвакуированного на Дальний Восток украинского музыкального коллектива.

Спектакли оформлялись известными художниками В. Шухаевым, И. Шерманом, Л. Вегенером. Ученик Кардовского Василий Иванович Шухаев, например, сделал великолепную сценографию к таким спектаклям, как «Мещане», «Великий государь», «Испанский священник», «Лев Гурыч Синичкин», «На бойком месте», «Царь Фёдор Иоаннович», «Сильва», «Мадемуазель Нитуш».

Для своего режиссёрского дебюта в Магадане Варпаховский избрал лёгкую изящную пьесу французского комедиографа Луи Вернейля «Похищение Елены». Выбор пьесы водевильного характера преследовал определённую цель: сработаться как можно быстрее с актёрами, лучше присмотреться к ним и оценить их возможности, ведь в комедии, считал Леонид Викторович, актёр чувствует себя наиболее раскрепощённым и показывает всё, на что он способен. При ограниченности средств и технических возможностей Варпаховскому удалось найти оригинальное художественное решение спектакля. «Задача театра, – говорил Леонид Викторович актёрам, – не только учить добру, отстаивать высокие нравственные принципы, но и доставлять людям подлинно эстетическое наслаждение». Ощущение праздника, по мысли Варпаховского, будь то даже трагедия, должно оставаться всегда. Именно такое ощущение светлого праздника и давал спектакль «Похищение Елены».

Ида Зискинд вспоминала: «Я помню, как заглянула в зал, где репетировали «Похищение Елены». На сцене уже стояла красивая выгородка: синий фон, белые колонны, распахнутое окно, за которое зацепился белый шарф Елены. И слуги бегают с зажжёнными канделябрами. Варпаховский очень любил свечи на сцене. Каждый раз, когда заходил вопрос об оформлении спектакля, наш заведующий постановочной частью всегда спрашивал: «А кто будет ставить?» Ему отвечали: «Варпаховский». – «Ну, значит, надо килограмм двадцать свечей доставать». Леонид Викторович был увлечён своей первой работой, и она удалась ему в полной мере».

Апропо. Вы только посмотрите, какие постановки шли на магаданской сцене – сплошь «костюмные» спектакли или из заграничной жизни. Тут абы во что «миллионера», царя с боярами или «дам из высшего света» не оденешь. Плохо греющие бушлаты, кирзовые сапоги, кургузые шапки-«магаданки», безразмерные рубахи и штаны для зэка – этого добра на Колыме хватало. Целая швейная фабрика – женский ОЛП – обшивала всю армию трудящихся из усвитловской драп-дерюги. А вот насчёт твида, шевиота, креп-жоржета – извиняйте. Транспортной связи с материком, где заканчивалась война, ещё не было, да и кто будет присылать дефицитные материалы на край света, в зековский Магадан – даже нишкни!

Сами актёры подобрали своему Дому более подходящее название – крепостной театр. Таким он, по существу, и являлся, ибо весь состав труппы, без исключения, полностью зависел от произвола начальства Маглага

Однажды, забившись в угол в лекционном зале, я наблюдал, как художник Вегенер писал натюрморт из увядающих колымских цветов. Вдруг врываются несколько вохровцев, обшарили помещение, Вегенера выгнали, на меня махнули рукой. Двое стали у дверей, остальные стали сопровождать ээка, таскающих в лекционный зал какие-то тюки.

Оказалось, американский пароход привёз по просьбе руководства Дальстроя (в рамках ленд-лиза) полтрюма разных тканей и костюмов, по-моему, даже со складов Голливуда.

Гридасова самолично (и по запискам) выдавала чиновным дамам отрезки на костюмы и платья, в общем, придела магаданскую «элиту», а заодно обеспечила потребности театра в одёжном реквизите. Даже Варпаховскому и Козину перепало на более-менее приличные костюмы. И спектакли из заграничной жизни теперь было показывать не стыдно.

Группа артистов-энтузиастов, мечтая о большой серьёзной работе, по предложению дирижёра К.Новогрудского задумала поставить оперу. Долго думали, о какой опере может идти речь, перебрали возможности певцов. Оказалось, что есть два баритона, лирико-колоратурное сопрано и два тенора. Решили взять «Травиату» как наиболее подходящую по составу исполнителей.

А. ВАРПАХОВСКАЯ
(дочь режиссёра)
в роли Луизы
(Коварство и
любовь)

Исполнительница роли Виолетты, артистка Ида Зискинд вспоминала: «Мы работали с большим воодушевлением, хотя шансов на то, что это будет когда-нибудь осуществлено, не было никаких. Варпаховский к идее постановки оперы отнёсся отрицательно, т.к. понимал, что это утопия, не было ни настоящих исполнителей, ни хора, ни балета, ни соответствующего антуража. Но как человек деликатный не хотел отнимать у нас нашу мечту. Он ничего нам не говорил, совсем не интересовался нашей работой и выделял нам для репетиций помещения, мало приспособленные для такой работы. В конечном итоге мы очутились в фойе.

Там в самом конце зала была маленькая площадка с роялем, во время праздников на ней размещался оркестр. Вот эта площадка в конце концов и стала нашим постоянным местом. Однажды мы репетировали под рояль застольную песню из «Травиаты». Пели только солисты и ещё несколько человек, представлявших собой хор. В это время Леонид Викторович, возвращаясь со своей репетиции, вошёл в зал и, вместо того чтобы уйти, вдруг остановился, потом сел на банкетку да так и просидел до конца нашей репетиции. Очевидно, в этот момент, у него как у художника, возник образ спектакля, участь «Травиаты» была решена...»

Появились и помещения для репетиций, и балет, и оркестр. Чтобы решить проблему хора режиссёр пошёл прямо к Гридасовой: «Александра Романовна, у меня нет хора». – «Не волнуйся, Варпаховский, – ответила она ему, – будет у тебя хор. Завтра к нам прибывает эстонская капелла в полном составе».

Когда генералу Никишову показали смету, составленную Варпаховским на постановку оперы, он взорвался: «Да что они с ума там сошли что ли?! Кому это нужно?!» И, взяв карандаш, с такой силой перечеркнул расчёты, что порвал бумагу.

Но Варпаховский был очень упрям в том, что касалось творчества. На премьеру «Травиаты» в концертном исполнении в лекционном зале театра он пригласил всё усвитловское начальство. Представление произвело на всех такое сильное впечатление, что Александра Романовна просто заставила Никишова посмотреть оперу. После просмотра Никишов встал и сказал своему заму: «Я уезжаю в Москву, вернусь – чтобы «Травиата» была выпущена. Отпустить средств столько, сколько потребуется».

Вскоре эта опера с громадным успехом шла уже на основной сцене.

Интересная подробность. В третьем акте в момент кульминации, когда Альфред публично и жестоко оскорбляет Виолетту, бросая ей в лицо деньги как плату за кратковременную любовь, на сцену выбегали гости в ярких маскарадных

Когда генералу Никишову показали смету, составленную Варпаховским на постановку оперы, он взорвался: «Да что они с ума там сошли что ли?! Кому это нужно?!» И, взяв карандаш, с такой силой перечеркнул расчёты, что порвал бумагу.

Г.Жжёнов. Оформление в Маглаг.

костюмах с зажжёнными свечами в руках. В центре на столике горели два канделябра. Когда Виолетта в чёрном платье подходила к столику, в дрожащем сиянии пламени высвечивалось лишь взволнованное её лицо. В глубине сцены располагались лишь музыканты за пультами, оснащёнными подсветками – крошечными электрическими лампочками. В целом эта игра огней на сцене создавала совершенно феерическое зрелище.

Кольцов-Розенштраух (бывший мхатовец) приходил почти на каждый спектакль смотреть эту сцену в «Травиате». На премьере он спросил у Леонида Викторовича: «А почему у вас гости на балу бегают со свечами?» Варпаховский, ничуть не смущаясь, слукавил: «Как?! Они же играли в «Святого Мартина»! А игра «Святой Мартин» обязательно со свечами». На самом деле никакой такой игры не существует. «Святого Мартина» Варпаховский придумал для оправдания своего замысла. И главное, что и в программе напечатали: «Прервав традиционную карнавальную игру в «Святого Мартина», сбегают гости».

Газета «Советская Колыма» в номере от 31 марта 1945 года поместила рецензию на спектакль под названием «Опера в Магадане»: «В сценическом истолковании оперы постановщик сумел проявить самостоятельность и творческую смелость. В своей работе над мизансценами режиссёр исходил не столько от либретто, весьма топорного, сколько от партитуры и её первоисточника, драмы Дюма («Дама с камелиями»). Это обращение к первоисточникам позволило развить сценарий оперы и укрепить сюжет. Постановщик ввёл ряд новых сцен без пения и развил некоторые образы, например, барона. Им взята установка на зрелищность, театральность, которая успешно компенсирует

недостатки виртуозности в исполнении. Он последовательно стремится к реальному, к правдивой мотивировке всех мизансцен, имея перед собой, конечно, такие образцы, как Оперная студия Станиславского.

Спектакль имеет хороший студийный характер. Это сказывается не только в экспериментальности постановки, но также в тщательной отработке ролей и общей слаженности спектакля. Хорошее знание партий позволяет исполнителям петь без указания дирижёрской палочки.

Постановщик смело отошёл от привычной трактовки этой оперы. Перенесения оркестра на сцену в первом и третьем актах по мысли удачно и вполне мотивировано сюжетом (вечеринка, бал) и обычаями изображаемой эпохи. Оно, по замыслу постановщика, подчёркивает противоположность интимных и массовых сцен и усиливает звучание оркестра в последних...

Каждый акт пронизан одним, свойственным ему, настроением, которое последовательно подчёркивается оформлением, красками костюмов и т.п. Так, например, в четвёртом акте яркие пятна карнавала, постепенное нарастание света, широкое светлое окно показывают смерть Виолетты, очищенной и просветлённой любовью и её бескорыстной жертвой.

В процессе подготовки к спектаклю театр вырастил из любителей артистов, обладающих профессиональным мастерством. Такова исполнительница ведущей в этой опере партии Виолетты. Обладая хорошим колоратурным сопрано большого диапазона и приятного тембра, она не только овладела партией, но и создала убедительный сценический образ любящей и страдающей женщины.

О других исполнителях можно сказать, что они

лучше справились с вокальной стороной роли, нежели с «игрой». Партия Жермона в исполнении Антонова Н.В. является наиболее убедительной в спектакле. В отделке образа сказываются высокая вокальная культура и опыт этого артиста (ещё бы: Антонов прошёл школу Мариинского театра, позже окончил Ленинградскую консерваторию, был ведущим солистом ЛАТОБа (бывш. Мариинки. – Б.С.). Стоит отметить исполнение небольшой партии врача. Красочный театральный образ создаёт исполнитель роли Гастона. Хорошо сделана небольшая роль служанки.

Вторая ведущая партия спектакля – Альфреда, к сожалению, не нашла достойного исполнителя, который обладал бы обаянием, сценическим темпераментом, необходимым для создания этого образа.

Недостатки отдельных исполнителей искупаются хорошо построенными массовыми сценами – хором, балетом (постановщик И.А. Андреев) и хорошим оркестром (дирижёр П.З. Ладирдо). Постановщик сумел так построить этот спектакль, что отдельные дефекты не помешали создать зрелище цельное, яркое и донести до слушателя классическую музыку Верди неискажённой...»

В рецензии газеты бросается одна особенность: не названы имена ни постановщика, ни художника, ни исполнителей главных ролей. Впрочем, удивительного ничего нет – ведь они всё-таки заключённые (упомянутые Антонов, Андреев и Ладирдо уже «освободились». – Б.С.).

К сожалению, «Травиата» недолго продержалась на сцене. После нескольких спектаклей опера была снята с репертуара по ряду причин (уехал на материк Антонов, умер Ладирдо, «по политическим мотивам» упало доверие к Варпаховскому и пр.)

Вообще в лагерной самодеятельности при всём её крепостничестве отмечу ещё один нюанс. Культбригада помимо бытовых благ давала заключённым возможность общения между мужчинами и женщинами. Разумеется, это общение ограничивалось лишь совместным участием в репетициях, концертах и спектаклях, по окончании которых, как говорится, вам налево, а нам направо. Порядок был строгий, но за всеми-то не уследишь. Тем более, некоторые культбригадовцы пользовались, по милости Гридасовой, такой привилегией, как «расконвоирование», то есть ходили на репетиции и возвращались в свой лагерь без охраны. За, что, правда, доставалось от Никишова и самой Гридасовой. Иван Фёдорович выговаривал ей: «Сашенька, мне прокуратура жалуется, что вечером в парк нельзя зайти, а у тебя заключённые расконвоированные ходят, любовь крутят. Какое же они наказание после этого имеют?». Александра Романовна оправдывалась: «Ваня, такой льготой у меня пользуются только ведущие, ну они же артисты, легкоранимые души, зачем унижать их конвоем?

Вообще в лагерной самодеятельности при всём её крепостничестве отмечу ещё один нюанс. Культбригада помимо бытовых благ давала заключённым возможность общения между мужчинами и женщинами

А все остальные, хор там, художники, кордебалет, как и положено, строем, под охраной, и утром и вечером». На самом деле Гридасова и сама особой вольницы не терпела. Заметив, к примеру, возникший роман (завершившийся позже счастливым браком на всю жизнь) между режиссёром «Травиаты» и исполнительницей главной роли, она тут же отправила дальтонику Варпаховского на трассу собирать бруснику, а Иду Самуиловну на Дукчу, что в десяти километрах от города – ухаживать за курами и доить коров. Для большей остротки любителей романтических встреч на свет божий появился строгий чиновничий циркуляр:

«Приказ № 47 от 4 мая 1947 года.

Несмотря на существующие положения и мои запрещения, некоторые работники театра общаются с з/к и з/к из культбригады Маглага. Во время концертов культбригады Маглага в закулисной части и в зале всегда находится большое количество актёрского состава и работников других цехов, которые к концерту не имеют никакого отношения. С целью ликвидации подобного явления, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить какое бы то ни было общение работников театра с з/к и з/к культбригады Маглага.

2. Во время концертов и репетиций культбригады Маглага запрещать работникам театра присутствовать в закулисной части, на сцене и в репетиционных залах. Присутствие в указанных местах разрешаю только лицам, которые заняты в проведении или подготовке концерта: рабочие сцены, осветители, гримёры, бутафоры, одевальщицы и т.п. ...

Директор Дома Культуры им. М.Горького старший лейтенант Карманов».

Но встречи любящих сердец всё равно продолжались и в театре, и за его пределами. И по освобождении многие участники культбригады сочетались законным браком и покидали Колыму уже в ранге семейных пар, как тот же Варпаховский с И.Зискинд, Розенштраух (Кольцов) с Е.Тарасовой, пианист Шварцбург со швейей И.Рудинской и т.д.

Каждый год Варпаховский ставил от двух до четырёх пьес. Постановки были самые разноплановые, причём и драматические и музыкальные: «Мисс Гоббс» Дж.Джерома, «Чёрный тюльпан» Штрауса, «Дорога в Нью-Йорк» Л.Малюгина, «Преступление на улице Марата» А.Мариенгофа, «Холопка» Н.Стрельникова, «Бешеные деньги» А.Островского, «Женитьба» (последние два спектакля поставлены в Усть-Омчуге). Случались, разумеется, и отдельные неудачи, но большинство спектаклей отличались яркостью, тонким режиссёрским вкусом, смелостью решений, насколько позволяли существующие условия.

Практическая работа приводит Варпаховского к закономерному желанию обобщить уже накопленный опыт. В 1947 году он задумывает написать книгу под общим названием «Письма о режиссуре (восемь этюдов о технике театра)». В черновом плане он намеревался проработать следующие вопросы: 1. Значение сюжета и фабулы в построе-

Магаданский театр, ещё без
четырёх фигур на фронте

нии пьесы и спектакля. 2. О композиционном и исполнительском искусстве в театре. 3. Теория в истории музыкального творчества и наука о театре. 4. Диалектика импульса и выражения. 5. «Торможение» и «отступление» в развитии действия. 6. Техника построения кульминаций. 7. Разработка мотивов и темпов спектакля. 8. Пространственная композиция.

К сожалению, новый арест помешал реализации его планов. Основная часть задуманного была осуществлена позже, в 60–70-е годы, и вошла в сборник его статей

**Но впереди
Варпаховского ожидал
другой спектакль, быть
может, главнейший на этом
этапе жизни – только вот ставил
его не он, роль режиссёров
отводилась другим людям,
далёким от театра,
облачённым в форму НКВД**

«Наблюдения. Анализ. Опыт». В Магадане же, в следственном изоляторе, получив разрешение на бумагу и карандаш, он вчерне закончил первые два письма-размышления, из которых особый интерес для исследователя представляет «Значение сюжета и

фабулы в построении пьесы и спектакля» как не нашедшее даже косвенного отражения в упомянутом сборнике. В этой любопытной работе Леонид Викторович дал логическое истолкование разработанному им «структурно-фабульному анализу» как способу выявления идейной и эстетической направленности драматургического произведения. И заслуга Варпаховского здесь в том, что он одним из первых советских режиссёров открыл и сформулировал новый метод, значительно облегчающий работу режиссёра на самом трудном этапе создания спектакля – этапе постижения точного

смысла литературного материала, уяснения авторской идеи и, как говорил сам Варпаховский, «правильной расшифровки стенографической записи слов», сделанной драматургом. Что, кстати, в современной режиссуре часто делается с точностью наоборот.

Можно только поражаться, каким мужеством, упорством, силой духа обладал тогда Леонид Викторович. Полурабское существование, статус «неисправимого контрреволюционера» и «вредителя», отупляющий лагерный режим и – заочная полемика с Мейерхольдом, разработка теории театральной режиссуры, думы о будущих спектаклях. Он парил над обыденностью, настоящего для него будто бы не существовало. Но впереди Варпаховского ожидал другой спектакль, быть может, главнейший на этом этапе жизни – только вот ставил его не он, роль режиссёров отводилась другим людям, далёким от театра, облачённым в форму НКВД. Но он – главное действующее лицо. Как и почему вдруг назрело это судилище?

Ида Самуиловна рассказывала мне: «Дождались мы наконец нашего освобождения. Театр предоставил нам комнату Шухаевых, которые уехали на материк. И мы надеялись зажить счастливой жизнью двух любящих людей. И тут до нас стали доходить странные и ужасные слухи, что арестован работник театра Кеше и будто бы посадят и Варпаховского. Мы старались не обращать на это внимания.

Как-то сидим, пьём чай. Время около одиннадцати вечера. Вдруг звонок в дверь. Открываю – на пороге стоит человек в форме НКВД, с ним солдат и какая-то женщина. Вошли в комнату, позвали нашего соседа как понятого и предъявили ордер на арест Лёни. Сразу же начали что-то искать. Но так как мы были бедны, как церковные мыши, эта процедура продолжалась недолго. Следователь прицепился только к чужому чемодану, в котором

лежали деньги, облигации, какие-то вещи. Я пояснила, что чемодан стоял ещё у Шухаевых, и мы не знали, что в нём находится. Перед отъездом Вера Фёдоровна, жена Шухаева, предупредила меня, что в комнате остался чемодан Эльзы Злочавер, портнихи и рукодельницы из её цеха, румынки по происхождению, отбывавшей 10-летний срок заключения. Эльза собирала себе средства на жизнь после освобождения. В лагере держать чемодан было нельзя, поэтому она хранила его у Шухаевых. Следователь заметил, что чемодан принадлежит заключённой, и если бы в нём нашли золото, то нас бы без разговоров расстреляли. В общем, чемодан изъяли. Лёню увели. Я, как полумная, бежала за ним в халате, потом села на ступеньки и застыла в прострации. Ждать его полтора года, прожить несколько месяцев вдвоём с ощущением полного счастья (мы только успели зарегистрироваться) – и вот всё сначала...»

Обвинений ему предъявили немало, но одним из главных было, к примеру, такое. В театре Варпаховский начал репетировать Шестую симфонию Чайковского, её иногда играли на похоронах. Ему помогала концертмейстер Софья Теодоровна Гербст, немка. Варпаховский обсудил с ней в тот день планы на завтра, и они попрощались. А утром приходят люди из лагеря и говорят, что Софья Теодоровна повесилась в уборной. Это произвело на всех тягостное впечатление. А Леонид Викторович, не сообразив, чем это чревато для него, сказал: «Товарищи, давайте почтим память Софьи Теодоровны вставанием, а потом продолжим репетицию. Музыка для нас – не развлечение, а работа». И снова играли Шестую симфонию. Недруги сразу распустили слухи, что Варпаховский организовал панихиду по повесившейся немке, тем самым выразил протест против советского лагеря...

Для своей защиты на процессе Леонид Викторович дал задание жене подобрать в библиотеке соответствующие материалы. Это сейчас легко говорить о нелепости обвинений, которые

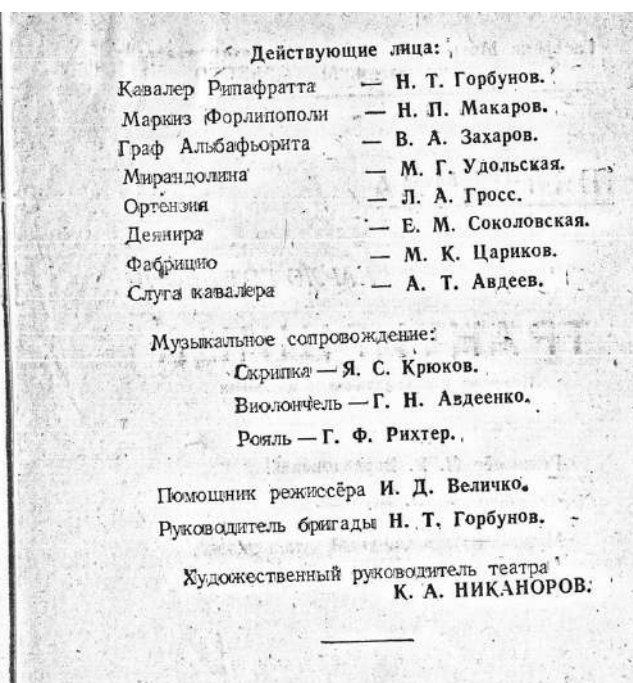
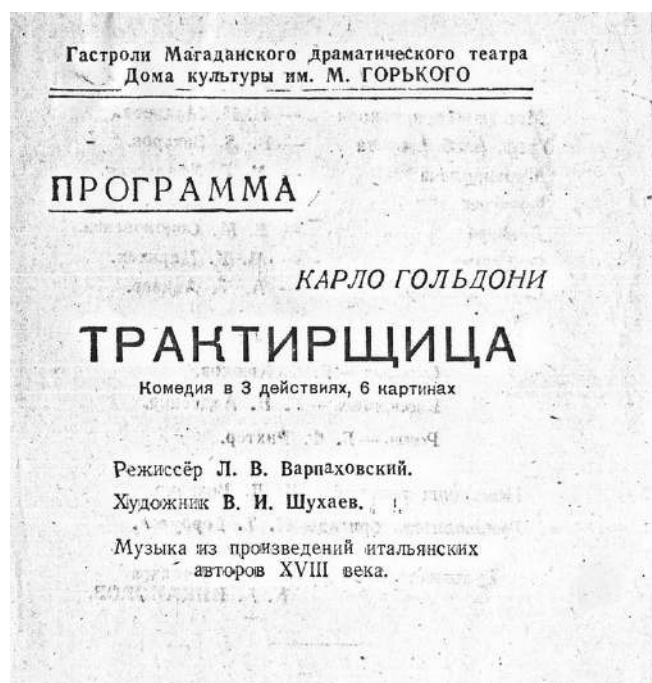
против него выдвигались. Ему же было не до смеха. Предстояло всерьёз оправдываться по всем пунктам, каждый из которых – пятьдесят восьмая статья! Со всеми вытекающими из неё последствиями.

Обвинения ему предъявлялись действительно смехотворные. Например, в одном из концертов, поставленным Леонидом Викторовичем, актёр Матусевич читал стихотворение о том, как немцы повесили в деревне мать партизана. Стихи сопровождался «Реквиемом» Моцарта и пением хора в оркестровой яме. Хор пел: «Скоро день настанет...» (текст Варпаховского). Инсинуаторы расшифровывали: «Какой день скоро настанет? Американцы придут освобождать Колыму! И почему «Реквием»? Это же старый религиозный хлам!»

Хорошо, что в библиотеке парткабинета нашлось газетное сообщение, что на похоронах Кирова тоже играли «Реквием» Моцарта.

Экспертом по «Реквиему» выступала на суде заведующая парткабинетом некто Трапезная. Этот, с позволения сказать, «эксперт» камня на камне не оставил от бедного Моцарта. С места поднимается Варпаховский: «Скажите, пожалуйста, что такое скрипичный ключ и чем он отличается от басового?» Трапезная недоумённо поворачивается к председательствующему: «Что, я должна отвечать этому заключённому?» Судья говорит: «Да, у него есть право задавать вам вопросы». – «А зачем мне знать про эти ключи?» Варпаховский: «Но без них вы не сможете прочесть оркестровку «Реквиема». Скажите, пожалуйста, а какое у вас музыкальное образование?» Она снова смотрит на судью: «Что, я опять должна отвечать?» – «Да, должны». – «Домашнее». Варпаховский: «Домашнее образование не даёт вам возможности разобраться в такой сложной вещи, как «Реквием». А вот что говорит об этом произведении Моцарта известный советский искусствовед...» И Леонид Викторович зачитывает соответствующую цитату из подготовленных материалов.

А чего стоило другое обвинение – «издеватель-

ство над советским колхозным строем», выразившееся в том, что у Варпаховского на сцене танцевали высокий мужчина, переодетый в женском платье, и маленького роста девушка в мужском одеянии. Леонид Викторович с присущей ему иронией объяснил, что это традиционный приём в постановке лубочных танцев. Но если кто-то в силу каких-то психических особенностей не может равнодушно смотреть на женщину, переодетую мужчиной, и на мужчину, переодетого женщиной, то он – Варпаховский – тут уж ничего поделать не может, его работа рассчитана на нормального советского человека.

Не обошлось на суде и без стычек с некоторыми свидетелями. В частности, один из них заявил, что

А.Дзыгар

«Травиата» Варпаховского является копией «Дамы с камелиями» Мейерхольда.

Леонид Викторович спросил у него: «Когда вы видели «Даму с камелиями?» Свидетель: «А я её не видел». – «Когда вы прибыли на Колыму?» – «В сорок шестом году». – «А «Травиата» в последний раз шла в 1945 году. Значит, вы не видели ни «Травиаты», ни «Дамы с камелиями». Граждане судьи, как можно судить о плагиате, не видя ни того, ни другого?» Свидетель: «По слухам». Судья: «По слухам мы здесь не можем обвинять».

У суда хватило здравого смысла отвергнуть абсурдные инсинуации обвинения. Процесс провалился. Варпаховский был оправдан. Но следователю Андрееву удалось добиться того, что Леониду Викторовичу пришлось покинуть Магадан и обосноваться на некоторое время на Теньке (п.Усть-Омчуг).

Начинать пришлось практически с нуля. Сразу возник мучительный вопрос: куда ехать? В Москву дорога была закрыта – ярлыка «судимости» по страшной пятидесяти восьмой с него никто не снимал, культ личности ещё не был развенчан, о реабилитации помышлять не приходилось. Да и вряд ли кто его помнил в Москве, ведь со дня ареста Леонида Викторовича прошло уже много лет!

После долгих размышлений Варпаховский едет в Тбилиси. Там обосновался его друг по Колыме художник Шухаев, обещавший в письмах Леониду Викторовичу посильную помощь в трудоустройстве.

На свой страх и риск бывшего «политзаключённого» берёт на режиссёрскую работу директор Тбилисского драматического театра имени Грибоедова Дадо Антадзе.

Я думаю, что тогда Леониду Викторовичу пришлось преодолевать не только настороженное отношение к себе со стороны окружающих и какие-то формальные условности, связанные с прошлым. Помимо прочего, предстояло утвердиться в себе самом заново. Избавляться если не от приобретённых в «той» жизни комплексов собственной неполноценности, то по крайней мере от чувства страха перед новой жизнью. Симптоматично, что для дебюта свой выбор он остановил на чеховской «Чайке».

В режиссёрской тетради Варпаховского есть весьма примечательная запись об этой пьесе: «Написана она не о неудачной любви, а написана она об искусстве. «Чайка» – это пьеса о трудном пути художника, о сущности художественного таланта, о том, что такое человеческое счастье... Не гибель, не поражение, а торжество творческой воли – такова поэтическая тема пьесы, выраженная через центральный образ». В «Чайке» он, вероятно, нашёл ответы на мысли, беспокоившие его тогда. Чехов помог обрести решимость, убеждённость, что силы ещё не растрочены и ещё можно что-то реализовать в творчестве, в искусстве театра.

СОСТАВ КУЛЬТБРИГАДЫ МАГЛАГА В 1940-е ГОДЫ

Художественный руководитель **Л.В. Варпаховский**

Розенштраух Георгий Эрнестович (Юрий Кольцов). В 1932–38 годах актёр МХАТ СССР. Мастер художественного слова. В 30-е годы часто выступал с чтением стихов по Всесоюзному радио и в концертах Московской филармонии. В 1937 году находился в командировке на Всемирной выставке в Париже. По возвращении арестован «по подозрению в шпионаже». Срок отбывал на Колыме. С 1942 года выступал на сцене Магаданского муздраттеатра им. М.Горького.

Из воспоминаний художника Л.Вегенера: «Розенштраух всё время надеялся на досрочное освобождение. Он показывал мне письма, которые получал от мхатовского актёра Василия Ивановича Качалова, который хлопотал за него в Москве, а потом обращался непосредственно к Никишову. В одном письме была такая фраза: «Я

Культбригада
Маглага. В центре
(в светлой куртке) -
Варпаховский.
В первом ряду вторая
справа - Зискинд

три раза написал Никишову и ни разу не получил ответа».

В конце марта 1948 года Розенштраух выехал на материк. При устройстве на работу в Ростове-на-Дону ему заявили: «Мы берём вас в труппу, но при условии, что вы меняете фамилию, или в крайнем случае берёте театральный псевдоним».

Так Розенштраух стал Кольцовым.

Нар. артист РСФСР (1964 г.).

Козин Вадим Алексеевич – самый популярный довоенный эстрадный певец. Осуждён сразу по трём статьям УК РСФСР, в т.ч. по 58-й – «за контрреволюционную пропаганду и агитации». В Маглаге находился с ноября 1944г. по сентябрь 1950г.

В составе культбригады Варпаховского выступил всего один раз. Музыкант Г.Смолянинов вспоминал:

«По какому-то поводу был устроен закрытый концерт для сотрудников МВД, и к началу представления многие уже находились в изрядном подпитии. В директорской ложе восседал сам Никишов.

Постановщик концерта Л.Варпаховский решил несколько нарушить стандарт и оживить программу, для чего выступление Козина запланировал в начале второго отделения. Сцену украсили необычно: рояль и ансамбль буквально утопали в цветах (разумеется, искусственных).

Когда занавес раздвинулся, Козин стоял облокотясь на рояль, а вокруг – море цветов. Публика на мгновение замерла, а потом разразилась аплодисментами. В зале раздался возглас: «Козину – ура!» Зрители, толком не разобрав, решили, что зву-

чит здравица в честь Никишова, в зале снова захлопали, раздались крики «Ура! Ура!» Вдруг в ложе поднимается разъярённый Никишов. Зал мигом стих, и взоры устремились на него. Генерал вне себя от бешенства заорал: «Кто крикнул «ура»?! Вы кому кричите «ура»?! (последовало нецензурное выражение). Только правительству можно кричать «ура». Убрать дурака из зала! А ты – вон со сцены!» Козин растерялся и едва рывкнул Никишов. – Вон со сцены! В карцер немедленно!»

Мы замерли от ужаса, боясь шелохнуться. Помреж Борис Будаков растерялся. Кто-то крикнул: «Давай занавес!» Козин бросился со сцены в гримёрную, мы врассыпную – ошеломлённые, перепуганные. Прибежал взволнованный Варпаховский: «Быстро устанавливайте джаз!»

За кулисами появилась Гридасова. Моментально сообразив, что Козина надо спасать, она тут же куда-то позвонила. И успокоила певца: «Вы не волнуйтесь, Вадим Алексеевич, никакого карцера, я всё улажу!»

Вадима Алексеевича тут же увезли в сангородок на двадцать третьем километре – дескать, заболел. Там он пробыл около месяца. А когда эта история стала забываться, всё опять пошло своим чередом и Козин вновь вышел на сцену. Но пути их с Варпаховским по ряду причин разошлись. Теперь певец, формально числясь в культбригаде, давал концерты самостоятельно.

После отбытия срока Вадим Алексеевич до конца своих дней проживал в Магадане. Скончался 19.12.1994г. Похоронен на местном кладбище.

ПРОГРАММА

ЛУИ ВЕРНЕЙЛЬ

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНА

(Необычайные приключения мадам
Ларсонье)

Комедия в 4 действиях

Режиссер-постановщик **ВАРПАХОВСКИЙ**

Художники — **ВЕГЕНЕР**
КАРПЕНКО

Гамильтон Нина Алексеевна – солистка балета Большого театра СССР. Арестована за связь с П.Постышевым, расстрелянным в 1939 году за «шпионаж в пользу Японии». Досрочно освобождена 15 января 1942 года. Работала артисткой балета и балетмейстером-постановщиком Магаданского театра. Позже вышла замуж и уехала в Москву, где занималась подготовкой юных балерин.

Дзыгар Александр Артамонович – музыкант. В начале 40-х первая скрипка Харбинского симфонического оркестра. После занятия Харбина советскими войсками осужден военным трибуналом «за деятельность, направленную на свержение власти». Выступал в культбригаде, после освобождения работал концертмейстером.

Это был человек с яркой артистической внешностью. Отбыв срок и находясь на положении «спецпереселенца», Дзыгар некоторое время выступал перед сеансами в магаданском кинотеатре «Горняк», играл популярные скрипичные вещи типа «Цыганских напевов» Сарасате. В конце исполнения музыкант входил в такой раж, что у него рвались струны – конские волосы на смычке. Это был эффектный номер, и он повторялся каждый вечер.

В театре Дзыгар увлекся приехавшей после окончания училища певицей Аллой Белявской и, помнится, рассказывал мне, как он устраивал свадьбу. Денег на банкет – надо было приглашать чуть ли не всю труппу театра – просто не было. Пришлось пойти на отчаянный шаг – заложить чиновнику-«спонсору» скрипку, чтобы приобрести в торге пару ящиков водки и соответствующую закуску. А скрипка-то была середины XVI века, работы знаменитого баварского мастера Тиффенбруккера. Таким образом, Александр Артамонович потерял ценный инструмент (говорят, сейчас такая скрипка стоит полмиллиона евро), но зато обрёл своё новое счастье.

Заслуженный артист РСФСР (1973г.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Густав Ларсонье	—ДЕМИЧ
Элен Ларсонье	—ТАРАСОВА
Фердинанд Бревен	—СМИРНОВ
Валентина Бревен	—МУХИНА
Доктор Жермон	—РОЗЕНШТРАУХ Г. Э.
Вельтон	—ПОСЛАВСКИЙ О. В.
Пиньоло	—ГРЫЗЛОВ
Мадам Менар	—ЛЕЙЗЕРОВА
Альфонс	—АРТАМОНОВ
Инспектор полиции	—БУДАК
Полицейский	—ВОЛКОВ
	—КОРЕНЕВ
	—БИБИКОВ

Дирижер под управлением **БОГУШЕВА**

Струнный квартет — **ПАПАЗОГЛУ, КОСОЙ, ЗЛОЧАВЕР, НОВОГРУДСКИЙ**

Соло на скрипке — **ПАПАЗОГЛУ**

Пом. режиссера — **КОРЕНЕВ**

Зав. постановочной частью — **М. А. ВАХНЯНСКИЙ**

Грим, парики — **М. А. МАРМОНТОВ**

Освещение — **А. В. ДМИТРИЕВ**

Костюмы — **Н. Д. ГОРИНА**

Машинист сцены — **С. И. ТРУБАЧЕВ**

Бутафория и реквизит — **А. А. ТЕРЕНТЬЕВ**
Н. Г. БЕЛОУСОВ
Е. И. КЛИМЕНТЬЕВА

Художественный руководитель театра — **Г. Н. КАЦМАН**

Шахт Клавдия Максимовна – одна из первых парашютисток СССР. Гражданская жена командарма 1-го ранга И.Уборевича. После его расстрела («заговор в Красной Армии») была арестована за связь с «врагом народа». Выступала как танцовщица в культбригаде и Эстрадном театре Маглага.

После освобождения в 1951 году работала маникюршей в бане пос. Усть-Омчуг, потом в Магадане – разнорабочей вино-водочного завода.

Яковлев Тит Епифанович – в 30-е годы солист Ансамбля песни и пляски Центр. Дома Красной Армии. В 1937 году осужден «за измену родине» сроком на 10 лет. Выступал в культбригаде с русскими народными песнями. В конце 40-х – солист Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького.

Зискинд (Варпаховская) Ида Самуиловна. Жила с родителями и мужем в Харбине. После возвращения в СССР была арестована и привезена на Колыму в 1939 году как «член семьи изменника родины». Выступала как певица в культбригаде Маглага и на сцене Муздратеатра им. М. Горького. Освободившись в 1945 году, вышла замуж за Л. Варпаховского.

В ноябре 1947 – октябре 1948 – помощник повара Санитарного управления Дальстроя и маникюрша гостреста «Колымснаб».

В 1953 году вместе с мужем вернулась в Москву.

Бойко (Прокофьева) Мария Степановна – артистка балета Николаевского украинского театра. Была осуждена по 58-й статье и доставлена на Колыму в ноябре 1946 года. Выступала как танцовщица. «Лагерная жена» музыканта Эдди Рознера, отбывавшего срок тоже в Магадане.

После освобождения работала администратором Муздратеатра им. М. Горького.

Позже выехала на материк и эмигрировала в ФРГ, где проживала её дочь.

Винник Антонина Митрофановна. Уроженка

Харбина. Работала в Дайрене в салоне дамских платьев. Была арестована «за деятельность, направленную на свержение власти» (может, платья шила короче, чем надо?) и в 1946 году доставлена из Китая на Колыму. Пела на сцене Маглага. Освободившись в 1949 году, долгое время работала в опереточной труппе театра. Потом уехала в Харьков.

Артамонов Николай Степанович – певец. Окончил Петербургскую консерваторию. С 1918 года солист Ленинградского (бывшего Мариинского) театра оперы и балета. В 1933 году репрессирован и осуждён на срок 10 лет. Выступал в культбригадах Бамлага, Заплага и др. С 1943 года – артист-певец и педагог культбригады Маглага. Потом – артист Муздрамтеатра им. М.Горького. В 1947 году выехал на «материк».

Нальский Наум Павлович – артист-комик. Выступал на сценах разных городов страны. С 1936 года – артист и режиссёр Хабаровского театра оперетты. В 1937 году осуждён «за участие в антисоветской организации» на срок 8 лет. Выступал с юмористическими рассказами в культбригаде Маглага. В сентябре 1943 года освобождён, был зачислен в Муздрамтеатр им. М.Горького «на должность артиста высшей категории с возложением обязанностей главного режиссёра музыкальной комедии». Позже вернулся в Хабаровский театр оперетты.

Тернер Борис Евгеньевич – пианист. Окончил Ленинградское музучилище им. Римского-Корсакова. Выступал в культбригаде и Муздрамтеатре им. М.Горького. Неизменный аккомпаниатор Вадима Козина. Особенно виртуозную игру показывал, когда сопровождал исполнение Козиним песенки «Магаданский ветерок» («Я живу на улице Портовой...»). Позже, когда певец сменил городской адрес, они продолжали бисировать ту же песенку с новым началом: «Я живу в квартире номер девять, Школьный переулок, дом один...». Зал просто неистовствовал, чему свидетель ваш покорный слуга.

Акчешаш Василий Васильевич – певец. Окончил Кишинёвскую консерваторию. Выступал в Тимишоаре (Румыния). Осуждён на 7 лет лагерей. Выступал в концертах культбригады и Эстрадного театра Маглага. После освобождения в 1951 году некоторое время работал на авторемонтном заводе. Затем – артист-певец Муздрамтеатра им. М.Горького.

Венгерова Евгения Григорьевна – певица. Окончила Киевскую консерваторию. Выступала в филармонии и Киевском театре оперы и балета. Осуждена как «член семьи изменника родины». Пела в культбригаде Маглага. Досрочно освобождена и с октября 1943 года – актриса-певица Муздрамтеатра им. М.Горького. В конце 1945 года выехала на «материк».

Ладирдо Пётр Зиновьевич – музыкант. Окончил дирижёрский факультет Московской консерватории. С февраля 1938 года – главный инспектор военных оркестров в Хабаровске. Арестован в 1939 году «по подозрению в шпионаже». Освобождён в июле 1944 года и с этого времени заведующий музыкальной частью Муздрамтеатра им. М.Горького. 23 апреля 1947 года умер в возрасте 36 лет.

Рихтер Гертруда Фридриховна. Училась в

университетах Берлина и Франкфурта-на-Майне. Получила учёную степень доктора философии, звание доцента немецкой литературы и языкознания, диплом преподавателя музыки. В 1932–34 годах – секретарь Союза революционных писателей Германии. Весной 1934 года приехала в Москву продолжать педагогическую деятельность. 3 ноября 1936 года получила советское гражданство, а на следующий день была арестована «за контрреволюционную троцкистскую деятельность». Срок отбывала в Магадане. Освобождена 14 сентября 1946 года. С 13 октября 1946 года – гардеробщица Муздрамтеатра им. М. Горького.

Неоднократно привлекалась к музыкальному оформлению спектаклей Варпаховского и других режиссёров, выступлениям в джазе и симфоническом оркестре. Давала консультации актёрам и художникам по вопросам трактовки ролей иностранных персонажей, их языка, костюмов и пр. Как вспоминал один из участников культбригады, она была добра, но всегда ворчала: «Мне ещё полы в фойе надо мыть, а вы тут пристаёте со всякими вопросами».

После второго ареста, в 1950–53 годах – преподаватель иностранных языков и пианистка клуба посёлка Усть-Омчуг (где работала опять же с Варпаховским).

И.Зискинд

Шухаев. Эскиз
костюма Виолетты

Парижской Академии художеств. Дебютировал на фабрике Ханжонкова, с 1926 года – художник киностудии «Ленфильм». С 1937 по 1943 год отбывал наказание в Маглаге, занимался внешним оформлением Муздромтеатра им. М.Горького, готовил эскизы и декорации к нескольким спектаклям.

До и после заключения – художник-постановщик таких культовых фильмов как «Женитьба», «Чапаев», «Небесный тихоход», «Золушка», «Спящая красавица».

Гаркуша-Ширшова Евгения Александровна – артистка театра и кино. Одна из красивейших актрис СССР. Служила в Московском театре им. Моссовета, снималась в фильмах «Пятый океан», «Годы молодые», «Неуловимый Ян». Гражданская жена знаменитого полярника, Героя Советского Союза П.Ширшова.

В 1946 году на одном из приёмов её заметил Берия и сделал неприличное предложение. В ответ получил жгучую пощёчину. В результате по надуманному обвинению артистка была направлена на Колыму, где по иронии судьбы трудилась на золотообогатительной фабрике им. Берии. Она не попала а поле зрения ни Гридасовой, ни Варпаховского, который в это время находился на Теньке, видимо, дальше прииска Матросова её не выпускали. Может быть, просто не хватило времени, чтобы возник счастливый случай, и она оказалась бы в культбригаде. Евгения Александровна распорядилась по-своему: через год, не выдержав рабского существования, приняв большую дозу снотворного, покончила с собой.

Список далеко не полный, артисты часто менялись, здесь перечислены более-менее «кустойчивые» члены культбригады. Вообще же за годы существования Дальстроя через этот «очаг культуры» в системе УСВИТЛа прошли десятки, а то и больше, заключённых, имевших до ареста какое-либо отношение к творческой деятельности. А то и не имевших оно, как, например, Николай Александрович Шайкин, работавший до заключения прорабом «Военбензостроя» и ставший в Магадане популярнейшим артистом-комиком и прослужившим после освобождения в Муздромтеатре им. М.Горького без малого 20 лет. Или украинка Нина Ключко, которую в культбригаде называли «румынской королевой». Когда Одесскую область оккупировали румыны (в составе немецкой армии), их король Михай дал объявление в местной газете, что хочет жениться на украинке. Вот три подружки вместе с Ниной Ключко и написали ему письма, за что потом заплатились десятью годами свободы. Но в культбригаде Нина не задержалась – особых талантов так и не открылось. Но были блестящие эстрадные певицы одесситка Лидия Чечельницкая и полячка Генриетта Глуд. Танцоры Энвер Азизов и Алла Розенблюм...И много-много других, кого уже давно нет на свете, и спросить-то теперь не у кого. Разве что их «дела» ещё пылятся где-нибудь в подвалах бывшего НКВД.

Вскоре выехала в Москву, была реабилитирована и вернулась на родину.

Ветрова Галина Георгиевна – пианистка. Училась в Одесской консерватории. Во время войны, когда румынские войска оккупировали Одессу и Крым, несколько месяцев аккомпанировала Петру Лещенко, находившемуся в Крыму на военной службе.

Вышла замуж за румынского офицера. После войны была осуждена «за измену родине». 10-летний срок отбывала на Колыме. Периодически аккомпанировала Вадиму Козину. После освобождения и до самой кончины в 2000 году работала концертмейстером в Муздромтеатре им. М.Горького.

Вегенер Леонид Викторович (Винфридович) – художник. До ареста работал во «Всекохудожнике». Осуждён «по подозрению в шпионаже» и доставлен на Колыму в 1938 году. Оформлял почти все спектакли культбригады Маглага, в т.ч. «Травиату» в постановке Варпаховского. После освобождения (1946) долгое время – главный художник Муздромтеатра им. М.Горького. В конце 1950-х выехал в Москву.

Махлис Исаак Петрович – художник. Учился в